

lt. sing.

1511

i

219

ц. 2 р.
кв. №

М. Гусев

Коска 1. № 35.

sing. 15M i

50

573

313/
~~Писсорова~~

eN139

Wm. W. W.

<36609816520019

<36609816520019

Bayer. Staatsbibliothek

217

PELV

Wm. C. C. C.

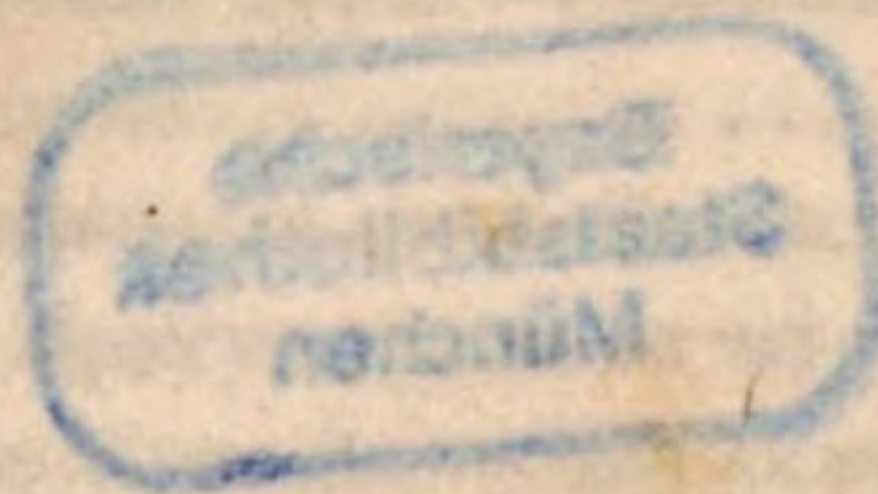
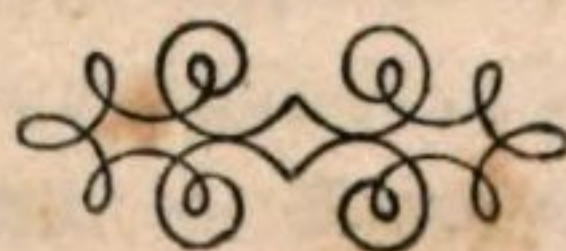
THE HISTORY OF THE
CITY OF NEW-YORK
FROM THE FIRST SETTLEMENT
TO THE PRESENT TIME
BY J. C. C. C.
IN TWO VOLUMES
VOL. I.
NEW-YORK: PUBLISHED BY J. C. C. C.
1800.

ИЗЪ

РИМА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА НИКОЛАЯ АДЛЕРБЕРГА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 28 декабря 1852.

Ценсоръ А. Крыловъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Тг 193/50078

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Изъ Рима въ Іерусалимъ.....	2
I. Римъ. — Католическая Пасха въ Римѣ. — Благословеніе папы. — Отъѣздъ. — Анкона. — Пароходъ «Лодовико». — Анекдотъ на морѣ. — Корфу. — Патрасъ. — Интересная незнакомка. — Востица. — Лутраки. — Каламаки. — Пирей. — Пріѣздъ въ Аѣины.....	5
II. Аѣины. — Сравненіе прошедшаго съ настоящимъ. — Историческія свѣдѣнія. — Взглядъ на древній городъ. — Акрополисъ. — Парѣенонъ. — Пропилеи. — Пантеонъ. — Главнѣйшіе памятники древности. — Храмъ Юпитера-Олимпійскаго. — Ареопагъ. — Древнія и новыя Аѣины. — Королевскій дворецъ. — Король и королева. — Палата Депутатовъ.....	32
III. Пароходъ «Леонидасъ». — Капитанская каюта. — Островъ Сира. — Пароходъ «Миносъ». — Карантинныя правила. — Препровожденіе времени въ морѣ. — Архипелагъ. — Берега Африки. — Начало бури. — Смѣлость капитана. — Пріѣздъ въ Александрію.....	54
IV. Хамсинъ. — Сераль Мехмеда-Али. — Ротонда. — Спальня. — Подарокъ папы. — Присутственныя мѣста. — Жизнь на улицѣ. — Извозъ въ Египтѣ. — Взглядъ на угнетенное положеніе народа. — Отношеніе паши къ народу. — Нилъ. — Дельта. — Каналъ. — Сераль Сеида-Паши. — Бананы. — Розовыя поля. — Утонченная роскошь. — Харемъ Сеида-Паши. — Помпеева колонна. — Величествен-	

ныя обелиски. — Историческій обзоръ Александріи. —
Клеопатрины иглы..... 69

V. Купальня Клеопатры. — Торговля невольницами. — Обѣдъ у
консула. — Воспоминаніе о Пассекѣ. — Видъ изъ дома
консула. — Два пути изъ Александріи въ Іерусалимъ. —
Предложеніе прусскаго консула. — Мехмедъ-Решидъ-Па-
ша. — Фрегатъ Бехейра. — Капитанъ Халиль. — Несча-
стіе. — Возвращеніе на берегъ. — Обѣщаніе капитана. —
Мустики. — Перемѣна вѣтра. — Неожиданная тревога и
опасеніе. — Пушечная пальба въ морѣ. — Арабская лод-
ка. — Спасеніе..... 87

VI. Обѣды Решида-Паши. — Трубки. — Чубукчи. — Приготов-
леніе кофе. — Постель на парусахъ между орудій. — Мор-
ской штиль. — Равнодушіе паши и всего экипажа. — Бол-
товня. — Неумѣстная затѣя. — Зять Решида-Паши. —
Происхожденіе паши. — Оригинальный разговоръ. — Кар-
мельскій монастырь. — Пророкъ Ілія. — Дынный садъ. —
Разсказъ аббата Жерамба. — Акра, или Птоломаида. —
Джезаръ-Паша. — Осада Акры. — Отступленіе Бона-
парте.....119

VII. Бейрутъ. — Приготовленія экипажа Бехейры. — Пушеч-
ный салютъ. — Карантинъ. — Старанія Решида-Паши. —
Народонаселеніе. — Ливанская Гора. — Анти-Ливанъ. —
Разнополосная почва земли. — Кедръ ливанскіе. — Гене-
ральный консулъ. — Г. Мострасъ. — Докторъ Песталоц-
ци. — Обѣды въ карантинѣ. — Видъ на взморье. — Ту-
рецкій пароходъ. — Новыя усилія. — Арабская лодка. —
Впечатлѣнія бейрутскаго карантина. — Безвѣтріе. — Не-
удобства путешествія на лодкѣ. — Предвѣстники бури. —
Штормъ. — Отчаяніе моряковъ. — Убѣжденія. — Быстрое
плаваніе вдоль береговъ. — Спасительное провидѣніе. —
Тиръ. — Консулъ. — Восточный кейфъ. — Завтракъ на
восточный ладъ. — Слѣды древняго города. — Дочь кон-
сула. — Оригинальное предложеніе. — Богатство деревь-
евъ. — Убийственные разговоры. — Адъютантъ Мехмеда-
Али. — Боязливость моряковъ. — Отплытіе. — Темная
ночь и сильная качка въ морѣ.....132

- VIII. Приѣздъ въ Яффу. — Историческія воспоминанія — Подводные камни. — Два слова о турецкихъ пароходахъ. — Карантинныя затрудненія. — Г. Жаба. — Вице-консулъ Марабутти. — Отѣздъ. — Дорога изъ Яффы въ Іерусалимъ. — Кактусы. — Стада дикихъ птицъ. — Рамле. — Греческій монастырь. — Толпа поклонниковъ на почле-
гѣ. — Старикъ игумень. — Разговоръ съ русскимъ мона-
хомъ. — Нестерпимая ночь. — Выѣздъ изъ Рамле. — Прелестное утро. — Измѣнившійся характеръ мѣстополо-
женія. — Встрѣча путешественниковъ.....156
- IX. Наставленіе путешественникамъ. — Сѣдла. — Вода. — Черта народной гордости восточныхъ племенъ. — Мѣсто убіе-
нія яффскаго паши. — Разбойникъ Абугожъ. — Условія путешественниковъ съ разбойниками. — Первый взглядъ на Іерусалимъ. — Краткая молитва. — Негодованіе про-
ходящихъ. — Неудобопроходимая дорога. — Доброта араб-
скихъ коней. — Іерусалимъ.....171
- X. Неожиданное препятствіе. — Турецкій обычай. — Разсужде-
ніе. — Униженіе вѣры христіанской. — Входъ во Храмъ Воскресенія. — Два слова о богобоязни и православіи въ русскомъ сердцѣ. — Пренебреженіе Крестнаго Пути: мы-
сли о способѣ устранить оскверненіе его. — Ворота Возлюбленнаго. — Солнечный зной. — Толпа народа. — Пре-
даніе мухаммеданъ. — Встрѣча путешественниковъ. — Легкомысліе молодаго Американца. — Укрѣпленіе Іерусали-
ма. — Нечистота за оградой города. — Отпираніе воротъ. — Безпорядокъ и драка. — Грустное впечатлѣніе. — Ка-
вась. — Митрополитъ Мелетій. — Квартира консула. — Препятствіе, встрѣченное при поклоненіи гробу Господню. 181
- XI. Ночное шествіе съ факелами. — Невыразимое впечатлѣ-
ніе. — Входъ во Храмъ Воскресенія Господня. — Камень муропомазанія. — Глубокое благоговѣніе. — Лѣстница на Голгоѣу. — Описаніе Голгоѣы. — Происхожденіе святаго гроба. — Обычай погребенія Іудеевъ. — Планъ храма. — Плата за входъ. — Наслѣдственное владѣніе ключами
храма. — Отверстіе для передачи пищи. — Пять исповѣ-
даній, отправляющихъ богослуженіе. — Главная часть

- храма; куполъ; Часовня Святаго Гроба; Пещера Ангела; камень, служащій жертвенникомъ. — Входъ ко гробу Господню и его внутренность. — Ночь; яркій свѣтъ паникадилъ. — Время обѣдни. — Впечатлѣніе, производимое словами св. Евангелія.....194
- XII. Церковь на Голгоѣ; придѣлъ св. Голгоѣы; мѣсто распятія Спасителя. — Серебряная оправа. — Казнь двухъ разбойниковъ. — Разсѣлина въ скалѣ. — Кровь Христова. — Черепъ перваго человѣка. — Преданіе. — Гробницы Готфрида Буилльонскаго и Балдуина; вторая половина храма на Голгоѣ; мѣсто пригвожденія Іисуса Христа къ дереву. — Часовня Богоматери; страданіе Пресвятой Богородицы; сравненіе несравнимаго; столбъ поруганія; Пещера св. Елены; богоугодная дѣятельность царицы. — Константинъ Великій. — Св. Макарій. — Поиски честнаго креста Господня. — Идолы. — Открытіе Пещеры Святаго Гроба. — Обрѣтеніе честнаго дерева. — Чудесное знаменіе силы и славы Божіей. — Запрещеніе казнить пропятіемъ.....207
- XIII. Мѣсто метанія жребія о ризахъ Спасителя. — Встрѣча Маріи Магдалины со Спасителемъ по его воскресеніи. — Мѣсто явленія Іисуса Христа Пресвятой Дѣвѣ. — Темница Спасителя. — Греческій храмъ. — Животворящее дерево. — Вѣра. — Выходъ изъ храма. — Крестный Путь. — Домъ Пилата. — Происхожденіе терноваго вѣнца. — Замѣчаніе Шатобріана; мѣсто встрѣчи Пресвятой Богородицы. — Сила вѣры. — Симонъ Киренейскій. — Лазарь. — Домъ богача. — Святые жены. — Слова Спасителя. — Нерукотворенный образъ. — Судныя ворота; мысли о Крестномъ Пути. — Св. лѣстница въ Римѣ. — Зной. — Темница св. Петра. — Домъ Заведеовъ; домъ Симона Фарисея; домъ св. Анны. — Мѣсто встрѣчи Спасителя. — Домъ архіерея Анны. — Куполы церквей, кресты и колокола. — Патріархъ Кириллъ. — Панагія. — Нишамъ. — Распредѣленіе времени. — Вопросъ патріарха. — Постъ.....217
- XIV. Губернаторъ Іерусалимскій. — Ночное говѣніе. — Мечеть Омара. — Запрещеніе христіанамъ. — Іосафатова Долина. — Кедронскій Потокъ. — Мѣсто убіенія св. Сте-

- фава. — Геосиманія. — Вертепъ Пресв. Богородицы. — Гробницы Іоакима и Анны. — Масличный Садъ. — Восемь деревъ. — Ощущеніе. — Холодъ. — Разсказъ о. Діонисія. — Мѣсто молитвы Господней. — Мѣсто отдохновенія Пресв. Богородицы. — Явленіе Пресв. Дѣвы апостолу Ѳомѣ. — Омоворъ. — Гробницы Іосафата и Авессалома. — Привратники. — Недостатокъ мѣстныхъ познаній греческихъ монаховъ. — Возвращеніе въ Храмъ Воскресенія...230
- XV. Ночи, проведенныя въ храмѣ. — Ризница. — Мощи св. Василія Великаго. — Архіерейское служеніе въ греческомъ храмѣ. — Сравненіе. — Молитва у гроба Господня. — Чтеніе Евангелія на Голгоѣѣ. — Исповѣдь тамъ же. — Принятіе св. таинъ въ Пещерѣ св. Гроба. — Глубокія, необыкновенныя впечатлѣнія. — Отдыхъ; посѣщеніе патріарха. — Условіе съ разбойниками; ихъ наружность. — Приготовленія къ дорогѣ.....242
- XVI. Совѣтъ митрополита Мелетія. — Петра Аравійская. — Селеніе Керакъ. — Отчетъ по сбору dobroхотныхъ приношеній на построеніе храма. — Освященіе церкви. — Путешествіе митрополита въ Керакъ; его содѣйствіе къ успѣшному ходу предпріятія. — Употребленіе собранныхъ денегъ. — Упроченіе существованія храма на будущія времена. — Слово благодарности участникамъ этого предпріятія.....250

.....	230
.....	231
.....	232
.....	233
.....	234
.....	235
.....	236
.....	237
.....	238
.....	239
.....	240
.....	241
.....	242
.....	243
.....	244
.....	245
.....	246
.....	247
.....	248
.....	249
.....	250
.....	251
.....	252
.....	253
.....	254
.....	255
.....	256
.....	257
.....	258
.....	259
.....	260
.....	261
.....	262
.....	263
.....	264
.....	265
.....	266
.....	267
.....	268
.....	269
.....	270
.....	271
.....	272
.....	273
.....	274
.....	275
.....	276
.....	277
.....	278
.....	279
.....	280
.....	281
.....	282
.....	283
.....	284
.....	285
.....	286
.....	287
.....	288
.....	289
.....	290
.....	291
.....	292
.....	293
.....	294
.....	295
.....	296
.....	297
.....	298
.....	299
.....	300

ИЗЪ РИМА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

ИЗД. ПЕРВОЕ РАЗАЧИСЛЕНИЕ.

ИЗЪ РИМА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

Такъ рѣшился я назвать замѣтки на пути моемъ отъ начала до главной его цѣли. Эти беззатѣйныя строки были написаны мною безъ претензіи на литературную извѣстность, безъ всякаго авторскаго тщеславія, единственно для освѣженія въ памяти того, что я видѣлъ, и притомъ въ то время, когда писались онѣ, я не имѣлъ и мысли пустить ихъ когда-нибудь въ свѣтъ. Между-тѣмъ нѣкоторые снисходительные пріятели, прочитавъ, одобрили этотъ рассказъ о моемъ странствованіи и уговорили меня напечатать мои впечатлѣнія, которыя имѣютъ лишь одно достоинство: они чужды вся-

кихъ вымышленныхъ прикрасъ. По-моему лучше многое даже не досказать, нежели пустыми, ложными добавленіями исказить истину.

Очерки путешествій не должны быть плодомъ фантазіи, ни вымышленной болтовней. Глубокія, ученія изслѣдованія принадлежатъ историческимъ сочиненіямъ, а потому здѣсь они столь же неумѣстны, какъ философскія и политическія разсужденія. Путевыя замѣтки должны быть зеркаломъ того, что дѣйствительно было въ путешествіи, ибо путешествіе не сказка, а быль.

I.

Римъ. — Католическая Пасха въ Римъ. — Благословеніе папы. — Отъездъ. — Анкона. — Пароходъ «Лодовико». — Анекдотъ на морѣ. — Корфу. — Патрасъ. — Интересная незнакомка. — Вос-
тица. — Лутраки. — Каламаки. — Пирей. — Пріездъ въ Аѣины.

Проведя зиму 1845-го года въ Италиі, въ мартѣ я спѣшилъ изъ Неаполя на нѣсколько дней въ Римъ къ празднованію католической Пасхи.

Римъ мнѣ уже прежде былъ знакомъ, а потому, при этомъ новомъ посѣщеніи, я не заботился осматривать всѣ его достопримѣчательности, но имѣлъ въ виду лишь одно — провести въ столицѣ Церковной Области святыя для всякаго христіанина дни и получить вѣрное понятіе о всѣхъ обрядахъ и о препровожденіи жителями вѣчнаго города времени на страстной недѣлѣ и въ великолѣпно-празд-

нуемый день свѣтлаго Христова воскресенія. Между-тѣмъ, желая встрѣтить нашу православленную Пасху тамъ, гдѣ она получила свое святое начало, я предполагалъ, оставивъ $\frac{1}{2}$ $\frac{7}{9}$ марта Римъ, поспѣшить въ Анкону, а оттуда моремъ предпринять дальнѣйшее путешествіе къ святымъ мѣстамъ.

Я коснулся Рима лишь мимоходомъ, какъ основанія, или исходнаго пункта моего разсказа, но не стану описывать всѣхъ обрядовъ римскаго богослуженія въ послѣдовательномъ порядкѣ: это давно уже сдѣлано перомъ болѣе опытнымъ и краснорѣчивымъ. А. Н. М., въ 1846-мъ году, подарилъ нашу духовную литературу своими «Римскими Письмами», изложивъ въ нихъ такъ же занимательно и поучительно свои впечатлѣнія, какъ вѣрно и подробно переданы имъ описанія замѣчательныхъ церковныхъ обрядовъ и богослуженія, совершаемаго папою въ первый день Пасхи.

Посланникъ нашъ въ Римъ пригласилъ меня присутствовать на пасхальной литургіи. При покровительствѣ г. Титова, я получилъ мѣсто въ алтарѣ главнаго придѣла и такимъ

образомъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ подробностей церемоніи, совершавшейся у меня передъ глазами. Но — здѣсь я долженъ признаться — церемонія эта показалась мнѣ не столько благоговѣйною и искреннею, сколько великолѣпною и пышною. Пѣніе и молитвы пролетали мимо ушей моихъ безъ отголоска въ сердца. Если васъ интересуеъ весь ходъ этого праздника, прочтите въ «Римскихъ Письмахъ» систематическое его описаніе: тамъ все изложено и безпристрастно и вѣрно; а я перейду къ тому, что меня наиболѣе тронуло и поразило — къ тому величественному зрѣлищу, когда царственный первосвященникъ, съ балкона исполинскаго храма св. Петра, въ минуту всеобщаго молчанія, осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ колѣнопреклоненную толпу народа, и когда эта толпа мгновенно, единодушно отвѣчаетъ ему громовымъ, торжественнымъ привѣтствіемъ.

Въ то время тіара церковнаго владычества лежала еще на главѣ папы Григорія XVI-го. Убѣленный сѣдинами первосвященникъ доживалъ послѣдніе годы своей жизни. Глубокая,

ничѣмъ—невозмутимая старость его вселяла къ себѣ довѣріе и почтительную любовь.

Римъ, въ которомъ и безъ того много собственныхъ коренныхъ жителей, былъ еще въ—добавокъ, какъ говорится, биткомъ набитъ съѣхавшимися туда на Пасху путешественниками со всѣхъ концовъ Европы.

Надъ древнимъ городомъ возшелъ одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ весеннихъ дней, въ которые южное солнце такъ ясно свѣтитъ и такъ отрадно оживляетъ всю природу и согрѣваетъ всѣ чувства.

Уже съ самаго ранняго утра всѣ улицы кипѣли экипажами и толпами пѣшеходовъ; все, что только могло двигаться, стремилось по одному направленію: всѣ бѣжали на Площадь св. Петра. Толпа шумными потоками стекалась со всѣхъ точекъ обширнаго города къ общему центру движенія и торжества.

По окончаніи литургіи, папа возсѣлъ на подвижной тронъ. Свита, состоявшая изъ высшихъ сановниковъ духовенства, кардиналовъ и монсиньоровъ, сопровождала его въ торжественномъ шествіи. Къ трону приклѣплены были

роскошныя носилки, на которыхъ толпа низшихъ служителей взнесла своего властелина, по высокой лѣстницѣ, на средній балконъ храма. Народъ и всѣ присутствовавшіе ожидали намѣстника св. Петра въ благоговѣйномъ безмолвіи. Лишь только онъ появился на балконѣ, все пало ницъ и еще болѣе стихло. Прошло нѣсколько минутъ невыразимой, мертвой тишины. Лучезарное солнце пылало, спокойствіе воздуха было необыкновенное; казалось, сама природа сообразовалась съ благоговѣйнымъ ожиданіемъ народа — самой торжественной минутой этого дня. До восьмидесяти тысячъ поникшихъ головъ въ смиреніи, на колѣняхъ, испрашивало себѣ осѣненія крестнымъ знаменіемъ отъ руки верховнаго главы католическаго христіанства.

Лишь только папа, воздѣвъ руки къ небу, началъ благословеніе, мгновенно неумолчный звонъ всѣхъ колоколовъ Рима, звуки громкой военной музыки, громъ пушечной пальбы, громогласныя рукоплесканія и радостные клики толпы загремѣли единодушнымъ привѣт-

ствіемъ отъ лица всего народа въ отвѣтъ первосвященнику за благословеніе во имя Божіе.

— Все слилось въ одинъ торжественный, потрясающій душу вопль. Мало того, что эта картина дѣйствительно великолѣпна — она вмѣстѣ съ тѣмъ и умирительна: невольно, но глубоко затрогиваетъ она сердце cadaго и поражаетъ его священнымъ, благоговѣйнымъ трепетомъ.

Двадцать—девятого марта, мы *) оставили Римъ. Итальянскій веттурино, нѣчто въ родѣ нашихъ извозчиковъ на—долгихъ, взялся доставить насъ въ Анкону на третьи сутки. Перѣздъ этотъ мы совершили удобно и безъ хлопотъ. На другой день нашего пріѣзда, австрійскій пароходъ «Архидука Лодовико» отходилъ изъ Анконы въ Грецію. Мы поспѣшно занялись всѣми окончательными приготовленіями, сдѣлали надлежащія распоряженія относительно писемъ, которыя могли быть присланы на наше имя въ Анкону и, отправивъ экипажъ со всѣми почти вещами моремъ въ

*) Я путешествовалъ съ пріятелемъ моимъ, В. И. Чарыковымъ.

Трієсть, а оттуда въ Вѣну, сами на другой день съ легкимъ дорожнымъ багажемъ взошли на пароходъ, который, разводя пары, готовился поднять якорь.

Въ четыре часа пополудни мы отплыли. День былъ прекрасный. Въ числѣ пассажировъ находилось нѣсколько Американцевъ, Англичанъ и общество молодыхъ Венгерцевъ, принявшихъ, подобно намъ, путешествіе на Востокъ. Но такъ-какъ планъ ихъ путешествія былъ расположенъ совершенно въ обратномъ порядкѣ, нежели нашъ, то мы доѣхали съ ними только до Аѳинъ и потомъ нигдѣ уже болѣе не встрѣчались.

Постоянными спутниками нашими были Англичане, бывавшіе въ Россіи. Они съ восторгомъ вспоминали о южномъ берегѣ Крыма и, распространившись о гостепріимствѣ Русскихъ, съ особенною благодарностью отзывались о жителяхъ Москвы.

Но что за народъ эти Англичане! Судя по наружности, они ѣздятъ только для удовольствія, а между-тѣмъ какія дѣльныя и какія обширныя пріобрѣтаютъ они познанія о промыш-

шленныхъ силахъ нашего отечества: они не только знаютъ всю подноготную о великолѣпныхъ мануфактурахъ Москвы и Московской и Владимірской Губерній, но изучили все, чѣмъ только можетъ быть грозна для нихъ Россія въ далекихъ странахъ Средней Азіи! Они такъ искусно проникаютъ во всѣ тайны нашего коммерческаго міра, что лучше самихъ насъ, Русскихъ, умѣютъ пользоваться обстоятельствами, клонящимися, казалось бы, только въ одну нашу пользу. Говоря съ вами гласно, на-примѣръ, о дорогахъ и провозныхъ цѣнахъ, они вамъ по пальцамъ разсчитаютъ во что обойдется въ Хивѣ, Бухарѣ или Кабулѣ пудъ такого-то сорта желѣза и во что обойдется аршинъ ситца или мезерицкаго сукна, и увѣряя въ лицо, что они — обладатели всего Востока, вплоть до самого Инда — сами между-тѣмъ, чрезъ Индію, отправляютъ свои товары къ Аральскому Морю и, что всего лучше, продаютъ Киргизамъ свои ситцы гораздо дешевле нашего.

Я не завистливъ отъ природы, но этому умѣнью проникать въ сущность всего и изъ

всего извлекать пользу — по истинѣ, завидую. Русское сердце невольно заговорить тамъ, гдѣ интересы русской національной промышленности, а слѣдовательно и народнаго благостоянія, сойдутся съ интересами англійскихъ промышленниковъ и купцовъ.

Поднявшійся къ вечеру вѣтерокъ нѣсколько встревожилъ поверхность моря. Каюты были такъ тѣсны и нечисты, что я готовъ былъ провести ночь лучше на палубѣ, чѣмъ въ этомъ казематѣ, несмотря на то, что теплый день смѣнился необыкновенно-холодною ночью. Къ утру море опять стихло; яркое солнышко, точно кружокъ расплавленного золота, горѣло надъ лазурною поверхностью воды. Было около осьми часовъ утра, когда мы проходили островъ Лиссу. Послѣ полудня, свѣжій попутный вѣтеръ снова разбудилъ спящую стихію. Мы подняли паруса и плыли по девяти съ половиною узловъ въ часъ.

Солнце сѣло въ густыхъ облакахъ, обѣщая намъ на другой день бурную погоду. Дѣйствительно, съ самаго утра подулъ противный вѣтеръ; часъ-отъ-часу онъ усиливалъ свои

порывы; море значительно расколыхалось, но мы тѣмъ не менѣе дружно подавались впередъ. На высотѣ Албаніи два парусныя судна, въ недалекомъ отъ насъ разстояніи, также пробивались сквозь kloкотавшія густыя волны. Къ вечеру погода начала стихать. Наконецъ, въ семь часовъ по-полудни мы бросили якорь у береговъ Корфу, главнаго города республики Ионическихъ-Острововъ. Англійское правительство давно уже покровительствуетъ этой республикѣ на общепринятыхъ имъ основаніяхъ...

Насъ доставили въ опрятную гостинницу, которую содержали, разумѣется, Англичане. За $2\frac{1}{2}$ шиллинга въ день (80 коп. серебромъ) намъ отвели маленькую комнатку, въ которой едва можно было повернуться, но зато накормили хорошимъ ужиномъ, налили англійскимъ пивомъ и дали для отдыха покойныя кровати. На другой день мы отслужили православный молебенъ въ старинной греческой церкви, гдѣ, на стѣнахъ, видны еще изображенія россійскаго двуглаваго орла — остатки благотѣтельнаго нашего покровительства Корфу до заключенія тильзитскаго мира, въ 1807-мъ году.

Корфу весьма-живописно раскинулся по скату горы къ морскому берегу; внутреннее расположение его не обращаетъ на себя особеннаго вниманія. Гостинница «Hôtel du Club» содержится прилично; магазиновъ вообще мало, да и тѣ бѣдны. Главное богатство всего острова состоитъ въ оливковомъ маслѣ. Я слышалъ, что въ предшествовавшемъ моему пребыванію году здѣшніе жители продали его на 40 т. колонатъ. Городъ наполненъ англійскими войсками; вообще вездѣ замѣтенъ порядокъ и признаки мирнаго благоденствія. Отправляясь на пароходъ, я встрѣтилъ шедшія на смотръ войска; выправка ихъ довольно воинственна; но съ гордостью сознаюсь, что это далеко не то, что наши русскіе солдаты: въ нихъ нѣтъ того грознаго, молніеноснаго величія, которымъ cadaго поражаетъ русское войско, обладающее какою-то особеннаго рода пылкою, прямодушною энергіею, насылающею на врага страхъ и трепетъ, и какъ-бы громко свидѣтельствующею о привычкѣ къ браннымъ подвигамъ и побѣдамъ.

Въ одиннадцать часовъ пополудни, «Архи-

дука Лодовико» приготовился къ отплытію. Едва только мы снялись съ якоря, какъ къ пароходу подъѣхала небольшая лодка объ одномъ гребцѣ. Въ лодкѣ сидѣлъ человѣкъ съ чрезвычайно-странною и исторгавшею улыбку фізіономіею. Это былъ приземистый толстякъ, съ длинными, обстриженными въ кружокъ и свѣтлыми, точно ленъ, волосами, которые мохнатыми прядями распадались около его жирнаго лица съ маленькимъ лбомъ и съ чертами, чрезвычайно — живо напоминавшими барана. Этимъ бараньимъ обликомъ онъ выдѣлывалъ разныя штуки, а большимъ мутнымъ, оловяннымъ глазамъ своимъ силился придать грозное выраженіе. Приблизившись къ полуподнятому трапу, онъ прискакнулъ, ухватился руками за нижнюю часть трапа и, цѣпляясь ногами и руками за что попало, мгновенно взлѣзъ на пароходъ. Какъ безумный, бѣгалъ онъ по палубѣ, бормоталъ что-то непонятное на всѣхъ европейскихъ языкахъ и, между прочими несвязными рѣчами, повторялъ нѣсколько разъ чистымъ великорусскимъ нарѣчіемъ: «пошелъ работать!» Горячась болѣе и болѣе, онъ, нако-

нецъ, пришелъ въ изступленіе, вскочилъ, при ужасѣ находившихся на палубѣ женщинъ, на бортъ продолжавшаго путь судна и, простоявъ нѣсколько минутъ въ этомъ положеніи, вдругъ бросился съ размаха въ море и исчезъ въ пѣнѣ ярыхъ волнъ. Сердце у каждого изъ насъ облилось кровью; ужасъ овладѣлъ всѣми присутствовавшими при этой страшной картинѣ. Но спасти несчастнаго мы были не въ силахъ; бывшіе въ состояніи это сдѣлать только посмѣивались, глядя на насъ. Пароходъ полнымъ ходомъ продолжалъ удаляться отъ береговъ Корфу, оставляя за собою взволнованную сѣдую борозду, которая, какъ влажная лента, змѣей вилась за кормою судна.

Прошло около четверти часа; вдругъ предъ изумленные взоры пассажировъ, собравшихся на палубѣ, неожиданно предсталъ все тотъ же отчаянный незнакомецъ, котораго мы всѣ считали погибшимъ. Промокшій до костей, онъ тѣмъ же неистово-сверкающимъ взоромъ смотрѣлъ на всѣхъ и каждому протягивалъ шапку, прося милостыни. Обойдя всѣхъ и получивъ отъ пассажировъ, въ доказательство ихъ состра-

данія, по нѣскольку мелкихъ монетъ, этотъ чуда-
дакъ вздумалъ опять повторить свой прежній
отважный salto mortale и снова бросился, какъ
утка, въ море. Мы опять потеряли его изъ
виду и, уже спустя нѣкоторое время, примѣ-
тили его далеко позади насъ. Онъ храбро бо-
ролся противъ напора громадныхъ валовъ и
плылъ на встрѣчу тому самому ялику, который
сначала подвезъ его къ нашему пароходу и ко-
торый теперь, находясь въ довольно-далекомъ
отъ пловца разстояніи, спѣшилъ на веслахъ,
чтобъ подоспѣть къ нему на помощь.

Нѣкоторые изъ матросовъ считали его по-
лоумнымъ, другіе утверждали, что онъ былъ
не что иное, какъ здоровый бѣднякъ, которому
пришла въ голову блажь пооригинальничать
даже въ попрошайствѣ, обратившемся у него
въ ремесло. Въ-самомъ-дѣлѣ, это преориги-
нальный способъ возбуждать чувствительность
и располагать ее къ милостынѣ. Здѣсь тунѣяд-
ство искусно соединено съ трудомъ и съ без-
страшіемъ. Но тѣмъ не менѣе грустно ви-
дѣть человѣка, поставленнаго въ необходи-
мость питаться мірскимъ подаяньемъ. Любо-

пытнo бы знaть, кaкiя нрaвственныя причинны довели его до такого самоуниженiя?

Около пятаго часа пополудни подулъ свѣжій морской вѣтеръ, поднялась сильная качка, промучила насъ цѣлый вечеръ и только къ ночи стала мало-по-малу стихать. Въ это время мы, приближаясь къ Патрасу, вошли въ Коринѳскiй Заливъ и плыли мимо береговъ поэтической и, когда-то, очень-давно, самой счастливой страны — страны настоящихъ аркадскихъ пастушковъ и таковыхъ же пастушекъ.

Между прочими пассажирами познакомился я съ прусскимъ посланникомъ графомъ Бассiе-де-Сен-Симонъ, который провелъ нѣсколько лѣтъ въ Аѳинахъ въ качествѣ полномочнаго министра своего короля при греческомъ дворѣ; нынѣ же, получивъ назначенiе быть посланникомъ въ Швецiи, отправлялся въ Аѳины, чтобы откланяться королю Оттону.

Въ пять часовъ утра, мы бросили якорь передъ ничтожнымъ городкомъ, Патрасомъ. Пароходъ остановился на короткое время; мы вышли на берегъ, обѣжали весь городъ, осмотрѣли церковь и, по случаю воскресенiя, от-

слушали въ ней литургію. Служба производилась, конечно, на греческомъ языкѣ. Мы остановились въ небольшой гостинницѣ, содержимой совершенно въ итальянскомъ вкусѣ и весьма-порядочной для такого малаго и ничтожнаго городка; даже завтракъ, за исключеніемъ плохаго вина, былъ не слишкомъ-дуренъ.

Въ полдень мы опять подняли якорь. Между пассажирами показались новыя лица. Минуть за десять до отплыва парохода, подъѣхалъ къ нему катеръ, щегольски убранный восточными коврами. Изъ него вышелъ красивый мужчина среднихъ лѣтъ, хорошо одѣтый и нелишенный аристократическихъ замашекъ. Онъ несъ на рукахъ хорошенькую дѣвочку лѣтъ шести. По лицу его видно было, что онъ чистый Грекъ.

За нимъ шли двѣ женщины: меньшая изъ нихъ съ веселымъ видомъ вскочила на палубу, другая всходила на нее медленно, поддерживаемая служанкою и негромъ. Эта послѣдняя закрывала лицо платкомъ и, казалось, горько плакала. Она была одѣта съ большимъ вкусомъ: и роскошно и просто. Высокій ростъ, величественная поступь и граціозныя мане-

ры — все обозначало въ ней женщину образованнаго круга и давало поводъ предполагать въ ней красавицу. На указательномъ пальцѣ лѣвой ея руки сидѣлъ красивый попугай на золотой цѣпочкѣ; при каждомъ движеніи своей госпожи, взмахивалъ онъ крыльями и щетинилъ хохолокъ. Всѣ пассажиры толпились съ любопытствомъ около новыхъ пріѣзжихъ. Главнымъ руководителемъ этого общества, натурально, былъ красивый Грекъ, о которомъ я упомянулъ. Онъ много хозяйничалъ, суетился вездѣ и помыкалъ негромъ и служанкою, которые, исполняя безпрестанныя и многоразличныя его порученія, со всѣхъ ногъ кидались съ палубы въ каюту и изъ каюты опять на палубу.

Молоденькая, вертлявая особа, *madame S...* (мы это узнали потому, что ее поминутно называли по имени), мало заботилась о печали своей подруги. Она не обращала на нее никакого вниманія и безъ-умолка тарантила и пересмѣивалась съ общимъ имъ обѣимъ кавалеромъ.

Попугая сняли съ руки задумчивой красавицы и посадили на шею. Ребенокъ, бывшій на

рукахъ у Грека, расположился на разостланномъ для него турецкомъ коврѣ и сталъ играть въ куклы; негръ разносилъ кофе и ликеры, а интересная незнакомка все сидѣла съ поникшей головой и съ прижатымъ къ лицу платкомъ. Въ этомъ положеніи оставалась она нѣсколько часовъ и представляла собой олицетворенную статую скорби.

Между-тѣмъ звонъ колокола скликалъ насъ къ обѣду. Въ это время море было безпокойно, и пароходъ раскачивало довольно-сильно. Я предпочелъ не сходить съ палубы, чувствуя непреодолимое отвращеніе сидѣть во время качки за обѣдомъ въ смрадномъ и душномъ чуланѣ противъ вытянутыхъ, позеленѣлыхъ и пожелтѣлыхъ лицъ: видъ этихъ несчастныхъ жертвъ морской болѣзни мутитъ душу, хуже всякой качки и морской непогоды. Незнакомка тоже приказала принести себѣ обѣдъ на палубу и, улегшись, велѣла придвинуть себя къ тому же столу, гдѣ и я расположился обѣдать. Она не видала меня и была увѣрена, что осталась одна на палубѣ.

Пролежавъ еще нѣсколько времени въ раз-

думы, она дрожащимъ голосомъ сказала негру по-англійски:

— Фриманъ, принеси мнѣ обѣдать.

Чопорный негръ, затянутый въ лондонскій фракъ, гордо высовывалъ курчавую свою голову изъ-за огромныхъ бѣлыхъ брызжей и съ неподражаемою улыбкою, при которой бѣлые, какъ перлы, его зубы явились во всемъ блескѣ между толстыхъ—претолстыхъ губъ широкаго до ушей рта, почтительно отвѣчалъ:

— Я уже три раза осмѣливался доклады-
вать миледи, что супъ давно поданъ и стынетъ на вѣтру.

Миледи машинально отвела отъ глазъ руку, не воображая встрѣтить моего взгляда: но я сидѣлъ подлѣ нея! Она вся вспыхнула, хотѣла было опять закрыться, выскочить изъ-за стола, какъ вдругъ стоявшій на немъ графинъ съ водою опрокинулся и отъ качки покатился прямо ей на платье.

Незнакомка вскочила, но я предложилъ ей свои услуги, успокоилъ ее, обтеръ замокшую ткань ея одежды салфеткой — и такимъ обра-

зомъ судьбѣ угодно было сблизить насъ самымъ неожиданнымъ образомъ.

Противъ всѣхъ ожиданій, она не была хороша собою; глубокая горестъ, врѣзавшаяся въ черты ея лица и просвѣчивавшая въ большихъ карихъ глазахъ, внушала мнѣ невольное сочувствіе къ этой женщинѣ. И можно ли не быть тронутымъ печалью и слезами нѣжныхъ существъ, особенно когда не знаешь причины ихъ скорби? Воображеніе всегда преувеличиваетъ чужія страданія.

Не стану описывать нашего разговора, который въ сущности былъ очень-пустъ. Замѣчу только, что въ каждомъ словѣ моей страдальцы звучала грусть и слышался ропотъ на раннюю утрату счастья.

Все это было для меня странной загадкой, которой тайна мгновенно и неожиданно разыгралась подъ блескомъ молніи, въ ту минуту, когда пароходъ, подходя къ Пирею, бросалъ якорь.

Аѳины въ разстояніи получаса отъ главнаго порта, носящаго названіе Пирей, или Пиреосъ; тамъ окончательно выгружаютъ пассажировъ,

которые сухимъ путемъ продолжаютъ путешествіе до Аѳинъ; этотъ переѣздъ совершается въ полчаса времени, въ экипажахъ, приготовленныхъ заранѣе обществомъ пароходства австрійской компаніи Ллойдъ (Lloyd Austriaco).

Но прежде, чѣмъ доберется до Пирея, пароходъ на пути своемъ бросаетъ якорь на полчаса около мѣстечка Востицы, для принятія пассажировъ изъ окрестныхъ жителей, собирающихся въ Аѳины. Мѣсто это замѣчательно лишь по значительной торговлѣ жителей изюмомъ и коринкою: говорятъ, что отсюда вывозится въ годъ до четырехъ милльоновъ пудовъ этого продукта. Близъ взморья, издали указали мнѣ на платановое дерево необыкновеннаго размѣра: меня увѣряли, что оно въ окружности почти сорока футъ. Это, если хотите, очень-похоже на римскій огурецъ Ивана Андреевича Крылова; да и я того же мнѣнія: я самъ дерева не мѣрялъ, хоть толщина его и показалась мнѣ дѣйствительно гигантскою. Влѣво отъ Востицы видны были берега города Лепанта. Я не съумѣю описать восхитительную въ этотъ день прозрачность воды не-

бесно-лазурнаго цвѣта; не спуская съ нея глазъ, я при этомъ случаѣ увидѣлъ такъ называемаго морскаго полипа необыкновенной величины — странное явленіе подводнаго царства животныхъ! Это отвратительное существо, бѣлое, полупрозрачное, вовсе непохоже на животное; не имѣя никакой постоянной формы, оно измѣняется безпрестанно: то, свертываясь въ полужидкій комокъ, походить оно на какую-то лепешку, то, распуская множество продолговатыхъ оконечностей, принимаетъ видъ огромнаго паука; нельзя распознать ни головы, ни другихъ частей тѣла, а потому съ перваго взгляда я принялъ это чудовище за кусокъ плавающего въ водѣ сала или жиру, выброшеннаго за бортъ. Говорятъ, опасно дотрогиваться до морскаго полипа, ибо наружная слизь его причиняетъ вредную сыпь на рукахъ.

Послѣ шестичасоваго хода, мы остановились у береговъ мѣстечка Лутраки. Въ весьма-близкомъ разстояніи отсюда находятся развалины древняго Коринѳа. Городъ выстроенъ у подошвы горы, на которой, по рассказамъ, умеръ Діогенъ. На вершинѣ горы видны еще разва-

лины древняго укрѣпленія. Здѣсь мы распро-
стились съ своимъ пароходомъ «Архидука Ло-
довико» и въ шарабанахъ, въ сообществѣ Ан-
гличанъ и Американцевъ (я былъ самъ—двѣ-
надцать), стрѣлой помчались черезъ Коринѳ-
скій Перешеекъ до мѣстечка Каламаки, гдѣ
ожидалъ насъ пришедшій изъ Аѳинъ другой,
австрійскій же, пароходъ «Графъ Коловратъ». По-
года была превосходная, мѣстоположеніе
очаровательное, и мы совершили этотъ пе-
реѣздъ весело, скоро, безъ заботъ и безъ вся-
кихъ приключеній. Ѣзда греческихъ почтарей
въ этомъ мѣстѣ очень напоминаетъ обыкновен-
ный способъ ѣзды по Финляндіи и по сѣверовос-
точнымъ нашимъ губерніямъ: лошади лихо не-
сутся во всю прыть, съ розмаха взбираются въ
гору и какъ бѣшенныя скачутъ подъ гору. Тор-
мозить колеса считаютъ здѣсь излишнимъ.

Въ Каламаки нѣсколько—утомительна прово-
лочка, причиняемая нагрузкою пассажирскаго
багажа на новый пароходъ; это тѣмъ непрі-
ятнѣе, что на берегу моря, посреди чистаго
поля, подъ знойнымъ небомъ, вся продѣлка
происходитъ въ одинокомъ деревянномъ домѣ,

удаленномъ отъ всякаго другаго жилья и болѣе похожемъ на сарай, нежели на домъ.

— «Графъ Коловратъ» принялъ насъ на свою палубу, запыхтѣлъ, завертѣлъ колесами и, выбрасывая грязныя облака дыма, направился къ столицѣ юнаго королевства.

Появленіе новыхъ лицъ на пароходѣ повлекло за собою новыя знакомства. Серьезныя разговоры смѣнялись пустою болтовней. Тамъ толковали о волненіи въ цѣлой Греціи и объ открытомъ наканунѣ заговорѣ въ Патрасѣ; здѣсь спорили о томъ, какой цвѣтъ болѣе къ лицу рыжей блондинкѣ, зеленый или лиловый; въ третьемъ мѣстѣ какой-то Французъ несъ напыщенный вздоръ о египетскомъ типѣ Коптовъ и о коренныхъ обитателяхъ Нубіи, изъ которой онъ только-что возвратился; а тутъ, рядомъ со мной, *madame S....* вступила съ маркизомъ де-Буа-Гильберомъ, изучавшимъ Грецію, въ ученый диспутъ о томъ, на основаніи какихъ нравственныхъ, политическихъ и географическихъ данныхъ, нынѣшніе Греки не могутъ походить на древнихъ, доблестныхъ и поэтическихъ Грековъ, между-тѣмъ, какъ на-

стоящій нынѣшній Грекъ, кавалеръ *madame S.*, стоялъ тутъ же и, слушая этотъ разговоръ, только похлопывалъ глазами.

Всѣ были заняты жаркими разговорами, и мы не замѣтили, какъ очутились въ Пиреѣ. Часовая стрѣлка показывала восемь часовъ, когда пароходъ остановился. Въ ту же минуту его окружили мелкія суда для перевозки пассажировъ на берегъ. Всѣ засуетились, всѣ торопились скорѣй съѣхать съ парохода, всякому хотѣлось быть первымъ — и первымъ никто не было, потому-что за темнотою никто не могъ ни отыскать, ни распознать своихъ вещей. Произошла страшная суматоха; поднялся невыразимый шумъ и гамъ, и безпорядокъ сдѣлался общимъ.

Я стоялъ посреди палубы, за рядомъ болѣе-хладнокровныхъ пассажировъ, облокотившихся на перилы борта, и ждалъ окончанія этого хаоса.

Вся даль погружена была въ полумракъ. Въ воздухѣ носилась духота и предвѣщала грозу: надъ нами, дѣйствительно, нависли грозныя тучи и разостлались по небу черными, какъ смоль, покровами.

Почти рядомъ со мной стояла моя новая знакомка—страдалица съ своимъ преданнымъ негромъ; а тамъ, подальше — madame S.... съ красивымъ Грекомъ, который, какъ я теперь только узналъ, былъ законнымъ супругомъ отчаянно-влюбившейся въ него и теперь такъ сильно горюющей женщины. Яркая молнія неожиданно блеснула сквозь черныя тучи и озарила общую картину въ ту самую минуту, когда невѣрный мужъ поцалуемъ объяснялся въ любви вѣтренной madame S...., которую держалъ въ своихъ объятіяхъ. Несчастливая, такъ безсовѣстно оскорбленная жена залилась слезами.

Послѣ этого происшествія, я встрѣчалъ супруговъ раза два въ Аѳинахъ. Ловкій Грекъ по прежнему разгуливалъ съ madame S...., а покинутая жена, попрежнему, безутѣшно горевала.

Разумѣется, семейное горе отразилось и на маленькой дочери охладѣвшихъ другъ къ другу родителей: ни отецъ, ни мать не ласкали ея, даже вѣсь не занимались ею; вчужѣ больно было глядѣть на это несчастное дитя, когда оно играло въ кухнѣ гостинницы съ поварами—и больно было не оттого, что ребенокъ

окруженъ былъ простолюдинами, ибо теплое сердце и христiанскiя чувства можно найти во всѣхъ сословіяхъ, а оттого, что, не зная ласкъ родительской любви, не состоя подъ попечительнымъ надзоромъ роднаго отца и родной матери, онъ былъ предоставленъ совершенно произволу судьбы. Какую же участь готовила слѣпая судьба этой забытой и забитой дѣвчкѣ?

Въ Пиреѣ мы выгрузились, размѣстились по экипажамъ, заранѣе—бывшимъ уже наготовѣ, благодаря распорядительности общества пароходства австрiйской компаніи Ллойдъ (Lloyd Austriaco), полчаса провели въ дорогѣ и часовъ въ девять вечера прискакали въ Аѣины.

По необыкновенному стеченію путешественниковъ, мы не нашли уже ни одного мѣста въ лучшей тамошней гостинницѣ «Hôtel d'Orient», и принуждены были остановиться въ «Hôtel d'Eugore», содержимой хоть и хорошенькою Неаполитанкой, однакожь довольно—дурно.

II.

Аѳины. — Сравненіе прошедшаго съ настоящимъ. — Историческія свѣдѣнія. — Взглядъ на древній городъ. — Акрополисъ. — Парѳенонъ. — Пропилеи. — Пантеонъ. — Главнѣйшіе памятники древности. — Храмъ Юпитера-Олимпійскаго. — Ареопагъ. — Древнія и новыя Аѳины. — Королевскій дворецъ. — Король и королева. — Палата Депутатовъ.

Съ малыхъ лѣтъ знакомое намъ громкое имя Аѳинъ въ воображеніи нашемъ неразлучно съ понятіемъ о чемъ-то обширномъ и величественномъ, и какъ бы мы ни были предупреждены касательно ничтожности нынѣшняго города, однако трудно совершенно покориться этой мысли. Разбросанные безъ всякой связи остатки древней славы кое-гдѣ частями возвышаются въ дали отъ обитаемаго города; отдѣльные памятники эти восхитительны чистою архитектурой и колоссальностію своихъ размѣровъ. Величественно-увѣнчанные славою тридцати-четырехъ вѣковъ, они дѣйствительно единственны въ своемъ родѣ, но въ сущности —

это не болѣе, какъ по частямъ разбросанные мертвые остатки нѣкоторыхъ главнѣйшихъ строеній; собственно слѣдовъ города, общей связи между строеніями — нѣтъ. Столѣтія предоставляютъ воображенію путешественника дополнить пустыя, голыя поля на печальномъ пространствѣ между Акрополисомъ, Ареопагомъ, Пниксомъ, остатками храма Юпитера-Олимпійскаго и другими памятниками древности, пощажеными временемъ.

Новыя Аѣины, можно сказать, существуютъ въ той же степени, какъ и древняя столица, съ тою лишь разницею, что тамъ, гдѣ была послѣдняя, кое-гдѣ возвышаются уцѣлѣвшіе отъ времени свидѣтели древней славы; между-тѣмъ, какъ тамъ, гдѣ путешественнику указываютъ новыя Аѣины, удивленный взоръ его тщетно ищетъ города и лишь встрѣчаетъ безобразныя, ничтожныя строенія, безъ всякой связи, безъ архитектуры, безъ общей физіономіи города.

И такъ, тотъ знаменитый городъ, та столица древней Аттики, а впослѣдствіи столица республики — городъ, изъ среды котораго возникло свѣтило высшей образованности, наукъ

и художествъ, прошедшій сквозь ряды вѣковъ до нашихъ временъ — теперь не что иное, какъ мертвый слѣдъ прошедшаго и попытка стремленія къ будущему!

Въ цвѣтущее время Аѣинъ, однихъ свободныхъ гражданъ было въ нихъ болѣе 21,000 душъ, что даетъ право предполагать всего-навсего болѣе 200,000 жителей. Кекропсу приписываютъ основаніе Аѣинъ въ 1550-мъ году до Р. Х. и полагаютъ, что городъ сначала назывался Кекропіею — именемъ, присвоеннымъ впоследствии лишь центральной его части, или самой цитадели; самый же городъ, въ честь богини Минервы, или Аѣины, получилъ наименованіе Аѣинъ.

Чудная судьба была этого города, этого небольшого клочка земли, который время, въ продолженіе 3400 лѣтъ, щадило отъ забвенія!

Сначала Аѣинами управляли цари; но со смертію Кодра, пожертвовавшаго жизнью для спасенія отечества, правленіе царей прекратилось, вслѣдствіе той мысли, что нѣкому уже было занять мѣсто великодушнаго Кодра — и за тѣмъ власть перешла въ руки архонтовъ.

Первоначально архонты эти избирались изъ потомковъ Кодра пожизненно; потомъ стали ихъ избирать на десять лѣтъ, а впослѣдствіи и ежегодно. Верховная власть сосредоточилась, наконецъ, въ рукахъ ограниченнаго числа людей, носившихъ званіе гражданъ и состоявшихъ первоначально изъ эвпатридовъ, «благорожденныхъ»; масса же остальныхъ Аѳинянъ называлась «дэмотами» и была лишена участія въ дѣлахъ государственныхъ.

Скоро дэмоты стали домогаться званія гражданъ: завязалась борьба между ними и эвпатридами, между началами демократическимъ и аристократическимъ. Люди изъ класса эвпатридовъ, льстя народнымъ страстямъ, примыкали къ противникамъ прежней своей партіи и дѣлались демагогами, но не изъ убѣжденія, а изъ личныхъ цѣлей, чтобъ выиграть расположение толпы. Сражаясь вмѣстѣ съ демократами и ослѣпляя ихъ своею ложною привязанностью, они достигали важнаго вліянія на дѣла и, пользуясь обстоятельствами, исторгали всю власть управленія, дѣлаясь такъ-называемыми «тираннами».

Такимъ тиранномъ былъ Гиппій: народъ возсталъ на него, изгналъ его, разрушилъ Пелазгійскій замокъ, который Гиппій укрѣпилъ—было для себя, и обратилъ его въ площадь для народныхъ собраній и разсужденія о дѣлахъ государственныхъ. Аѣины сдѣлались государствомъ демократическимъ. Другія государства греческія, управлявшіяся началомъ аристократическимъ, какъ-то: Спарта, Беотія, Фивы, Колхида, Эретрія, естественно, старались не допустить Аѣины до демократизма — но Аттика вышла побѣдительницею.

Вслѣдъ за тѣмъ Греція вступаетъ въ войну съ персидскимъ государствомъ — и битва при Мараѳонѣ возвышаетъ ее надъ Персами, а Аѣинянъ ставитъ во главу остальныхъ греческихъ государствъ, передавая отдаленнѣйшему потомству имена Аристиды,Themistocles, Кимона и Мильтіады, а вмѣстѣ съ ними — и Фидія, создавшаго нѣсколько статуй въ честь богини, покровительницы Аѣинъ.

Въ Аѣинахъ, успокоенныхъ отъ военной тревоги и наслаждающихся миромъ, является Периклъ; науки и преимущественно искусства

достигаютъ высшей степени развитія; воздвигаются зданія, сохранившіяся отъ разрушительнаго дѣйствія тысячелѣтій до нашихъ дней — настаетъ золотой вѣкъ Аѳинъ.

Аѳиняне стали вводить демократическое начало и въ другія греческія государства. Но гдѣ въ этихъ началахъ не было народной потребности, гдѣ демократизмъ не оказался необходимымъ слѣдствіемъ прожитаго прошедшаго, тамъ насильственное привитіе посторонняго элемента не могло не встрѣтить сильнаго отпора — и вотъ является долголѣтняя пелопонезская война... Тяжки были для Аѳинъ послѣдствія этой войны: стѣны города были разрушены, флотъ сосженъ, демократія пала, и въ Аѳинахъ укоренилась олигархія, которой представителями были тридцать тиранновъ.

Крѣпкія внутреннею силою своихъ согражданъ, Аѳины скоро сбросили съ себя иго тиранновъ. Демократизмъ, развившійся уже въ крови Аѳинянъ, не могъ быть въ столь короткое время подавленъ окончательно: онъ снова является основнымъ началомъ правленія республики. Аѳины мало-по-малу стараются при-

обрѣсти прежнее значеніе, но попытка упрочить за собой прежнее величіе оказывается тщетною, и городъ Минервы, а вмѣстѣ съ нимъ и вся Греція, теряютъ свою политическую независимость: бѣдственная битва при Херонѣѣ подчиняетъ Грецію могуществу македонскаго государя Филиппа.

— Война Рима съ Македоніей возвратила Греціи политическую независимость, но Аѣины потеряли уже свое мѣсто въ ряду другихъ, единоплеменныхъ имъ государствъ. Въ дѣлахъ Ахейскаго и Этолійскаго Союзовъ, городъ этотъ принимаетъ только второстепенное участіе, и скоро имя Аѣинской Республики совсѣмъ исчезаетъ когда цѣлая Греція, подъ именемъ Ахаіи, обращается въ римскую провинцію.

— Старинной славѣ Аѣинъ сочувствовали правители Рима. Октавій Августъ щадилъ Аѣины и не хотѣлъ помнить, что они приняли сперва сторону Помпея, а потомъ сторону Антонія. Императоры временъ золотого вѣка Рима принимали на себя титулъ аѣинскихъ гражданъ, а Адріанъ старался быть новымъ Перикломъ:

онъ изучалъ Аѳины и украшалъ ихъ новыми великолѣпными зданіями, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ развить древне-греческую жизнь во всей своей имперіи.

Послѣ Юстиніана память объ Аѳинахъ пропадаетъ. Юстиніанъ уничтожилъ школы, въ которыхъ образовались великіе проповѣдники нашей православной церкви: св. Григорій, Кириллъ, Василій-Великій и Іоаннъ-Златоустъ. Съ страницъ исторіи исчезло имя города, въ которомъ, задолго до явленія Спасителя, Сократъ и Платонъ прозрѣвали душою и умомъ того невѣдомаго Бога, поклоненіе которому впослѣдствіи проповѣдывалъ, въ Аѳинахъ же, св. апостоль Павелъ.

Въ половинѣ двѣнадцатаго столѣтія снова встрѣчается имя Аѳинъ: они были взяты Норманнами, вышедшими изъ Сициліи; часть Аѳинянъ колонизируется въ Палермо.

По завоеваніи крестоносцами Восточной Имперіи, является въ первый разъ титулъ «герцога аѳинскаго»: Аѳины живутъ, до половины пятнадцатаго столѣтія, жизнью леннаго владѣнія, а съ этого времени подпадаютъ влады-

честву Турокъ и обращаются въ рабовъ поклонниковъ Мухаммеда.

Въ тысяча — восемьсотъ — двадцать — первомъ году возстали Греки открыто, сознавая въ себѣ порывы къ независимости. Жестокія притѣсненія Турокъ вымучили у Грековъ стремленіе къ самобытности — и, на нашей памяти, въ тысяча — восемьсотъ — тридцать — третьемъ году въ Европѣ огласилось имя Оттона, перваго греческаго короля, вмѣстѣ съ знаменитымъ своею древностью общеизвѣстнымъ именемъ Аѳинъ, столицы новаго Греческаго Королевства.

Первоначальный городъ лежалъ на возвышенныхъ скалахъ, посреди окружающихъ его полей, и лишь мало — по — малу, съ увеличеніемъ числа жителей, распространялъ свои вѣтви во всѣ стороны около этого перваго, основнаго обиталища на берегу Сароникскаго Залива; отъ этой разности мѣстоположенія городъ раздѣлился на двѣ отдѣльныя части, изъ которыхъ первая получила названіе *Акрополиса*, или верхняго города, а вторая — *Катополиса*, или нижняго. Напротивъ восточнаго пелопонезскаго берега, двѣ рѣчки омывали городъ съ двухъ

противоположныхъ сторонъ: Кеѳиса съ сѣверной и Илліса съ южной.

Пространство около 80 верстъ удаляло главную часть отъ морскаго берега, вдоль котораго тѣснилось множество великолѣпныхъ зданій; красота ихъ соперничала съ внутренними строеніями столицы.

Преданіе говоритъ, что выстроенныя изъ каменной плиты стѣны, которыми соединялись морскія гавани съ удаленными отъ берега городскими оградами, были такого значительнаго размѣра, что катившіяся по ихъ вершинамъ колесницы могли удобно разѣзжаться при встрѣчѣ.

Акрополь, или Акрополисъ, вмѣщалъ въ себѣ все, что только древняя столица имѣла превосходнѣйшаго въ роскоши своихъ художественныхъ произведеній. Этотъ холмъ, застроенный величественными зданіями, свидѣтельствующими о вкусѣ и зодческомъ геніи древнихъ Грековъ, стоя посреди голыхъ полей, представляетъ какъ-бы незыблемый пьедесталь, приготовленный самою природою для поддержанія этой связи геніальныхъ памятниковъ въ

одно общее цѣлое. Главнѣйшая и замѣчательнѣйшая часть Акрополиса — Парѳенонъ, или храмъ Минервы. Величественные размѣры этого несравненнаго памятника, соединенные съ отчетливою простотою украшеній, составляютъ главное его достоинство. Тамъ не встрѣтите вы этого неумѣстнаго смѣшенія колоннъ различныхъ орденовъ, ни тяжелыхъ украшеній у ихъ подножій: тамъ все обдуманно, все плавно, просто и величественно; вездѣ одинъ вкусъ, одна архитектура; можно сказать: повсюду проявляется одно и то же чувство высокаго и прекраснаго. Необыкновенно восхитителенъ ярко-золотистый цвѣтъ, лежащій на аѳинскихъ памятникахъ. Въ другихъ странахъ, подъ переменнымъ и дождливымъ небомъ, даже чистѣйшая бѣлизна мрамора отъ сырости, тумановъ и другихъ постороннихъ причинъ, вскорѣ чернѣетъ, или, заростая мхомъ, покрывается зеленою, сырою одеждою; но подъ чистымъ, знойнымъ небомъ Греціи бѣлый мраморъ Паросса и Пентеликіи лишь позлащается яркою желтизною отъ блестящихъ лучей аѳинскаго солнца.

Парѳенонъ, котораго остатки и понынѣ служатъ предметомъ удивленія, имѣлъ 217 футъ въ длину, 98 въ ширину и 65 въ вышину. Разоренное Персами, это необыкновенное зданіе вновь возрасло и еще болѣе украсилось при Периклѣ, въ 444 году до Р. Х. Во внутренности Парѳенона стояла нѣкогда статуя Аѳины, или Минервы — геніальное твореніе Фидія, вырѣзанное изъ слоновой кости, въ 46 футъ вышиною, и роскошно — убранный золотыми украшеніями, оцѣненными до 44 талантовъ (около 800 т. рублей серебромъ).

Такъ-называемые Пропилеи служили входомъ къ Парѳенону; широкая мраморная лѣстница вела сквозь Пропилеи къ цитадели или Кекропѣ. Вокругъ было множество другихъ зданій изъ бѣлаго же мрамора, какъ-то: храмы Паллады и Нептуна и такъ-называемый Пандразіонъ; южнѣе — храмъ Аполлона; передъ главной стороною Акрополиса — театръ Бахуса и Одеонъ; первый предназначался вообще для народныхъ зрѣлищъ, второй — для музыкальных собраній.

На площади, за юговосточнымъ угломъ ци-

тадели, возвышался сооруженный императоромъ Адріаномъ Пантеонъ, въ честь всѣхъ языческихъ боговъ, и имъ же заложенный водопроводъ, оконченный въ царствованіе Антонія.

Внѣ города стояли два изъ великолѣпнѣйшихъ аѳинскихъ зданій: къ сѣверу — храмъ Тезея, выстроенный на подобіе Пантеона, въ дорическомъ вкусѣ, съ изображеніемъ подвиговъ этого полководца; а къ югу — іонической архитектуры, храмъ Юпитера-Олимпійскаго, превосходящій почти всѣ зданія Аѳинъ своею величественною красотою; неисчислимыя сокровища были жертвуемы на сооруженіе и украшеніе этого памятника, окруженнаго 120-ю колоннами, въ 60 футъ вышиною и имѣющими 6 футъ въ діаметрѣ.

Хорошо сохранился древній Ареопагъ, огромное пространство, полукружіемъ врытое въ землю, обложенное мраморными плитами, съ тщательно-высѣченными изъ камня креслами для членовъ этого знаменитаго народнаго судилища, основаніе котораго иные писатели приписываютъ также самому Кекропсу, другіе же — законодателю древней Греціи, Солону; но въ-

роятнѣе, Солонъ только усовершенствовалъ составъ Ареопага и, присвоивъ ему болѣе правъ, возвелъ его на высшую степень могущества и славы судебного мѣста. Историческія преданія не оставили положительныхъ данныхъ о числѣ членовъ Ареопага; извѣстно только, что они избирались по-жизнь и состояли изъ достойнѣйшихъ архонтовъ, которые непоколебимою правотою души и любовію къ правосудію, достигали столь высокой степени довѣрія гражданъ; Аристотель называлъ Ареопагъ священнымъ судомъ Греціи.

Умышленное смертоубійство, отравленіе, грабежъ, измѣна отечеству, безнравственность и своевольныя нововведенія въ образъ правленія и въ религіи — были преступленія, подлежавшія суду Ареопага, которому въ то же время ввѣрялось попеченіе надъ сиротами. Въ опасныя и смутныя времена Ареопагъ владѣлъ даже жезломъ правленія, какъ на примѣръ, во время войны Грековъ съ Персами, когда власть и слава Ареопага достигли высшей степени. Не только Аѣины, но и всѣ остальные части Греціи повергали свои споры и тяжбы на обсуж-

деніе Ареопага. Совѣщанія производились ночью подъ чистымъ небомъ; по изложеніи судьямъ сущности дѣла, оно рѣшалось большинствомъ голосовъ. Периклъ первый нарушилъ непристрастную совѣстливость этого верховнаго судилища: не бывъ вовсе архонтомъ, онъ успѣлъ попасть въ число членовъ его и неоднократно дѣйствовалъ противъ основныхъ правилъ совѣсти и чести; впрочемъ, Ареопагъ еще долгое время послѣ Перикла держался въ прежней силѣ и власти, и окончательно палъ только съ паденіемъ Аѳинъ.

Кромѣ этихъ памятниковъ, остались еще нѣкоторые слѣды другихъ замѣчательныхъ зданій, какъ напримѣръ, знаменитая Академія, гдѣ преподавалъ Платонъ, зданіе Сената, или Притансіонъ, Пниксъ, или мѣсто народныхъ совѣщаній, и т. п. Но не стану распространяться въ описаніи cadaго изъ этихъ замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи слѣдовъ древняго города; описанія мои были бы излишнимъ повтореніемъ того, что уже многими подробно и удачно изложено въ путевыхъ

запискахъ, историческихъ очеркахъ Греціи и въ описаніяхъ древняго города.

Аѳины нынѣшняго времени похожи на нашъ уѣздный городокъ. Центръ греческаго міра, разсадникъ европейской образованности, колыбель многихъ началъ политической жизни новѣйшихъ народовъ — узнаетъ ли теперь кто васъ, Аѳины, въ этой путаницѣ домишекъ, завладѣвшихъ вашимъ славнымъ именемъ?

Грустные мысли толпятся въ душѣ путника, останавливающегося посреди этой груды обломковъ прежняго, когда-то бывшаго величія, посреди этого хлама, посреди ничтожества и ничтожности всего окружающаго, при сравненіи мелкаго, тщедушнаго настоящаго съ великимъ прошедшимъ, надолго для Греціи утраченнымъ!

Впрочемъ, вспомнивъ недавнее начало новой жизни, всякая критика должна остановиться и отдать справедливость тому, что сдѣлано, какъ бы оно ни было незначительно; положите на вѣсы средства, время, обстоятельства — и вы будете снисходительны. Тѣмъ не менѣе, я про-

должаю свой обзоръ съ точки зрѣнія безпристрастнаго наблюдателя.

Въ главной части города, на полуизрытой площади, стоитъ довольно-некрасивый дворецъ короля Оттона. Длинный, низкій домъ упираетъ громоздкую крышу передняго своего фасада на толстыхъ столбахъ.

Не могу допустить мысли, чтобы дворецъ этотъ былъ выстроенъ по собственному вкусу короля. Отецъ его, художникъ въ душѣ, воздвигъ въ своемъ отечествѣ множество великолѣпныхъ зданій превосходнѣйшей архитектуры: при содѣйствіи любимаго имъ архитектора, Кленце, онъ почти всѣмъ великолѣпнымъ строеніямъ въ Баваріи усвоилъ вкусъ, красоту и размѣры именно древнихъ аѳинскихъ памятниковъ. Такъ напримѣръ, извѣстная Валгалла, возвышающаяся на берегу Дуная, близъ Регенсбурга — вѣрный снимокъ съ аѳинскаго Парѳенона. Дворецъ короля Оттона притомъ, какъ-будто для бѣльшаго усиленія и безъ-того уже непріятнаго впечатлѣнія, поставленъ въ виду чудныхъ произведеній древней греческой архитектуры и на такомъ

открытомъ мѣстѣ, что нѣтъ возможности избѣжать невольнаго сравненія некрасивыхъ колоннъ новаго дворца съ уцѣлѣвшими девятью исполинскими столбами древняго храма Юпитера. Будь королевскій дворецъ выстроенъ въ отдаленіи отъ Парѳенона и храма Юпитера и внѣ всего того, что безсознательно наводитъ на сличеніе, наружность дворца не такъ была бы поразительна и даже кое-что выиграла бы.

На другой день по пріѣздѣ въ Аѳины, мы съ самаго ранняго утра посѣтили величественные остатки древняго города и удивлялись имъ. Не смотря на нестерпимый жаръ (28° Реомюра въ тѣни), мы, не чувствуя усталости, переѣзжали съ мѣста на мѣсто, все разсматривали со всѣхъ сторонъ, любовались и восхищались единственнымъ величіемъ этихъ колоссальныхъ остатковъ. Парѳенонъ, храмы Бахуса и Побѣды, и особенно храмы Минервы и Юпитера — образцы человѣческаго творчества и трудовъ, образцы по чистотѣ стиля.

Было около четырехъ часовъ пополудни, когда я, прогуливаясь по городу, проходилъ мимо королевскаго дворца. Толпа народа около

его подъѣзда остановила мое вниманіе. Я примкнулъ къ этой толпѣ и увидѣлъ, какъ молодая королева поѣхала кататься. Въ то же время сошелъ съ ступеней крыльца и король; ему подвели коня; толпы просителей окружили его у подъѣзда. Сѣвъ на лошадь, король принималъ просьбы изъ рукъ просителей, всѣмъ ласково кланялся и потомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ адъютантовъ, выѣхалъ за городъ. Онъ былъ одѣтъ въ богатый національный костюмъ, который привыкъ носить совершенно какъ коренной житель Аттики. Говорятъ, будто онъ владѣетъ языкомъ новоэллинскимъ какъ природный Грекъ: это тѣмъ удивительнѣе, что германскіе уроженцы вообще рѣдко говорятъ на иностранномъ языкѣ безъ сильнаго природнаго акцента.

Имѣя въ виду цѣль поспѣть въ Іерусалимъ непременно къ заутрени Свѣтлаго Воскресенія, я долженъ былъ по возможности сократить пребываніе свое въ Аѳинахъ, а потому и не искалъ случая быть представленнымъ ко Двору, опасаясь, чтобы для королевской аудіенціи мнѣ не назначили дня позже того срока, какой

я себѣ предположилъ для выѣзда. Ежедневно, во время пребыванія своего въ Аѳинахъ, я посѣщалъ развалины древняго города.

Неподалеку отъ знаменитаго Ареопага указали намъ небольшой пригорокъ, покрытый мраморною плитою; искони существовавшій предразсудокъ въ народѣ приводилъ къ этому мѣсту безплодныхъ женъ, которыя, ложась на плиту обнаженнымъ чревомъ, скатывались съ нея внизъ въ этомъ положеніи, твердо убѣжденные, что это средство вылечить ихъ отъ безплодія. Если вѣрить рассказамъ, такъ и понынѣ еще обычай этотъ ведется, и катанье съ волшебной плиты иногда повторяется женщинами изъ простонародья. Мраморная плита отъ частаго употребленія такъ отполировалась, что стала гладка и блестяща какъ зеркало.

Я имѣлъ случай осмотрѣть внутренность королевскаго дворца; она меня нѣсколько примирила съ первымъ впечатлѣніемъ, невольно произведеннымъ наружностью зданія; но и тамъ я встрѣтилъ много некрасиваго. Въ особенности непріятно поразили меня весьма слабыя

*

художественныя произведенія: картины и фрески на стѣнахъ.

На неровной, ухабистой площади передъ дворцомъ учились войска, приготавлиаясь къ смѣнѣ королевскаго почетнаго караула; греческій баталіонъ, въ національной живописной одеждѣ, въ красныхъ скуфейкахъ, въ бѣлыхъ пышныхъ юбкахъ (фустанеллахъ) и роскошно-вышитыхъ камзолахъ, долженъ былъ въ тотъ день смѣнять баталіонъ баварскаго войска.

Противъ лѣваго фасада дворца, за небольшимъ дворомъ, находится садъ королевы; такъ-какъ онъ разведенъ недавно, то деревья еще такъ малы и ничтожны, что нѣтъ ни одного тѣнистаго уголка; стоящія подъ знойнымъ небомъ, среди степи, какъ сиротки, коротенькія одиночныя растенія не придаютъ этому мѣсту ни красы, ни запаха, ни тѣни; не менѣе прискорбенъ недостатокъ деревъ и растеній въ такъ-называемомъ ботаническомъ саду, болѣе похожемъ на огородъ, чѣмъ на садъ.

Въ день отъѣзда, я посѣтилъ Палату Депутатовъ; небольшой домъ этого собранія, столь же мало внутри, какъ и снаружи, соотвѣт-

ствуешь главной его цѣли — вмѣщать въ себѣ многочисленное собраніе людей, приходящихъ сюда обсуждать важнѣйшіе вопросы народнаго благосостоянія. Главная зала устройствомъ своимъ напоминаетъ любой изъ нашихъ провинціальныхъ театровъ: такія же логи, скамейки и стулья.

Я былъ въ Палатѣ во время обыкновеннаго засѣданія; комната была наполнена національными депутатами; изъ нихъ многіе очень горячо толковали, возбуждая всеобщее одобреніе слушателей.

Не понимая греческаго языка, я не могъ судить о ихъ словахъ, но знаю только, что рѣчь касалась предложенной однимъ изъ членовъ новой финансовой системы.

Здѣсь не мѣсто входить въ настоящее положеніе Аѳинъ и всей Греціи, ни въ нравственномъ, ни въ административномъ отношеніяхъ; это завлекло бы меня въ безконечныя политическія разсужденія, которыхъ я себѣ рѣшительно предположилъ не включать въ рамку моихъ путевыхъ разсказовъ.

III.

Пароходъ «Леонидасъ». — Капитанская каюта. — Островъ Сира. — Пароходъ «Миносъ». — Карантинныя правила. — Препровождение времени въ морѣ. — Архипелагъ. — Берега Африки. — Начало бури. — Смѣлость капитана. — Привѣздъ въ Александрію.

Десятаго апрѣля, около двухъ часовъ пополудни, я оставилъ Аѣины и въ четыре часа, на французскомъ военномъ пароходѣ «Леонидасъ», отплылъ отъ береговъ Пирея. Погода была тихая, и море спокойно; командиръ судна, капитанъ Rostaing, старый заслуженный офицеръ, скоро со мною познакомился, и я нашелъ въ немъ пріятнаго спутника; онъ много пожилъ на свѣтѣ, помнитъ Францію въ разныя эпохи бурныхъ ея переворотовъ и много видѣлъ замѣчательнаго. Добродушнымъ, откровеннымъ и весьма занимательнымъ разговоромъ онъ незамѣтно сократилъ часы пребыванія моего на «Леонидасѣ».

Весьма понравилась мнѣ капитанская каюта

на пароходѣ; она устроена вверху палубы, на кормѣ, или, говоря морскимъ языкомъ, на ютѣ; вдоль одной стѣны каюты, во всю ея ширину, протянуть мягкій турецкій диванъ, покрытый роскошными коврами; посреди противоположной стѣны — чугунный каминъ, окруженный всѣми принадлежностями изъ полированной англійской стали; на немъ привинчены столовые часы. Богатое оружіе, отдѣланное въ восточномъ вкусѣ, живописно развѣшено по сторонамъ. Въ одномъ углу письменный столъ и шкафъ съ дорожною библіотекою; неподалеку висятъ большія географическія карты; низенькіе табуреты изъ сахарнаго и розоваго дерева, съ рѣзьбою и перломутовыми украшеніями; множество трубокъ съ большими цареградскими янтарями, серебряные кофейники и чашки въ восточномъ вкусѣ и разная мелочь дополняютъ роскошное украшеніе каюты. Противъ письменнаго стола, съ другой стороны, стоитъ столъ, покрытый меркаторскими картами и математическими инструментами; тутъ же: рупоръ, телескопъ, компасъ, солнечные часы и прочія необходимыя для моряка принадлежно-

сти. Возлѣ стола, въ стѣну искусно вдѣланъ шкафикъ изъ пальмоваго дерева, вмѣщающій въ себѣ множество хрустальныхъ графиновъ, наполненныхъ водкою и ликерами всѣхъ сортовъ — другая своего рода необходимая принадлежность моряка. Но мой посѣдѣвшій въ моряхъ капитанъ былъ въ этомъ отношеніи рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго правила: хоть онъ и морякъ первой степени, морякъ что называется съ головы до пятокъ, однакожь самъ не пилъ ни водки, ни вина, а только на убой подчивалъ всѣхъ, кто попадалъ въ его гостепріимныя руки.

Часовъ около десяти вечера, мы остановились у острова Сиры.

Другой французскій пароходъ-фрегатъ «Миносъ» лежалъ на якорѣ, ожидая прибытія «Леонидаса», чтобъ съ привезенными на немъ пассажирами плыть къ берегамъ Африки.

Французское правительство содержитъ десять военныхъ пароходовъ одинаковаго размѣра, каждый во сто-шестьдесятъ силъ, для непрерывнаго сообщенія съ Италіею, Алжиромъ, Греціею, Турціею и Египтомъ.

Распростившись съ командиромъ «Леонида-са», мы въ одиннадцать часовъ вечера перешли на новый пароходъ, но лишь на другой день въ пять часовъ подняли якорь. Мы ожидали парохода съ французской корреспонденціей изъ Марсели; сильный вѣтеръ и штормъ, застигнувъ его на высотѣ Мальты, замедлили его плаваніе, и онъ только къ четыремъ часамъ пополудни достигъ до Сирѣ.

Пароходъ «Миносъ» лишь наканунѣ прибылъ изъ Египта, а какъ закономъ признано за необходимое всѣ суда, прибывающія отъ африканскаго берега въ Европу, считать въ чумномъ положеніи, не разбирая, есть ли чума въ Египтѣ или нѣтъ, то и мы, взоидя на палубу «Миноса», подчинились общему правилу и съ той же минуты вошли въ число подвергшихся карантинному очищенію.

Всякое судно, приходящее въ европейскій портъ отъ береговъ Африки или Сиріи, состоя на чумномъ положеніи, обязано выставять большой желтый флагъ, служащій предупредительнымъ сигналомъ для всей гавани и для прилежащихъ судовъ, чтобъ они остерегались

всякаго съ нимъ сообщенія; въ противномъ случаѣ имъ угрожаетъ опасность подвергнуться немедленно той же участи. Каждому судну выдается, при отправленіи его, патентъ или карантинный листъ, въ которомъ записывается медиками и директоромъ карантина число и часъ отправленія судна, съ означеніемъ притомъ, сколько именно времени оно должно оставаться въ подозрительно-чумномъ положеніи. Обыкновенно дни, проведенные въ морѣ, идутъ въ счетъ очистительнаго срока. Дойдя до мѣста своего назначенія, судно, все подѣ тѣмъ же карантиннымъ флагомъ, бросаетъ якорь на довольно-дальнемъ разстояніи отъ прочихъ судовъ и продолжаетъ выдерживать опредѣленный терминъ, не спуская съ борта ни одного пассажира и не вступая ни въ какія прямыя сношенія съ жителями гавани. Карантинное начальство (*la Santé*) въ лодкѣ подплываетъ къ судну и посредствомъ длинныхъ желѣзныхъ щипцовъ, осторожно, или лучше сказать боязливо, принимаетъ карантинный листъ; держа его на воздухѣ, перевозитъ на берегъ и уже тамъ, проколовъ бумагу въ нѣсколькихъ

мѣстахъ, бросаетъ ее въ особый ящикъ, для окурки и очищенія отъ чумной заразы. Дно этого ящика устроено рѣшеткою, подъ которою на горячихъ угляхъ горятъ мозжевельникъ, хлоръ и другія вещества, признанныя ослабляющими силу заразы. По минованіи очистительнаго срока, карантинный чиновникъ привозитъ письменное разрѣшеніе освободить судно отъ чумнаго положенія, и уже тогда оно получаетъ окончательное право свободнаго сообщенія (*libre pratique*).

По карантиннымъ законамъ на востокѣ, кто послѣ заката солнца сойдетъ съ борта, хоть бы для отдѣльной по морю прогулки, подвергается смертной казни. Положительно можно замѣтить, что всѣ суда и мѣстныя карантинныя правленія съ необыкновенною строгостію исполняютъ лежащія на нихъ обязанности, и если это съ одной стороны полезно для страны, укрывающейся отъ заразы, то съ другой, когда эта предосторожность не основана на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ о чумѣ, а только принята неизмѣннымъ правиломъ на всякій случай, она служитъ большимъ подрывомъ для

торговли, а для путешественниковъ весьма обременительнымъ препятствіемъ.

Впродолженіе быстрого моего путешествія на востокъ, я выдержалъ пять карантинъ, изъ которыхъ одинъ былъ продолжительнѣе и тягостнѣе другаго, такъ-что провелъ почти половину времени своего путешествія въ подобныхъ мученіяхъ — дѣйстви-тельно мученіяхъ: это слово не слишкомъ сильно для обозначенія тѣхъ непріятностей, которымъ подвергается путешественникъ въ восточныхъ карантинахъ.

Если карантинъ на самомъ пароходѣ весьма скученъ, а въ дурную погоду крайне-томителенъ отъ безпрестанной качки судна на якорѣ, то по-крайней-мѣрѣ въ немъ нѣтъ тѣхъ лишеній и неумѣстныхъ издержекъ, которымъ подвергаютъ путешественника на сухомъ пути. Хотя я и часто бывалъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ чумою и другими заразами, но никогда не думалъ объ этомъ, довѣрчиво покоряясь волѣ Провидѣнія, въ неизмѣнной готовности жить или умереть какъ Богу будетъ угодно; но когда случилось мнѣ быть въ карантинѣ на вос-

токъ, мнѣ дѣйствительно казалось, что я не только приблизился къ заразѣ, но что уже меня считаютъ въ числѣ усопшихъ. Совершенное прекращеніе всякаго сообщенія со всѣмъ, на что вы рассчитывали, составляя планы своего времяпровожденія въ такомъ-то мѣстѣ; вмѣсто свободы — темница; вмѣсто порядочной комнаты — нечистыя земляныя конурки, сырыя какъ могила, съ голыми стѣнами, безъ половъ, безъ стула, даже безъ скамейки; однимъ словомъ, представьте себѣ могилу, въ которую силою ввергаютъ живаго путешественника и не даютъ ему рѣшительно ничего, кромѣ четырехъ грязныхъ стѣнъ: тутъ и извольте жить какъ знаете!

И за такой постой, при выпускѣ путешественника, съ него требуютъ еще поденную плату за карантинную квартиру, какъ за квартиру въ хорошей гостинницѣ, да кромѣ того, заставляютъ выдать поденное жалованье смотрителю, который во все время вашего очищенія, съ толстою палкою въ рукахъ, слѣдитъ за страждущимъ и тоскующимъ человѣчествомъ

и не спускаетъ съ глазъ своего плѣнника ни на минуту ни днемъ, ни ночью.

О продовольствіи путешественниковъ, натурально, никому не приходитъ тамъ и въ голову позаботиться. Если при васъ есть что-нибудь, то вы сами утоляете свой голодъ, а если нѣтъ, то состоящій на посылкахъ карантинный служитель, за произвольно-требуемую имъ черезмѣрную плату, приноситъ вамъ откуда попало и что попало; предоставляю каждому вообразить себѣ вкусъ подобнаго обѣда или завтрака; самъ же прошу позволенія скорѣе перейти къ другому предмету, во избѣжаніе меланхолическихъ, для желудка, воспоминаній. Повторю только, что на востокъ карантины для путешественника, дорожащаго временемъ и не имѣющаго излишнихъ денежныхъ средствъ — гибель во всѣхъ отношеніяхъ: гибель времени, гибель здоровья, гибель для расположенія духа и наконецъ гибель для кармана.

Само собою разумѣется, что я говорю лишь о карантинахъ на востокъ, которымъ подвергаются путешественники безъ разбора, сви-

рѣпствуетъ ли или не свирѣпствуетъ чума въ той странѣ, откуда онъ пріѣхалъ.

Но оставимъ на время эти непріятности и возвратимся къ начатому разсказу о плаваніи моемъ на «Миносѣ». Капитанъ его составлялъ прямой контрастъ съ командиромъ «Леонидаса»: это былъ человѣкъ небольшого роста, толстый, съ открытымъ выраженіемъ лица и въ полномъ смыслѣ французскаго слова — *bon vivant*, по нашему — нѣчто среднее между кутилою и такимъ человѣкомъ, который любитъ пожить. Столъ на его фрегатѣ былъ безподобный, блюда изящныя, десертъ роскошный, а о винахъ и говорить нечего. Общество наше на пароходѣ, кромѣ капитана, состояло изъ двухъ лейтенантовъ, доктора, комиссара и штурмана; другихъ пассажировъ въ первой каютѣ (слѣдовательно, такихъ, съ которыми бы мы были въ постоянныхъ сношеніяхъ) не было, хотя кромѣ насъ на пароходѣ были больной негръ, три Египтянина и какой-то булочникъ — разумѣется, Нѣмецъ: онъ ѣхалъ къ Ибрагиму-Пашѣ печь бріюши и франц-броты. Всѣ мы обѣдали вмѣстѣ за общимъ столомъ,

шумно и весело; послѣ обѣда пили кофе на палубѣ, курили кальяны и трубки съ аравійскимъ табакомъ; капитанъ подчивалъ насъ разными вареньями, шербетами и, между-прочимъ, плохими турецкими конфектами, извѣстными и у насъ подъ названіемъ «рахать-лукумъ»; комиссаръ парохода ни разу не могъ утерпѣть, чтобъ не сказать, при видѣ ихъ: *Voilà une friandise orientale que ces drôles appellent recatacombes*. Старшій лейтенантъ, лихой морякъ, но человѣкъ довольно-суровый и простой, безпрестанно возился съ огромнымъ пу-делемъ и напѣвалъ ему какія-то старыя французскія военныя пѣсни: собака была приучена, не шевелясь, слушать ихъ до извѣстнаго момента и потомъ разомъ вскакнуть къ нему на шею.

Вѣтеръ былъ намъ противный; лавируя, мы плыли медленно и неровно. Къ вечеру погода стихла; подъ-утро свѣжій попутный вѣтеръ подулъ въ корму, и мы, поднявъ всѣ паруса, шли десять узловъ въ часъ. Пароходъ плылъ плавно, и сидя въ каютѣ, можно было забыть-ся, что лишь нѣсколько досокъ и бревенъ от-

дѣляютъ васъ отъ морской бездны: казалось, мы были въ домѣ на сухомъ пути.

Вечеръ мы посвятили нашей корреспонденціи съ Европою.

Безподобная картина безпредѣльнаго моря, испещреннаго множествомъ острововъ, съ каждымъ мгновеніемъ измѣняла видъ свой и дѣйствіемъ солнечныхъ лучей рисовала новыми восхитительными оттѣнками живописные очерки береговъ, волшебнo отдѣляя ихъ отъ свѣтло-лазурнаго небеснаго свода: мы переплывали Архипелагъ.

Острова: Парось, Наксось, Ніо, Сент-Орентъ, Анаѳія, Планъ, Кандія, Казо и многіе другіе — смѣнялись передъ нашими глазами въ этой восхитительной панорамѣ.

Въ ночь на четырнадцатое число вѣтеръ перемѣнилъ направленіе. Поднялась сильная качка, усилившаяся къ утру. Небо предвѣщало бурную погоду, и порывы вѣтра часъ-отъ-часу становились сильнѣе.

Наконецъ, вскорѣ послѣ полудня, въ нашихъ глазахъ мелькнули предвѣстники афри-

канскаго берега: вдали показались мачты прибрежныхъ судовъ и крылья мельницъ.

Александрія лежитъ такъ низменно, что берега ея дѣлаются видны лишь на самомъ близкомъ разстояніи. Наружный ихъ видъ не производитъ пріятнаго впечатлѣнія: голая песчаная степь, безъ всякой обстановки — ни пригорка, ни деревца, ни зелени; одни лишь суда, наполняющія гавань, да зданія дворца египетскаго паши и адмиралтейства издали напоминаютъ вамъ, что это Александрія. Прочее все — землянки и ничтожныя мазанки, кромѣ, разумѣется, европейскаго квартала, гдѣ есть и обширная площадь и порядочные дома представителей разныхъ державъ, что ясно видно по развѣвающимся на ихъ кровляхъ разноцвѣтнымъ національнымъ флагамъ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ берегу, вѣтеръ усиливался и грозно воздымалъ бушующія волны; пристать къ городу чрезвычайно трудно въ бурную погоду. Мы остановили машину, положили судно въ дрейфъ и двумя пушечными выстрѣлами вызывали съ берега опытнаго лоцмана, чтобъ провести насъ

въ портъ между безчисленныхъ подводныхъ камней и отдѣльныхъ скалъ, замытыхъ пѣнистыми волнами. Никто не отвѣчалъ на нашъ призывъ. Мы повторили сигналъ, но и тутъ не нашлось охотниковъ выйти къ намъ на встрѣчу.

— Теперь, сказалъ мнѣ капитанъ, — намъ остается поспѣшно выбрать изъ двухъ одно: либо повернуть пароходъ назадъ и выплыть въ море, чтобъ не разбиться объ скалы, потому-что буря разъигрывается не на шутку, либо, пока море не достигло еще высшей степени волненія, положившись на мою счастливую звѣзду и на пріобрѣтенную мною опытность и знаніе этого порта, попробовать безъ лоцмана пробраться къ берегу.

Долго думать было нечего: опасность увеличивалась съ каждой минутой. Идти обратно въ море, въ ту минуту, когда касаешься берега, идти въ даль, безъ цѣли, можетъ быть надолго, пока буря не усмирится — досадно.

— Я бы, на вашемъ мѣстѣ, благословясь, рискнулъ! замѣтилъ я капитану.

Французъ такъ самолюбивъ, что не допус-

титъ себя даже изъ благоразумной предосторожности принять видъ нерѣшимости, а потому командиръ нашъ, едва далъ мнѣ выговорить, какъ съ твердостью произнесъ:

— Ну, если такъ, я готовъ!

Сказавъ это, онъ схватилъ рупоръ, взошелъ на тамбуръ парохода, осмотрѣлся, повернулъ налѣво на бортъ, убралъ паруса, скомандовалъ машинѣ полный ходъ и, съ примѣрнымъ хладнокровіемъ повертывая руль слѣва направо и справа налѣво, настойчиво и храбро пошелъ на перерѣзъ волнамъ.

Богу было угодно благословить эту смѣлую, хотя несовсѣмъ—благоразумную попытку. Къ удивленію всѣхъ зрителей, собравшихся на палубы своихъ судовъ, какъ—будто для того, чтобъ полюбоваться гибелью нашего парохода, мы бодроплыли промежду ихъ, и въ пять часовъ по—полудни благополучно бросили якорь въ александрійскомъ портѣ.

IV.

Хамсинъ. — Сераль Мехмеда-Али. — Ротонда. — Спальня. — Подарокъ папы. — Присутственные мѣста. — Жизнь на улицѣ. — Извозъ въ Египтъ. — Взглядъ на угнетенное положеніе народа. — Отношеніе паши къ народу. — Нилъ. — Дельта. — Каналъ. — Сераль Сеида-Паши. — Бананы. — Розовыя поля. — Утонченная роскошь. — Харемъ Сеида-Паши. — Помпеева колонна. — Величественныя обелиски. — Историческій обзоръ Александрии. — Клеопатрины иглы.

Сильный африканскій вѣтеръ, хамсинъ, вздымалъ облака пыли по песчаной поверхности. Арабское слово «хамса» значить пять, а «хамсинъ» пятьдесятъ; поэтому періодическій вѣтеръ, продолжающійся обыкновенно пятьдесятъ дней сряду, и получилъ названіе хамсина. Дѣйствіе его чрезвычайно томительно; вѣяніе порывисто, горячо и удушливо. Пролетая быстро по песчанымъ степямъ Африки, обогнувъ знойную полосу и перешедши море, хамсинъ ослабѣваетъ и наконецъ въ измѣненномъ видѣ, болѣе-умѣренный, иногда достигаетъ южныхъ береговъ Европы; но здѣсь онъ не

имѣть положительнаго періода и проносится отъ мѣста къ мѣсту лишь съ тою силою, которая не успѣла еще исчезнуть отъ перелета черезъ Средиземное Море.

Скоро стало смеркаться. Усталые отъ семидневнаго морскаго путешествія, мы легли отдохнуть; на другой день, въ пять часовъ утра, вышли мы изъ дому. Проводникомъ у насъ былъ арабъ, по имени Хассанъ; онъ немножко говорилъ по-итальянски и служилъ намъ переводчикомъ. На приведенныхъ имъ ослахъ мы отправились осматривать достопримѣчательности города. Пробираясь по грязнымъ, но многолюднымъ улицамъ, мы остановились передъ дворцомъ, или сералемъ египетскаго паши Мехмеда, или Мухаммеда-Али.

Самого паши въ это время не было въ Александріи: онъ путешествовалъ по Нилу въ Верхнемъ Египтѣ. Казалось бы, безъ хозяина намъ не видать и его хозяйства, но для денегъ на востокъ нѣтъ ничего невозможнаго, и такъ-называемый «бахчишъ» (подарокъ) служитъ надежнымъ ключомъ ко всѣмъ дверямъ дворцовъ, присутственныхъ мѣстъ и тому подоб-

наго. Заплативъ нѣсколько піастровъ, мы вошли въ сераль. Онъ выстроенъ въ европейскомъ вкусѣ и снаружи некрасивъ; главный фасадъ его обращенъ къ взморью, и морскія волны омываютъ ступени мраморной его лѣстницы.

Внутренность дворца мнѣ очень понравилась; первыя комнаты незамѣчательны до большой залы, или ротонды, находящейся въ срединѣ зданія, подъ большимъ куполомъ. Зала эта роскошно украшена, въ восточномъ вкусѣ, позолотою, арабесками и зеркалами. Меня поразила необыкновенная чистота и зеркальный блескъ паркета. Самый дорогой предметъ искусственной роскоши не могъ бы въ нашихъ рукахъ сохраняться такъ бережно и невредимо, какъ этотъ паркетъ подъ ногами рабовъ и гостей Мехмеда-Али. Превосходнѣйшее зеркало не можетъ быть глаже и имѣть менѣе царапинъ; паркетъ этотъ состоитъ изъ разнаго рода драгоцѣннаго дерева изящной мозаичной работы, съ перламутровыми и другими украшеніями. У входа въ эту комнату лежало нѣсколько паръ туфель на замшевыхъ по-

дошвахъ: мы принуждены были надѣть по одной парѣ, чтобъ пройти по этому чудному полу, не повредивъ его блестящей красоты.

Харемъ Мехмеда-Али не имѣетъ внутренняго сообщенія съ сералемъ: эти два зданія отдѣляются другъ отъ друга большимъ дворомъ. Мы не могли проникнуть въ харемъ, потому-что въ немъ обитали жены, оставленныя въ Александріи, а на востокѣ видѣть жену вельможи — такое нарушеніе святости обычаевъ, такое преступленіе, что надо быть готовымъ на всѣ послѣдствія, влекущія за собою большія непріятности, нерѣдко и смерть.

У паши двѣ спальни: одна ночная въ харемѣ, другая для полуденнаго отдыха въ сералѣ: на эту-то спальню намъ позволено было взглянуть. Посреди большой, богато-убранной комнаты стояла позолоченная кровать, безъ ножекъ, непосредственно на полу, въ видѣ широкой ступени; надъ изголовьемъ возвышался роскошный балдахинъ изъ зеленого шелковаго штофа, украшеннаго золотымъ шитьемъ. По сторонамъ кровати поставлены покрытые тою же матеріею два золотые табурета; на одномъ

изъ нихъ лежало огромное опахало изъ блестящихъ радужными цвѣтами павлиньихъ перьевъ; дорогая ручка его была осыпана самоцвѣтными камнями; на другомъ табуретѣ было подобное же опахало изъ мягкаго, нѣжнаго пуха страусовыхъ перьевъ.

Подлѣ cadaго табурета лежали на полу подушки съ золотыми кистями; такія же подушки были и противъ другаго конца кровати. На этихъ четырехъ подушкахъ, рабы становятся на колѣни, когда паша послѣ обѣда ложится отдыхать, по одному рабу съ каждой стороны, и каждый безпрестанно обмахиваетъ своего властелина опахалами, освѣжая тѣмъ воздухъ для его дыханія и не допуская безпокойныхъ мошекъ и докучливыхъ комаровъ тревожить сладкую нѣгу покоющагося владыки. У оконечности кровати другіе два невольника, также стоя на колѣняхъ, исполняютъ особеннаго рода прихоть избалованной роскоши, безъ которой паша никогда не засыпаетъ: они слегка трутъ ему ноги.

Противоположная этой спальнѣ комната — пріемная пашы. Она украшена золотомъ и зер-

калами, убрана коврами и бархатомъ и съ трехъ сторонъ освѣщена яркимъ дневнымъ свѣтомъ, проникающимъ черезъ рядъ смежныхъ оконъ. Самая замѣчательная вещь въ этой гостиной—подарокъ папы Григорія XVI, мозаичный столъ съ изображеніемъ церкви Св. Петра въ Римѣ. Странно и невѣроятно было для меня встрѣтить предметъ художественной роскоши у египетскаго паши, а еще болѣе въ *сералѣ* найти изображеніе *церкви*, и наконецъ слышать, что подарокъ этотъ *мухаммеданину* былъ сдѣланъ верховнымъ главою католической *церкви*!

Въ одной изъ сосѣднихъ комнатъ стоялъ большой билліардъ: паша былъ большой охотникъ играть на билліардѣ.

Изъ сераля мы пошли осматривать судебныя присутственныя мѣста. Строеніе невеликолѣпно и неинтересно. Въ присутствіи члены сидѣли поджавши ноги на диванахъ, курили трубки и распивали кофе. О чемъ шла рѣчь — мнѣ неизвѣстно.

Идя по улицамъ Александріи, нельзя забыть, что находишься въ Африкѣ: все носить

на себѣ совершенно-особенный, анти-европейскій отпечатокъ. Дома низки, грязны, безъ всякой архитектуры; улицы тѣсны, немощены и наполнены народомъ, который, подобно неаполитанскимъ ладзарони, курить, варить, ѣсть и спать на улицѣ, у дверей домовъ.

Извозъ въ Египтѣ двоякаго рода: для перевозки жителей служатъ маленькіе ослы съ довольно-покойнымъ и быстрымъ бѣгомъ; подлѣ каждого осла бѣжить, не переводя духъ, полуголый арабъ, понукающій осла палкою. Для перевоза тяжестей употребляются верблюды, или такъ-называемые дромадеры — отвратительное огромное животное на длинныхъ ногахъ, съ громаднымъ горбомъ, въ видѣ осыпавшейся пирамиды; на него навьючиваютъ всевозможную кладь — кули съ мукою или овсомъ, огромные ящики, чемоданы и проч. Встрѣчаемые на каждомъ почти шагу подобные караваны верблюдовъ производятъ странное впечатлѣніе на путешественника, которому ново это зрѣлище.

Народъ въ жалкомъ положеніи. Вице-король, владѣя Египтомъ на правахъ арендатора,

не признаетъ въ цѣлой странѣ ничьей, кромѣ личной своей собственности. Уплачивая ежегодно дань турецкому султану, паша полный хозяинъ въ своемъ управленіи. Народъ изнуряется нищетою и чрезмѣрно-тяжелыми работами. Такъ напримѣръ, однажды вице-король употребилъ $\frac{2}{3}$ народонаселенія Нижняго Египта, въ томъ числѣ и войско, на многотрудную работу — на прорытіе въ песчаной степи судоходнаго канала отъ морскаго берега Александріи до деревни Атфе, для соединенія этою водяною системою Средиземнаго Моря съ Ниломъ, котораго природное устье уклоняясь на довольно-значительное разстояніе отъ прямого направленія къ Александріи, сливается съ моремъ двумя главными рукавами: лѣвымъ въ Розеттѣ и правымъ въ Даміетѣ. Образуемый этими двумя вѣтвями благодѣтельнаго Нила треугольникъ, которому основаніемъ служитъ Средиземное Море, считается плодоноснѣйшею страною въ цѣлой Африкѣ. Этотъ уголокъ, по сходству съ формою греческой буквы Δ , называется Дельтою. Даміета въ-особенности славится на всемъ во-

стокъ изобиліемъ отличнаго риса и сарачинскаго пшена. Не должно забывать, что рытье канала въ степи производилось подъ знойнымъ небомъ африканскаго солнца. Нѣкоторые увѣряютъ, что не только сильные мужчины, но даже старики, дѣти и беременныя женщины принуждены были работать; тѣ, у которыхъ не доставало силы копать землю, употреблялись для переноски и перевоза вырытаго песку; за неимѣніемъ достаточнаго количества рабочаго инструмента, нѣкоторые рыли руками. Въ нѣсколько лѣтъ каналъ былъ конченъ и теперь служить водянымъ сообщеніемъ съ Каиромъ, Чермнымъ Моремъ, Индіею, Китаемъ и проч.

Работы эти производились бесплатно. По окончаніи канала, паша открылъ его самъ, проплывъ по немъ изъ Александріи въ Каиръ, и, въ честь царствовавшаго въ то время султана Махмуда, назвалъ его Махмудіею.

Войско отличается воинственною и суровою наружностью; мужчины вообще хорошо сложены, и черты лица ихъ большею частію пріятны; о женщинахъ нельзя сдѣлать общаго

заключенія, потому—что лица ихъ всегда закрыты покрываломъ, въ которомъ лишь только для глазъ прорѣзаны два маленькія отверстія. Женщины—простолюдинки обыкновенно носятъ платья изъ синяго холста; покрывало изъ той же матеріи, накинутое на голову, спускается спереди до половины туловища; металлическая скобочка, въ видѣ продолговатой серьги, или пряжки, прикрѣпляетъ его ко лбу. Довольно трудно привыкнуть къ этимъ завѣшеннымъ лицамъ, которыя, какъ тѣни умершихъ, двигаются по городу.

Сераль Сеида—Паши, третьяго сына Мехмеда—Али, имѣющаго постоянное пребываніе въ Александріи въ качествѣ главнаго адмирала, или капитана—паши, выстроенъ посреди сада; по обѣ стороны большой дороги, ведущей къ помѣстью Сеида—Паши, пролегаютъ обширные луга, засѣянные бананами; растеніе это сѣется и разводится какъ рожь, т. е., ежегодно вновь. Стволъ его нетолстъ и растеніе невысоко; плоды же безподобны; вкусъ ихъ чрезвычайно нѣженъ и пріятенъ. Наружный видъ плода продолговатый и, по зеленому сво—

ему цвѣту, нѣсколько похожъ на нашъ огурецъ. Когда банановый плодъ созрѣваетъ, кожа его сама собою растрескивается у оконечностей, и потому весьма легко лупится; внутренность же плода, безъ косточекъ и безъ сѣменъ, имѣетъ цвѣтъ нѣжнаго абрикоса; вкусомъ бананъ похожъ отчасти на ананасъ, отчасти на персикъ, но несравненно тоньше и нѣжнѣе того и другаго; ароматъ его почти неуловимъ. Сначала, какъ со всѣми случается, бананъ мнѣ показался противенъ, но потомъ я къ нему пристрастился и, казалось, не могъ довольно имъ насытиться.

Кромѣ полей, усѣянныхъ бананами, есть поля, покрытыя египетскими розами: ихъ за-сѣваютъ на огромномъ пространствѣ для добыванія розоваго масла, составляющаго довольно-значительную отрасль туземной торговли. Розы эти съ виду похожи на нашъ шиповникъ, но растительною своею силою, и въ-особенности необыкновеннымъ благоуханіемъ онѣ далеко превосходятъ наши столиственные оранжерейныя розы.

Садъ Сеида-Паши не представляетъ ни-

чего особенно-замѣчательнаго; деревья низки и почти не даютъ тѣни; расположеніе цвѣтовъ и растеній неживописно; кое-гдѣ быють фонтаны — любимая роскошь восточныхъ народовъ. Въ различныхъ частяхъ сада устроены бесѣдки и кіоски, съ непремѣннымъ сквознымъ вѣтромъ, отраднымъ въ слишкомъ-знойное время. Около стѣнъ каждаго кіоска разставлены турецкіе диваны; полъ устланъ коврами или плетеными пальмовыми рогожами.

Утомленный зноемъ и усталостью, я обрадовался, услышавъ журчаніе воды, бывшей фонтаномъ посреди луга, походившаго на коверъ отъ множества разнообразныхъ цвѣтовъ. Я бросился къ фонтану, чтобъ утолить свою жажду; но одинъ изъ рабовъ сераля, увидѣвъ меня, побѣжалъ къ кіоску, принесъ съ собою золотую чашу, убрannую камнями, поднесъ ее подъ игривую струю водомета и наполнилъ ее чистою, какъ хрусталь, водою. Горя нетерпѣніемъ утолить жажду, я уже протянулъ руку, но невольникъ удержалъ меня и, кивнувъ головою, какъ-бы желая сказать: «подожди, питье твое еще неготово», подошелъ къ цвѣт-

нику, выбралъ изъ него самую прелестную, пышную розу, осторожно срѣзалъ ее и, почтительно поднося мнѣ чашу съ водою, взялъ бережно цвѣтокъ за стебель, опустилъ ароматную розу въ воду и быстрымъ движеніемъ руки взволновалъ ею хрустальную влагу.

— Такъ пьетъ паша, сказалъ онъ по-арабски моему переводчику, который, передавъ мнѣ значеніе этихъ словъ, присовокупилъ, что подобнымъ привѣтливымъ сравненіемъ рабъ Сеида-Паши оказывалъ мнѣ отмѣнный знакъ гостепріимнаго уваженія.

Мнѣ чрезвычайно понравилась и эта невинная лесть, которой чистыми элементами были: свѣжая струя воды и распустившаяся роза, и эта утонченная восточная роскошь, въ которой я нашелъ глубокую поэзію чувствъ и необыкновенныхъ ощущеній. Свѣжій аромат нѣжной розы какъ-будто растворялся въ каждой каплѣ воды; но этотъ аромат былъ такъ тонокъ, такъ неуловимъ, что вода не имѣла именно вкуса розы, но была необыкновенно

упоительна и, мнѣ казалось, я пилъ какой-то нектаръ.

Внутренность сераля далеко уступаетъ красотою и роскошью сералю Мехмеда-Али; харемъ Сеида-Паши, помѣщенный въ томъ же строеніи, былъ занятъ нѣкоторыми изъ его женщинъ; самъ паша, съ шестью другими женами, поѣхалъ на короткое время за-городъ; по этому-то случаю намъ и удалось проникнуть въ сераль и даже въ тѣ изъ комнатъ, которыя оставались на то время пустыми. Эти комнаты убраны чрезвычайно просто и бѣдно. Наряды и уборы женъ обыкновенно хранятся въ особыхъ кладовыхъ. Въ обыкновенномъ быту харемныхъ женщинъ нѣтъ ни роскоши, ни удобствъ: комнаты пусты, безъ всякихъ украшеній, кромѣ живыхъ цвѣтовъ на окнахъ и кое-гдѣ поддѣльныхъ вѣнковъ и гирляндъ въ простѣнкахъ, или у дверей. Мебели не видать вѣсье; даже нѣтъ дивановъ; на полу валяются свернутые плетеные изъ пальмы ковры, служащіе постелью несчастнымъ рабьямъ во время отдыха.

Пока ходили за ключами отъ сераля, два

негра пронесли мимо меня большую корзину съ богатыми женскими нарядами. Дорогія яркія матеріи, испещренныя золотомъ, жемчугомъ и каменьями, великолѣпно горѣли подъ яркими лучами полуденнаго солнца.

Внутренній дворъ сераля обнесенъ обширной каменной галереей на сводахъ; посреди ея бьетъ фонтанъ въ бассейнѣ изъ бѣлаго мрамора.

Изъ сераля мы направились къ остаткамъ древности. Внѣ города, съ южной стороны, гордо возвышается, посреди степей, знаменитая Помпеева Колонна, свидѣтельница многихъ столѣтій, умалчивающая впрочемъ о достовѣрномъ своемъ происхожденіи; преданія, историки и путешественники разногласятъ въ своихъ описаніяхъ этого древняго памятника; во всякомъ случаѣ, имя Помпея тутъ, кажется, напрасно приплетено: его нигдѣ не видно; нѣкоторые приписываютъ сооруженіе колонны Птоломею-Эвергету, другіе утверждаютъ, что она была поставлена Александритами, въ честь Септимія-Севера; Шатобріанъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ, замѣчаетъ, что вѣрнѣе все—

*

го отыскивать ея начало въ латинскихъ словахъ, начертанныхъ на самомъ памятникѣ и открытыхъ Англичанами Лакомъ—Скуейромъ и Гамильтономъ въ 1801 году, если только надпись эта не поддѣлана позже, ибо историческихъ для нея данныхъ нѣтъ во́все. Тамъ написано: «Посидій, правитель или губернаторъ «Египта, соорудилъ сей памятникъ въ честь «великодушнаго императора Діоклитіана, бо-«жественнаго покровителя Александріи». Столбъ этотъ коринѳскаго ордена, имѣетъ 80 футъ вышины и 9 футъ въ діаметрѣ. Также посреди песчаной степи намъ показали извѣстныя Иглы Клеопатры — два колоссальные гранитные обелиска; одинъ изъ нихъ величественно возвышается на своемъ основаніи, другой — низвергнутый лежитъ на землѣ.

Эти два памятника носятъ названіе послѣдней отрасли рода Птолommeевъ, египетской царицы Клеопатры, знаменитой своею необычайною красотою и еще болѣе своими пороками. Оба высѣченныя изъ цѣльнаго камня, они изрѣзаны іероглифическими надписями. Плиній, упоминая о нихъ, говоритъ, что

каждая игла имѣла 42 локтя вышины. Нынѣ основаніе сбереженнаго въ цѣлости обелиска отъ времени занесено пескомъ; другой же изломанъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, Мехмедъ-Али подарилъ великобританскому правительству опрокинутую Клеопатрину Иглу, но Англичане не воспользовались этимъ подаркомъ, въ избѣжаніе огромныхъ издержекъ, потребныхъ на поднятіе и перевозъ этого гигантскаго памятника. Одинъ изъ путешественниковъ, аббатъ Жерамбъ, утверждаетъ, что паша даже вызвался на свой собственный счетъ поднять и довести обелискъ до Лондона, но что не стало физическихъ силъ для исполненія такого труднаго дѣла. При этомъ случаѣ г. Жерамбъ прибавляетъ неумѣстное разсужденіе въ слѣдующихъ словахъ: «Что же бы они сказали, «еслибъ имъ надобно было поднять привезенный Французами изъ Египта большой люксорскій обелискъ, приподнятый нами какъ перо и поставленный безъ всякаго почти труда и усилій на Площади Лудовика XV?» Во-первыхъ, люксорскій обелискъ, какъ мнѣ кажется, меньше размѣромъ, нежели колоссаль-

ныя Иглы Клеопатры; во-вторыхъ, неужели бы Французамъ удалось одержать верхъ въ силѣ и трудахъ надъ очерствѣлымъ, мужественнымъ народомъ египетскаго паши? Жаль, что Парижане не вызвались вырыть каналъ Махмуда, чтобъ облегчить труды Египтянъ: тогда замѣчаніе безпристрастнаго аббата было бы болѣе кстати.

Александрія основана Александромъ-Великимъ, въ 331 году до Р. Х., по собственному его чертежу; планъ былъ величественный: гавани, фонтаны, водопроводы, цистерны, великолѣпныя зданія, театры, дворцы — все было искусно придумано, чтобъ обратить Александрію въ первостепенный городъ всего свѣта, по роскоши, удобству жизни и сообщеній съ другими странами; двѣ главныя перекрестныя улицы, шириною во сто футъ каждая, раздѣляли городъ на четыре равныя части; линіи ихъ пересѣченій составляли огромную народную площадь. По смерти Александра-Великаго, Александрія сдѣлалась столицею Египта и мѣстопробываніемъ Птолмеевъ-Лаговъ.

V.

Купальня Клеопатры. — Торговля невольницами. — Обѣдъ у консула. — Воспоминаніе о Пассекѣ. — Видъ изъ дома консула. — Два пути изъ Александрии въ Іерусалимъ. — Предложеніе прусскаго консула. — Мехмедъ-Решидъ-Паша. — Фрегатъ Бехейра. — Капитанъ Халиль. — Несчастіе. — Возвращеніе на берегъ. — Обѣщаніе капитана. — Мустики. — Перемѣна вѣтра. — Неожиданная тревога и опасеніе. — Пушечная пальба въ морѣ. — Арабская лодка. — Спасеніе.

Остатки Клеопатриной купальни расположены внѣ города, между грудой скалъ, прилегающихъ къ морскому берегу. Скалы эти, хотя невелики, но замѣчательны какъ рѣдкость на плоскомъ песчаномъ берегу. По словамъ преданій, царица, прославившаяся на всемъ востокѣ своею красотою, находила особенное удовольствіе любоваться своими прелестями. По ея приказанію, искуснѣйшіе зодчіе того времени трудились надъ сооруженіемъ бассейна среди скалъ — того самаго бассейна, который и понынѣ небольшимъ извилистымъ каналомъ сообщается съ моремъ. Такимъ образомъ, Кле-

опатра могла въ тихой водѣ наслаждаться морскимъ купаньемъ даже при самой бурной непогодѣ; бушующія волны, съ пѣною разбиваясь о скалистый берегъ, гнали успокоившуюся влагу по изгибамъ канала, и вода тихо втекала въ бассейнъ, гдѣ Клеопатра, упиваясь нѣгою, освѣжала бѣлоснѣжный станъ свой.

Такимъ образомъ сама природа платила дань ея прихотямъ. Впрочемъ, изъ слѣдовъ этой великолѣпной купальни одна лишь природная красота — голый камень и лазурная влага, уцѣлѣли отъ всесокрушающаго времени; искусственная же роскошь не оставила по себѣ даже малѣйшихъ слѣдовъ, и бывшія украшенія архитектуры, богатства и убранства купальни нынѣ ожили лишь въ нѣкоторыхъ описаніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что украшенная искусственными барельефами, красивыми статуями, вазами изъ мрамора и порфира, испещренная цвѣтами, убранная золотомъ, парчами, бусами и камнями, окруженная толпою прекрасныхъ невольницъ — эта единственная въ своемъ родѣ купальня имѣла необыкновенно-очаровательный, роскошный и великолѣпный видъ,

когда Клеопатра, во всей прелести обнаженной красоты, падала въ нѣжныя лобзанія моря.

Въ недалекомъ разстояніи отъ купальни находятся катакомбы, или могилы древнихъ египетскихъ царей; это — мрачныя пещеры, въ невыносимой духотѣ которыхъ плодится неисчисленное множество такъ — называемыхъ ночныхъ бабочекъ. Катакомбы, нынѣ заброшенныя, служатъ иногда убѣжищемъ для преступниковъ, скрывающихся отъ преслѣдованія.

Я полюбопытствовалъ видѣть продажу невольницъ. Этотъ унижительный для челоуѣчества обычай еще сохранился на востокѣ; грустное чувство овладѣло мною при видѣ этихъ несчастныхъ, которыми до безсовѣстности невѣжественные людо-промышленники торгуютъ какъ обыкновеннымъ товаромъ.

Обширный дворъ, обнесенный довольно-высокою стѣною, служитъ мѣстомъ для этой постыдной торговли. Небольшія, дурно-смазанныя хижины, укрываютъ невольницъ отъ дождя и служатъ имъ убѣжищемъ въ ночное время; по многочисленности поступающихъ въ

продажу женщинъ и по недостатку помѣщенія, положеніе несчастныхъ стѣснено до невѣроятія. Внутри этихъ мазанокъ, кромѣ стѣнъ и землянаго пола, нѣтъ ничего. Несчастныя невольницы, днемъ измученныя лучами знойнаго солнца и нравственно—убитыя унижительною своею участію, ночью, въ душевной тѣснотѣ, ищутъ покоя на холодной и сырой землѣ, согрѣваясь только тѣмъ, что жмутся одна къ другой. Днемъ онѣ гуляютъ, или, лучше сказать, толпятся по двору; при появленіи иностранцевъ—покупателей, чувство стыдливости, болѣе или менѣе врожденное каждой женщинѣ, разгоняетъ ихъ по угламъ. Тогда продавецъ угрозами и палкою выгоняетъ ихъ опять на дворъ: купцу нужно буквально показать товаръ лицомъ. Перепуганныя и пристыженные невольницы, опустивъ глаза въ землю, робко, въ страхѣ, толкуются одна возлѣ другой. Мнѣ казалось, что даже самое безчувственное сердце не можетъ не ощутить живѣйшаго состраданія и тоски при видѣ несчастныхъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ эту минуту быть на столько богатымъ, чтобъ вдругъ вы-

купить всѣхъ этихъ страдалищъ, дать имъ всѣмъ свободу и денегъ, указать имъ благочестивый путь въ жизни, просвѣтитъ ихъ спасительною для души христіанскою вѣрою и, прикрывъ ихъ крыломъ человеколюбія, ввести въ міръ образованности къ уразумѣнію Бога истиннаго! Но всегда ли мы бываемъ въ силахъ исполнять то, чего желаемъ?

Женщины эти всѣ были негритянки, слѣдовательно, совершенно черныя. Типъ физиономіи у всѣхъ былъ общій и мало соотвѣтствовалъ европейскимъ понятіямъ о красотѣ: у всѣхъ — толстыя губы, плоскіе носы и выпуклыя кости подъ глазами; но зато у всѣхъ зубы необыкновенной бѣлизны, формы чрезвычайно изящныя и отмѣнно-правильныя. Цѣны на невольницъ, естественно, бываютъ различны, сообразно наружнымъ ихъ достоинствамъ. Средняя цѣна отъ 150 до 250 франковъ за каждую. Лучшія же по красотѣ невольницы выходятъ изъ общей расцѣнки: попадаютъ женщины въ 300, 500, въ тысячу франковъ и гораздо-дороже.

Обѣдалъ я въ этотъ день на европейскій

ладъ, въ пятомъ часу, у нашего консула, г. Ф...., который живетъ со всѣми удобствами Европейца и встрѣчаетъ своихъ соотечественниковъ съ свойственною ему любезностью и гостепріимствомъ. Онъ сообщилъ намъ свѣдѣнія не совсѣмъ утѣшительныя — о чумѣ въ Сиріи и о распространеніи злокачественныхъ лихорадокъ въ Египтѣ. Но уже намъ было не до чумы: главный вопросъ состоялъ въ томъ, какъ бы поскорѣе попасть въ зачумленную сторону.

Возвращаясь послѣ обѣда домой, я встрѣтилъ двухъ Лезгинъ, въ знакомой мнѣ одеждѣ кавказскихъ горскихъ народовъ; они возвращались изъ Мекки въ свою деревню Чоглы, близъ Цудахара, въ нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ я, за нѣсколько мѣсяцовъ предъ тѣмъ, имѣлъ случай сражаться съ ихъ дикими товарищами въ рядахъ нашего храбраго войска, подъ командою отважнаго, молодаго героя Пассека, который предпріимчивыми и доблестными подвигами своими оставилъ по себѣ завидную славу храбраго генерала, а въ памяти хищни-

ковъ — грозное для нихъ имя и немало тяжкихъ воспоминаній.

Я уважалъ Пассека какъ храбраго воина и любилъ его какъ благороднаго человѣка. Мы сошлись съ нимъ еще въ 1841 году, когда я въ первый разъ былъ на Кавказѣ; тогда онъ былъ еще въ низшихъ чинахъ. Въ 1844 году я нашелъ его уже генераломъ, украшеннаго знаками доблести и отваги; эти знаки заслужилъ онъ своею кровью. Онъ командовалъ авангардомъ отряда генерала Лидерса (героя Трансильваніи въ 1849 году), посланнаго для усмиренія Акушинскаго и Цудахаринскаго обществъ, и преслѣдовалъ бѣгущаго, подъ предводительствомъ самого Шамиля, непріятеля до Кородахскаго Моста на Сунжѣ, который хищники успѣли разрушить за собою, укрѣпясь въ каменьяхъ на скатѣ горы на противоположномъ берегу. Устроивъ за незыблемыми преградами батареи, они упорно препятствовали намъ исправить мостъ и далѣе продолжать преслѣдованіе. Два дня враждующія стороны перестрѣливались ядрами; по приказанію генерала Лидерса, Пассекъ ночью,

съ двумя ротами пѣхоты, спустился къ самому берегу Сунжи, на подошву отвѣсной громадной скалы, на вершинѣ которой подъ непріятельскимъ огнемъ стоялъ нашъ отрядъ. Молча и ощупью, не смотря на чуткость горцевъ, мы въ одну ночь, пользуясь темнотою и журчаніемъ кипящаго быстрого потока, выстроили, такъ—сказать подъ носомъ у непріателя, ретраншаментъ изъ туръ и фашинъ, которыя были сплетены заранѣе и перенесены нами на берегъ. Съ первымъ солнечнымъ лучомъ, мулла пронзительнымъ голосомъ призывалъ товарищей своихъ къ утренней молитвѣ; всѣ вскочили — и каково было ихъ удивленіе, когда они увидѣли выстроенное въ нѣсколько часовъ, какъ—бы мановеніемъ волшебнаго жезла, укрѣпленіе! Прежде чѣмъ они опомнились, двѣ храбрыя роты наши, молча залегшія среди ретраншамента, открыли мгновенно смертоносный огонь по непріателю; завязалась обоюдная жаркая перестрѣлка, которая, впрочемъ, скоро утихла, ибо горцы, спрятавшись въ густомъ каменникѣ, не терпѣли уже вреда отъ нашихъ пуль, а гарнизонъ ретраншамента

безвредно укрывался за своимъ валомъ отъ выстрѣловъ непріятеля. Не менѣе того, положеніе наше было не изъ удобнѣйшихъ: люди лежали, и никто не могъ поднять головы, если не хотѣлъ навѣрное ея лишиться; небольшое количество провіанта, который возможно имъ было принести съ собою, и особенно недостатокъ воды — сдѣлались весьма ощутительны.

Ночью приказано было вывести эти двѣ роты, согласно предположенію — не терять долѣе времени въ бесполезномъ преслѣдованіи непріятеля. Пассекъ вывелъ людей такъ же ловко и отважно, какъ повелъ къ постройкѣ ретраншаментовъ; но въ этотъ разъ горцы были внимательнѣе, и хотя въ темнотѣ не могли прицѣливаться, однакожь сопровождали насъ жаркой пальбою.

На другой день, русскій отрядъ оставилъ занятую имъ позицію, и авангардъ сдѣлался арьергардомъ колонны. Пассекъ прикрывалъ движеніе главной колонны, которая тронулась на разсвѣтѣ и потянулась вдоль глубокаго

ущелья къ д. Салты. Съ разсвѣтомъ хищники, замѣтивъ наше движеніе, начали по одиночкѣ бросаться вплавъ черезъ Сунжу, и сначала одинокими всадниками, потомъ партіями, болѣе и болѣе увеличивавшимися, нагіе, съ кинжалами въ зубахъ и обнаженными шашками, съ остервенѣніемъ преслѣдовали тылъ нашего арьергарда. Русскіе дрались, какъ всегда и вездѣ—лихо; Пассекъ, вездѣ первый, съ рыцарскимъ хладнокровіемъ подавалъ блестящій примѣръ самоотверженія. Съ такими данными, натурально, это трудное движеніе въ лошадѣ, обставленной лѣсистыми горами, изъ которыхъ градъ пуль сыпался на наше войско, совершенно было какъ нельзя удачнѣе — быстро, отчетливо и отважно. Около втораго часа смѣнили насъ съ бою войска подъ командою князя Аргутинскаго — Долгорукаго. На другой день мы проходили черезъ Цудахаръ, вблизи аула Чоглы, родины двухъ Лезгинъ, съ которыми встрѣча въ Александріи дала мнѣ случай приплестъ къ этимъ листкамъ эпизодъ изъ кавказскихъ войнъ, чтобы хотя слабою, но заслуженною похвалою почтить память уби-

таго на полѣ брани доблестнаго воина и благороднаго человѣка.

Надъ консульскимъ домомъ устроенъ небольшой мезонинъ съ балкономъ, и развѣвается нашъ русскій флагъ. Видъ съ этого балкона весьма оригиналенъ: картина, представляющаяся непривычному взгляду новопріѣзжаго путешественника, во всѣхъ своихъ подробностяхъ отлична отъ того, что мы видимъ въ Европѣ. Пальмовыя сады, земляныя пещеры египетскаго простонародья, дома странной архитектуры, вдали съ одной стороны песчаная пустыня, съ другой — ярко-голубое море; по улицамъ шумныя толпы народа въ національной одеждѣ; войско въ бѣлыхъ холщевыхъ мундирахъ съ малиновыми колпаками, огромные верблюды и маленькіе ослы, служащіе вмѣсто экипажей и извозчиковъ — все это поражаетъ новостію того, кто еще недавно оставилъ быть европейскій, къ которому привыкъ со дня своего рожденія.

Грунтъ земли въ Александріи полуизвестковаго, полупесчанаго свойства, слѣдовательно мягкій и для пѣшеходовъ удобный. Но частые

вѣтры, вздымая вредную для глазъ пыль, до такой степени несносны, что, право, иной разъ невольно приходитъ на мысль — предпочесть этой дорогѣ самую дурную мостовую. Дожди въ Египтѣ рѣдки, а потому улицы вообще опрятны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ тѣсныхъ закоулковъ, гдѣ несоотвѣтственное пространству число жителей, болѣе или менѣе нищихъ, представляетъ самую грустную и смрадную картину. Главная улица Александріи — такъ-называемая улица Франковъ (подъ этимъ именемъ разумѣютъ здѣсь Европейцевъ или вообще иностранцевъ изъ христіанъ). Торговые ряды и рынки (по восточному, базары) въ Александріи незамѣчательны ни наружнымъ устройствомъ, ни особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ туземной торговли. Впрочемъ, они снабжены всѣмъ, что, по тамошнимъ понятіямъ, потребно для удобства жизни болѣе или менѣе прихотливой.

Въ главномъ базарѣ общій складъ всѣхъ предметовъ промышленности, и большее число лавокъ наполнено съѣстными припасами,

какъ—то: зеленью, кореньями, свѣжими и сухими фруктами, шербетами, вареньемъ, рыбою съ ближайшей морской или озерной *) ловли и яйцами; тутъ же ряды москательныхъ лавокъ съ красками, духами, травами, табакомъ, трубками и чубуками; другіе съ коврами, покрывалами, сѣдлами, одѣянiями и проч., однимъ словомъ со всѣмъ, что въ жизни составляетъ предметъ первыхъ потребностей.

Вечеромъ, консулъ прислалъ мнѣ только—что полученный имъ нумеръ «Русскаго Инвалида»: можете себѣ представить, съ какою жадностью я на него бросился! Въ—самомъ—дѣлѣ, вообразите, что вы за тридевять земель, какъ—будто въ какомъ—нибудь тридесятомъ сказочномъ царствѣ и ничего не знаете о происходящемъ въ матушкѣ—Россiи; вдругъ одна изъ старѣйшихъ русскихъ газетъ, почтенный «Русскій Инвалидъ», попадетъ къ вамъ въ руки; вы принимаете его какъ близкаго своего роднаго и читаете съ восторгомъ и любопытствомъ весь листъ отъ первой до послѣдней

*) Изъ озера Моріутъ.

строки, не пропуская даже ни прїѣхавшихъ въ Петербургъ, ни выѣхавшихъ изъ него.

Въ девятомъ часу пошелъ я въ театръ: какой можетъ быть театръ въ *Египтъ*? спросите вы; а вотъ какой: итальянская опера; давали *Figlia del Regimento*, по нашему «Дочь полка».

Само собою разумѣется, что не только Марио и Гризи, но и второй и третій сортъ артистовъ пропѣли бы лучше синьора Антонио, который, при вторичномъ моемъ посѣщеніи Александріи, когда я уже возвращался изъ Іерусалима, нанялся ко мнѣ на дорогу поваромъ и который стряпалъ хуже, нежели пѣлъ, тѣмъ не менѣе, въ Египтѣ есть театръ и итальянская опера; къ-тому же примадонна весьма сносна для страны крокодиловъ и тѣхъ напѣвовъ, которыми наполняютъ воздухъ отвратительный крикъ верблюдовъ и порывы удушливаго хамсина.

Я пробылъ два дня въ Александріи. Между тѣмъ Пасха приближалась, и я болѣе чѣмъ когда-либо горѣлъ нетерпѣніемъ встрѣтить ее въ Іерусалимѣ. Задача была нелегка: всѣ свѣдѣнія, которыя я могъ собрать, явно доказы-

вали мнѣ совершенную невозможность достигнуть Іерусалима къ желаемому времени. Мнѣ предстояли два различные пути: одинъ морской, для чего надлежало дожидаться еще пять дней въ Александріи и потомъ на срочномъ пароходѣ плыть въ Бейрутъ, выдержать тамъ трехнедѣльный карантинъ и наконецъ либо верхомъ, либо моремъ же на арабской лодкѣ, добраться до Яффы, откуда оставалось еще двѣнадцать часовъ ѣзды верхомъ до святаго города. Другой путь посуху, лежалъ черезъ пустыню Суэзскаго Перешейка, но на это потребовалось бы едвали еще не больше времени.

Только черезъ два дня отходилъ пароходъ по Нилу въ Каиръ: тамъ надлежало ожидать караванныхъ путешественниковъ (и ожиданіе могло продлиться неопредѣленное время), потомъ дней двѣнадцать или пятнадцать идти пустынею въ Палестину, а наконецъ черезъ Яффу же ѣхать верхомъ до Іерусалима. Такимъ образомъ и тотъ и другой путь требовали по крайней-мѣрѣ мѣсяца времени — а оставалось только двѣнадцать дней до Свѣтлаго Воскресенья. . . Я былъ въ отчаяніи и почти ужь

рѣшился предпринять поѣздку въ Каиръ, чтобъ сразу осмотрѣть эту часть Египта, а потомъ, посѣтивъ Іерусалимъ, прямо изъ Палестины возвратиться въ Европу. Прусскій консулъ, г. Думрейхеръ, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо изъ Италіи, далъ мнѣ слѣдующій совѣтъ: «Недавно» говорилъ онъ «пріѣхалъ къ намъ изъ Константинополя паша, присланный султаномъ на пароходѣ съ двумя батальйонами турецкой пѣхоты, отданными въ распоряженіе Мехмеда-Али, для укомплектованія наблюдательныхъ постовъ на степной границѣ и для усиленія конвоя, сопровождающаго поклонниковъ Мухаммеда, которые толпами отправляются въ Мекку. Окончивъ свое порученіе, паша, на данномъ ему Мехмедомъ-Али фрегатѣ, сегодня въ ночь оставляетъ Александрію и отправляется въ Бейрутъ. Поищите, чрезъ вашего консула, случая познакомиться съ этимъ пашою: онъ очень милый и обязательный человѣкъ, воспитывался въ Парижѣ, услужливъ и образованъ; онъ непременно предложитъ вамъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даже, въ угожденіе вамъ, прикажетъ

командиру фрегата, не доходя Бейрута, свернуть вправо и зайти въ Яффу, а тамъ высадить васъ на берегъ; тогда, при попутномъ вѣтрѣ, у васъ будетъ возможность даже въ четверкъ или пятницу на страстной недѣлѣ поспѣть въ Іерусалимъ и встрѣтить Пасху у гроба Господня».

Предложеніе г. Думрейхера было принято нами съ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что надежда пріѣхать въ Іерусалимъ вѣвремя пропала—было у насъ вѣвсе: теперь этотъ проектъ вновь ободрилъ насъ; не теряя времени, мы обратились къ г. Фоку съ просьбою познакомить насъ съ пашою. Онъ охотно согласился на это и сейчасъ же послалъ справиться, когда паша намѣренъ ѣхать. Ему отвѣчали, что паша давно уже собрался ѣхать и почти цѣлые сутки сидитъ у моря и ждетъ погоды. Дѣйствительно, не совсѣмъ—довольный ласковымъ пріемомъ Мехмеда—Али, паша даже не хотѣлъ лишнею минутою продлить пребываніе свое въ Александріи, а потому, окончивъ свое порученіе, сейчасъ же сѣлъ на корабль; но на его бѣду сильный противный вѣтеръ не доз-

волялъ фрегатъ выйти изъ гавани; судно сильно раскачивало на якорѣ, а паша упрямо выжидалъ переменны вѣтра и настойчиво оставался на кораблѣ. Г. Фокъ поѣхалъ къ нему для переговоровъ насчетъ насъ, и переговоры эти увѣнчались совершеннымъ успѣхомъ.

Паша съ полнымъ радушіемъ изъяснилъ желаніе познакомиться съ нами и самъ заранѣе вызвался, въ случаѣ хорошей погоды и попутнаго вѣтра, высадить насъ въ Яффѣ. Какъ-только консулъ сообщилъ намъ эту пріятную вѣсть, мы, уложивъ поспѣшно багажъ, отправились къ фрегату «Бехейра», на которомъ ожидалъ насъ гостепріимный Мехмедъ-Решидъ-Паша, начальникъ штаба сирійской арміи, бывшій за пять лѣтъ до того іерусалимскимъ генераль-губернаторомъ.

Онъ принялъ насъ очень ласково, говорилъ много и свободно пофранцузски, даже картавилъ, какъ Парижанинъ; но при всемъ томъ сидѣлъ на диванѣ съ поджатыми ногами и никогда не снималъ съ головы шапки. Фрегатъ «Бехейра», несмотря на то, что считался однимъ изъ лучшихъ судовъ египетскаго фло-

та, представлялъ картину хаотическаго безпорядка и нечистоты.

Краснощекий капитанъ, съ необъятно-толстымъ брюхомъ, вмѣсто того, чтобъ заниматься исполненіемъ обязанностей командира судна, только и дѣлалъ, что спалъ, ѣлъ, пилъ и курилъ, или, усѣвшись на ступеняхъ каютнаго трапа и загородивъ всѣмъ дорогу, флегматически занимался умываніемъ своихъ жирныхъ ногъ, вытирая ихъ потѣмъ столовою салфеткою. Капитанъ Халиль — такъ его звали — былъ не совсѣмъ въ ладу съ Решидъ-Пашею, который обращался съ нимъ слишкомъ высоко и не позволялъ входить къ себѣ въ каюту иначе, какъ только съ рапортомъ; при этомъ капитанъ Халиль сперва клалъ руку на сердце, а потомъ, закативъ глаза подъ лобъ, подымалъ ее ко лбу, въ знакъ глубокаго почтенія къ особѣ такого высокаго сана.

Решидъ-Паша, разумѣется, занималъ главную каюту, расположенную на кормѣ въ первомъ ярусѣ корабля. Убранство каюты было просто, безъ малѣйшей роскоши и, однакожь, казалось великолѣпнымъ въ сравненіи съ ос-

тальными частями фрегата, отличавшимися неопрятностью. Два продолговатые дивана, обитые малиновым бараканомъ, стояли спинкою къ кормовымъ окнамъ; въ серединѣ раздѣлялъ ихъ столъ, на которомъ стояли два мѣдные рупора и компасъ. Паша развалился на одномъ изъ дивановъ и курилъ наргиле; наружность его, хотя впрочемъ благовидная, не выражала ничего особеннаго; на видъ ему можно было дать лѣтъ сорокъ, но онъ выдавалъ себя за 23-хъ лѣтняго юношу, чему никто не вѣрилъ; густая черная борода и темно-голубые очки, можетъ-быть, и придавали ему нѣсколько лишнихъ лѣтъ, но все-таки онъ былъ далеко уже не юноша; классическій флегматикъ, какъ всѣ Турки, онъ почти никогда не измѣнялъ своего положенія и даже рѣдко поворачивалъ голову; правую руку подымалъ онъ машинально, чтобы поднести ко рту и отнять отъ него мундштукъ наргиле или трубки, а лѣвою рукой медленно поворачивалъ промежъ пальцевъ золотую табакерку. Странныя противорѣчія составляли отличительную черту его характера. Безпрестанное столкновение со-

вершенно-разнородныхъ идей и обычаевъ давали его разговору и манерамъ нерѣдко весьма-оригинальное значеніе. Почти въ каждомъ его словѣ, почти въ каждомъ движеніи его тѣла проявлялась борьба привычекъ и мыслей образованнаго Европейца съ нравами и понятіями необтесаннаго Азіятца. Даже самая его одежда носила на себѣ два отдѣльные оттѣнка: изъ-подъ турецкаго казакина, растегнутаго спереди, выглядывала парижская рубашка изъ тонкаго бѣлаго полотна съ щегольскими пуговками; вмѣсто восточныхъ шальваръ, онъ носилъ на европейскій манеръ узенькіе суконные панталоны, изъ-подъ которыхъ, вмѣсто сапоговъ, вылѣзали турецкія бабуши, или туфли; наконецъ самое лицо паши — типъ азіятской фizioноміи, принимало странный характеръ отъ красной фески и синихъ очковъ въ золотой оправѣ. Разговоръ и всѣ привычки его представляли не менѣе разительную противоположность. Онъ говорилъ только потурецки и пофранцузски, отъ предметовъ самыхъ занимательныхъ вдругъ переходилъ къ самымъ пустымъ и вздорнымъ сказкамъ; судя нерѣдко

основательно и умно, внезапно начиналъ, какъ говорится, пороть дичь. Въ манерахъ своихъ столь же неуловимо-скоро переходилъ онъ отъ привычекъ образованнаго міра къ варварскимъ обычаямъ; такъ напримѣръ, рассыпаясь въ вѣжливостяхъ, онъ самымъ гостепріимнымъ образомъ приглашалъ насъ къ столу, подавалъ намъ трубки, подносилъ чашечки съ кофе, а между-тѣмъ за обѣдомъ самъ ѣлъ руками и, разрывая пальцами кусочки мяса, руками же передавалъ ихъ намъ, нисколько не подозрѣвая, что эта операція для насъ вовсе не-пріятна.

Однажды, помнится мнѣ, потерявъ терпѣніе въ подобномъ случаѣ, я обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, какимъ образомъ, получивъ воспитаніе въ Парижѣ, въ этомъ центрѣ образованности и роскоши, и перенявъ такъ много отъ Европейцевъ, вы до-сихъ-поръ не дошли до положительнаго заключенія, что несравненно опрятнѣе ѣсть ножомъ и вилкою, нежели пальцами?

— Всѣ тѣ обычаи, отвѣчалъ паша съ большимъ хладнокровіемъ — всѣ тѣ обычаи и привычки вашего такъ-называемаго образованнаго міра, которые въ моихъ глазахъ невинны, я готовъ примѣнить къ своему быту, но ни подъ какимъ видомъ не дозволю себѣ перенимать того, что для насъ неприлично.

— Почемужь вы полагаете, возразилъ я, что вамъ неприлично ѣсть опрятно?

— Я этого не говорю, отвѣчалъ паша: — но вѣдь еще не доказано, что опрятнѣе: класть ли въ ротъ кусокъ хлѣба чистыми пальцами, которые мы по закону нѣсколько разъ мѣемъ въ день и еще передъ самымъ обѣдомъ, или употреблять при этомъ въ дѣло ножи и вилки, которыхъ чистота и опрятность подлежатъ очень сильному сомнѣнію?

— Отъ васъ самихъ зависитъ, чтобъ ножи и вилки были всегда чисты, замѣтилъ я: — но вопросъ не въ томъ: наблюдая за чистотою рукъ, вы можете то же наблюдать и въ отношеніи къ вашей посудѣ, въ то время, какъ я замѣчаю, что у васъ именно эта часть, какъ на примѣръ, ложки, стаканы и т. п., весьма не-

опрятно содержатся. Скажите—ка мнѣ лучше, какъ вы кушали въ Парижѣ?

— Ну, разумѣется, тамъ ѣлъ я не пальцами!

— Почему же въ Парижѣ вы отдавали преимущество чистотѣ вашихъ ножей и вилокъ передъ руками, тогда какъ здѣсь дѣлаете совершенно обратное заключеніе?

— Да вотъ почему, отвѣчалъ паша: — въ Парижѣ я дѣлалъ то, что дѣлаютъ другіе, не будучи ничѣмъ къ тому обязанъ, а здѣсь я долженъ жить какъ живутъ всѣ: я обязанъ примѣняться къ обычаямъ своего народа. Если бы, возвратясь изъ Парижа, я началъ въ своемъ домѣ, въ Константинополѣ, ѣсть такъ, какъ ѣдите вы, у меня навѣрное это переняли бы и мои родные и близкіе пріятели, а въ скоромъ времени и мои подчиненные; наконецъ, переходя мало—по—малу отъ одного къ другому, новый обычай вытѣснилъ бы старый; между—тѣмъ, какъ я твердо убѣжденъ, что всѣ народныя обычаи должны быть соблюдаемы какъ святыня: только преданіями старины и предразсудками, исторически, вѣками до насъ дошедшими, только народными привычками и

сохраняется національность въ государствѣ — а намъ нужна національность: она берегаетъ вѣру, она поддерживаетъ жизнь нашей родины. Наша вѣра безъ народности пропадетъ.

Тѣмъ лучше, подумалъ я про себя: давай Богъ, чтобъ она поскорѣе измѣнилась и обратилась къ спасительной вѣрѣ въ Христа. Но я промолчалъ — и разговоръ объ обычаяхъ былъ прерванъ.

Въ день перваго знакомства съ Решидъ-Пашею, въ его каютѣ, онъ принялъ насъ весьма-ласково, угощалъ трубками, кофе, вареньемъ и проч. Между-тѣмъ, волны сильно раскачивали фрегатъ, и противный съ моря вѣтеръ не предсказывалъ скорой возможности сняться съ якоря. Паша предложилъ намъ провести ночь въ городѣ и обѣщалъ, за часъ до выхода въ море, уведомить насъ о времени отплытія. Положившись на его слово, мы оставили на фрегатѣ всѣ свои вещи, бѣлье, платье и даже паспорта и деньги, и такимъ-образомъ совершенно налегкѣ переѣхали опять на берегъ, чтобъ ночевать въ той же самой гостинницѣ. Нашъ номеръ отданъ былъ другимъ постояль-

цамъ (въ Александріи ежедневно бываетъ приливъ новыхъ лицъ), а отведенная намъ теперь комнатка чрезвычайно походила на чуланъ и была такъ мала, что мы вдвоемъ — я и Ч... — съ трудомъ могли въ ней помѣститься; сверхъ того, въ окно, оставленное открытымъ въ продолженіе цѣлаго дня, влетѣло безчисленное множество комаровъ и всякаго рода мелкихъ мошекъ, извѣстныхъ вообще на востокѣ подъ общимъ названіемъ «мускистовъ». Эти несносныя насѣкомыя не дали намъ покоя ни на минуту.

На утро, только-что мы проснулись, первымъ моимъ дѣломъ было кинуться къ окну и взглянуть на консульскій флагъ, чтобъ узнать, не перемѣнилось ли направленіе вѣтра. Я изумился, увидѣвъ, что вѣтеръ дулъ самый попутный для выхода фрегата «Бехейра» изъ порта. Между-тѣмъ, никто за нами не присылалъ. Опасаясь, не забылъ ли объ насъ паша и не отплылъ ли онъ отъ береговъ Александріи вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ багажемъ и паспортами, мы въ одну минуту одѣлись, рассчитались съ хозяиномъ гостиницы и, какъ угорѣлые,

бросились къ консулу справитъся, не присылалъ ли къ нему Решидъ-Паша за нами, или по-крайней-мѣрѣ не возвратилъ ли чрезъ него нашихъ вещей. Такъ-какъ было еще очень рано, и консулъ, разумѣется, преспокойно спалъ, то какой-то коммиссіонеръ его, не знаю почему величавшій себя капитаномъ надъ портомъ, добрый, но довольно-простой чело-вѣкъ, выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу и не смотря на то, что вѣтеръ явно перемѣнилъ направление, настойчиво съ нами спорилъ, утверждая, что со вчерашняго дня не послѣдовало ни малѣйшей перемѣны въ вѣтрѣ и что фрегатъ не можетъ выйти изъ порта. Не мѣшаетъ замѣтить, что наканунѣ этотъ господинъ обѣщалъ намъ поставить часоваго у фла-га и приказать ему, при малѣйшемъ измѣненіи вѣтра, немедленно всѣхъ насъ разбудить. Такъ-какъ часовой вѣроятно проспалъ, то велико-лѣпный капитанъ надъ портомъ никоимъ образомъ не хотѣлъ допустить, чтобъ вѣтеръ измѣнилъ направление. Время для насъ было слишкомъ-дорого, и мы не хотѣли терять его въ пустыхъ спорахъ, а поторопились скорѣй

нанять ословъ и поспѣшили къ гавани. На вопросъ нашего переводчика: скоро ли отходить фрегатъ «Бехейра»? толпа народа съ громкимъ смѣхомъ отвѣчала: «Бехейра съ первыми лучами солнца вышелъ изъ порта, и теперь, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, уже летитъ къ берегамъ Сиріи.»

Мое отчаяніе было невыразимо. Оставивъ, какъ я уже сказалъ, на суднѣ Решида-Паши весь нашъ багажъ, деньги, паспорта, однимъ словомъ, все наше имущество и всѣ способы существованія, мы съ отплытіемъ «Бехейры» лишились всего. Такое положеніе вездѣ непріятно, а тѣмъ болѣе въ отдаленной, дикой сторонѣ. Покуда въ глубокомъ отчаяніи и молча взвѣшивали мы всѣ невыгоды своего положенія, отдаленная пушечная пальба со стороны моря неожиданно поразила насъ.

— Что это за выстрѣлы? спросилъ я.

— Кажется, это пальба на морѣ, отвѣчалъ народъ, прислушиваясь къ отдаленному гулу.

— Не сигналъ ли это Решида-Паши о томъ, что онъ васъ ждетъ въ морѣ? сказали вдругъ нѣсколько голосовъ.

Эта мысль показалась намъ спасительною и потому несомнѣнною. Въ одно мгновеніе бросились мы въ небольшой яликъ, который, при усиленныхъ стараніяхъ двухъ здоровыхъ дѣтинъ, помчался какъ стрѣла по направленію пушечнаго гула. Море сильно колыхалось отъ свѣжаго морскаго вѣтра; волны хлестали со всѣхъ сторонъ, окидывая насъ съ головы до ногъ брызгами, а утлая, крохотная лодочка, какъ змѣйка устремляющаяся на добычу, быстро извивалась посреди валовъ, съ шумомъ прорѣзывая острымъ носомъ своимъ бѣло-пѣністыя волны и откидывая ихъ отъ себя вправо и влево игривымъ фонтаномъ.

Скоро берегъ исчезъ изъ глазъ нашихъ въ синевѣ тумана; выстрѣлы стали внятнѣе, и надежда догнать фрегатъ все болѣе и болѣе возрастала. Вскорѣ она осуществилась: фрегатъ показался на горизонтѣ, и густыя облака дыма выбивались изъ отверстій его бортовъ. Наши гребцы еще дружнѣе навалились на весла, и наконецъ мы ясно увидѣли, что этотъ фрегатъ былъ дѣйствительно «Бехейра», который, вызывая насъ громкими пороховыми восклица-

★

ніями, лежалъ въ дрейфѣ и ожидалъ нашего прибытія.

Неблагovidный фрегатъ показался мнѣ отличнымъ кораблемъ: такъ я былъ обрадованъ, увидѣвъ его! Величина его, въ сравненіи съ нашимъ яликомъ, показалась мнѣ гигантскою. Когда колыхающаяся лодка подплыла къ кораблю, подкидываемая волнами, оба судна плясали другъ передъ другомъ, подскакивая такъ высоко и такъ быстро, что намъ не было никакой возможности подойти ближе къ «Бехейрѣ», да и съ корабля нельзя было спустить къ намъ трапа. Рѣшились перекинуть намъ конецъ каната. Такимъ образомъ, цѣпляясь за него руками и ногами, мы перекидывались и вертѣлись въ воздухѣ по непослушной веревкѣ, и ужь матросы кое-какъ вытянули насъ на палубу. Лишь только совершилось это перемѣщеніе, пронзительный звукъ свистка привелъ всю команду въ движеніе: мачты и стеньги заскрипѣли, паруса наполнились вѣтромъ, и когда я оглянулся, чтобъ бросить прощальный взглядъ ялику, проворно домчавшему насъ къ драгоцѣнному и спасительному

для насъ фрегату — яликъ уже скрылся изъ виду.

Паша встрѣтилъ насъ съ извиненіями, что не сдержалъ своего слова.

— Это произошло совершенно противъ моего ожиданія, говорилъ онъ. — Когда вы вчера воротились на берегъ, я легъ спать, а командиръ фрегата рано поутру воспользовался первымъ вѣяніемъ попутнаго вѣтра, чтобъ выдти изъ порта и плыть по назначенію. Проснувшись, я спросилъ, здѣсь ли вы. Вообразите же мое удивленіе и негодованіе, когда мнѣ отвѣчали, что вы остались въ Александріи и уже не можете догнать насъ. Между тѣмъ, узнавъ, что всѣ ваши вещи остались на фрегатѣ, я приказалъ капитану Халилю лечь въ дрейфъ и частою пальбой изъ всѣхъ орудій подать вамъ сигналъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что неожиданный отъѣздъ паши былъ не что иное, какъ нарочно-придуманная и глупая фарса капитана Халиля, обиженнаго крутымъ съ нимъ обращеніемъ паши. Ему хотѣлось отмстить намъ за

то, что паша съ нами былъ ласковѣе и внимательнѣе!

Вслѣдствіе той же самой причины, не смотря на обѣщанія Решида-Паши высадить насъ въ Яффѣ, капитанъ Халиль, подъ разными предлогами, отклонилъ исполненіе этого обѣщанія.

VI.

Обѣды Решида-Паши. — Трубки. — Чубукчи. — Приготовление кофе. — Постель на парусахъ между орудій. — Морской штиль. — Равнодушіе паши и всего экипажа. — Болтовня. — Неумѣстная затѣя. — Зять Решида-Паши. — Происхожденіе паши. — Оригинальный разговоръ. — Кармельскій монастырь. — Пророкъ Ілія. — Дынный садъ. — Разсказъ аббата Жерамба. — Акра, или Штоломанда. — Джезаръ-Паша. — Осада Акры. — Отступленіе Бонапартѣ.

Итакъ мы плыли къ Бейруту. Ненадолго однакожь вѣтеръ одолжилъ намъ свои крылья; стихая мало-по-малу, онъ къ вечеру совсѣмъ упалъ, и паруса повисли въ совершенномъ бездѣйствіи. Мы пробыли восемь сутокъ на фрегатѣ въ обществѣ Решида-Паши и въ тяжкихъ оковахъ его угощеній. Онъ подчивалъ насъ два раза въ день: обѣдомъ и ужиномъ, состоявшими изъ какой-то неудобо-проглатываемой похлебки, за которой слѣдовали растерзанные куски несвѣжей разварной говядины сѣро-лиловаго цвѣта; потомъ *долма* — турецкое блюдо, состоящее изъ сарачинскаго пше-

на, завернутаго комками въ виноградныхъ листьяхъ; вареный рисъ, въ огромномъ глубокомъ сосудѣ, заключалъ собою этотъ рядъ анти-гастрономическихъ угощеній. Всѣ кушанья приготовлялись на испорченномъ бараньемъ салѣ, и легко себѣ вообразить запахъ и вкусъ такихъ обѣдовъ и ужиновъ! Кислое вино чернильнаго свойства служило намъ питьемъ; паша пилъ только воду; мы же принуждены были пить эти чернила изъ предосторожности, по совѣту медиковъ: въ этомъ знойномъ климатѣ должно согрѣвать желудокъ виномъ, ибо туземная вода для Европейцевъ вообще весьма вредна. Появленіе варенаго риса было для насъ торжественнымъ событіемъ, ибо это блюдо служить на востокѣ исключительно у всѣхъ жителей, знатныхъ и простыхъ, послѣднимъ кушаньемъ; слѣдовательно, мы видѣли въ немъ утѣшительный сигналъ окончанія обѣда. Хотя мы взяли съ собою изъ Александріи нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, но паша объявилъ намъ, что сочтетъ для себя явною обидою, если мы не будемъ раздѣлять его пищи; за столомъ онъ сердился не на шут-

ку, когда мы отказывались отъ какого-либо кушанья. Черезъ день, въ видѣ лакомства, на столъ ставили блюдечко, на которомъ, въ испорченномъ горькомъ оливковомъ маслѣ, плавали ломтики огурцовъ. Паша собственноручно, безъ вилки, таскалъ ломтики изъ блюдечка и пальцами же передавалъ ихъ намъ. За то послѣ обѣда угощеніе паши принимало другой видъ: два невольника вносили дымящіяся наргиле и богатые трубки, превосходно-набитыя благовоннымъ табакомъ Стамбула; вслѣдъ за тѣмъ подносили отличный арабскій кофе. Эти два предмета надобно попробовать на востокѣ, чтобъ имѣть о нихъ понятіе; набить трубку табакомъ, кажется, вещь препустая и пренатуральная; у насъ же, гдѣ такъ много курятъ, нельзя добиться порядочно-набитой трубки, т. е. роскошно-набитой, однимъ словомъ, набитой и запаленной по-турецки. На востокѣ трубка — необходимая принадлежность и неизбѣжная роскошь cadaго отъ мала до велика, отъ бѣднаго до богатаго. Турки и Арабы не читаютъ и не пишутъ; ихъ жизнь, ихъ занятія — трубка и кофе, а потому доста-

точный человѣкъ содержитъ одного или нѣсколькихъ слугъ исключительно для ухаживанія за трубками; эти люди (чубукчи) безотлучно слѣдуютъ за своимъ господиномъ, имѣя при себѣ всѣ инструменты для безпрестаннаго очищенія трубокъ и содержанія ихъ въ неизмѣнномъ видѣ и порядкѣ. Бѣдные люди, не имѣющіе рабовъ, сами занимаются чистотою и щегольствомъ своихъ трубокъ, какъ сокровища; послѣ каждаго раза, что трубка была въ употребленіи, ее вычищаютъ, промываютъ чубукъ и набиваютъ съ какою-то неуловимою ухваткою. Табакъ всегда, какъ-бы нарядною бахрамою, переваливается черезъ стѣнку трубки и распаленный одинаково по всей поверхности душистымъ трутомъ, пропускаетъ, сквозь чистый стволъ чубука, бѣлую струю благовоннаго дыма. Кофе готовится также не по-нашему; во первыхъ, когда его жгутъ, обращаютъ тщательное вниманіе на степень потребнаго для того жара, чтобы зерно достигало лишь коричневаго, а не чернаго цвѣта и чтобы со всѣхъ сторонъ поверхность зеренъ была одинаково подожжена. Истолчен-

ный кофе кладутъ въ довольно-значительномъ количествѣ въ кофейникъ, который доливаютъ водою и ставятъ на горячіе уголья; невольники во все это время раздуваютъ уголь мѣхами или ртомъ; когда вода достаточно вскипятится, то выбрасываютъ гущу, а вмѣсто нея кладутъ новую пропорцію кофе; такимъ образомъ кофе варится въ кофе; потомъ наливаютъ его въ маленькія чашечки и разносятъ совершенно горячій, обыкновенно безъ сахара. Сначала онъ кажется весьма крѣпкимъ, горькимъ и непріятнымъ, но постепенно привыкаешь къ нему и находишь въ немъ пріятное возмездіе за дурную пищу. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что употребленіе кофе безъ сливокъ и сахара несравненно здоровѣе для пищеваренія.

Паша занималъ главную капитанскую каюту и хотя предложилъ намъ расположиться тамъ же, но мы предпочли помѣщеніе хотя болѣе простое, но такое, гдѣ бы мы могли быть свободнѣе и располагать своимъ временемъ по собственному нашему усмотрѣнію; мы устроили себѣ двѣ койки изъ запасныхъ канатовъ, которыми переплели пространство между пуш-

ками; на нихъ положили нѣсколько парусовъ и такимъ образомъ сдѣлали себѣ постели, хотя несовсѣмъ—покойныя, но тѣмъ не менѣе для такого случая весьма удовлетворительныя.

Погода стояла безподобная: яркое африканское солнце огнемъ горѣло надъ зеркальною пеленою водъ. Безжизненные паруса висѣли надъ фрегатомъ, который лежалъ недвижимъ на недвижимой водѣ.

Мною овладѣвало отчаяніе, что погода эта можетъ продлиться двѣ—три недѣли безъ измѣненія; Турки не знаютъ цѣны времени; такъ—какъ они никогда ничѣмъ не заняты и проводятъ всю жизнь въ бездѣйствіи, то чувство нетерпѣнія имъ совершенно чуждо. Решидъ—Паша и его свита, капитанъ Халиль и его команда, всѣ принимали эту остановку съ большимъ хладнокровіемъ. Паша курилъ одинъ наргилѣ за другимъ; Халиль усаживался на порогъ и мылъ себѣ ноги—а фрегатъ ни съ мѣста. Около 3—го часа пополуночи повѣялъ едва замѣтный вѣтерокъ, который какъ—будто только хотѣлъ подразнить насъ; медленно, чуть слышно потянулъ онъ съ собою фрегатъ, но

вскорѣ уснулъ. Такимъ образомъ мы промучились восемь сутокъ, плывя медленно по нѣскольку часовъ во время ночи; подѣ-утро же вѣтеръ стихалъ, и около полудня наставалъ штиль опять на 18 безконечныхъ часовъ. Паша былъ большой болтунъ; иногда разговоръ его былъ занимателенъ, но нерѣдко болтовня его надоѣдала. Довольно-интересны рассказы его о всѣхъ тайныхъ оттѣнкахъ образа правленія въ Турціи и въ странахъ, подчиненныхъ ей въ Азіи и Африкѣ. Решидъ-Паша, какъ я уже упомянулъ, былъ генералъ-губернаторомъ Іерусалима, и потому сообщилъ намъ много полезныхъ и достовѣрныхъ о Палестинѣ свѣдѣній — натурально, не въ религіозномъ смыслѣ. Однажды онъ было-затѣялъ толковать о святыняхъ іерусалимскихъ и разбирать ихъ значеніе по своимъ мухаммеданскимъ понятіямъ, но я скоро положилъ конецъ этому неумѣстному разговору, котораго паша болѣе уже никогда и не пробовалъ возобновлять. Меня поразили отношенія паши къ его приближеннымъ и адъютантамъ; между ними былъ полковникъ турецкой службы, котораго родная сестра бы-

ла женою Решида—Паши; несмотря на это близкое родство, не только паша никогда не говорилъ съ нимъ внѣ службы, но даже не позволялъ ему съ собою обѣдать и входить въ свою каюту. Однажды я рѣшился спросить у паши, за что онъ держитъ своего зятя въ такомъ черномъ тѣлѣ. Онъ, казалось, удивился моему вопросу и отвѣчалъ, что напротивъ, онъ очень отличаетъ его и любитъ, и что любилъ бы еще болѣе, еслибы не зналъ за нимъ большаго порока — неделикатности.

— Вообразите себѣ, говорилъ паша: — зная, что, по нашимъ обычаямъ, паша не можетъ отказать своимъ приближеннымъ курить и пить кофе на его счетъ, мой зять такъ неделикатенъ, что выпиваетъ 80 чашекъ кофе и выкуриваетъ 120 трубокъ въ сутки!

Это дѣйствительно гигантская пропорція; впрочемъ, надобно замѣтить, что 10 турецкихъ чашекъ равняются одной европейской чашкѣ большаго размѣра и что истинный охотникъ табаку никогда не выкурить всей трубки по-европейски, а лишь вытянетъ двѣ или три первыя струи дыма, имѣющія самый тон-

кій, самый лучший вкусъ и запахъ; туземцы называютъ это *каймакъ* (сливки), что по-французски можно было бы выразить такъ: «*la crème de la fumée*».

— Впрочемъ, говорилъ паша: — зять мой былъ прежде моимъ рабомъ.

— Почему же, спросилъ я, вы вступили въ такое близкое родство съ вашимъ невольникомъ?

Решидъ-Паша, посмотрѣвъ на меня съ удивленіемъ, сказалъ:

— Да вѣдь и я такой же невольникъ. Я родился на Кавказѣ, вывезенъ оттуда въ дѣтствѣ и проданъ въ рабство одному изъ знатнѣйшихъ вельможъ нашихъ, Юсуфу-Пашѣ.

Однажды, послѣ обѣда, товарищъ мой, въ разностороннемъ разговорѣ, спросилъ у Решида-Паши: гдѣ живетъ его супруга. Паша сначала вспыхнулъ, потомъ поблѣднѣлъ и наконецъ сквозь зубы злобно отвѣчалъ:

— Какое вамъ до этого дѣло? вы не должны этого знать.

— Мнѣ совершенно все равно, возразилъ

Ч. . . , и если вы не хотите мнѣ на это отвѣчать, то и не нужно.

Этотъ хладнокровный отвѣтъ успокоилъ пашу и, смягчившись, онъ произнесъ:

— Я вамъ хочу дать полезный совѣтъ на будущее время: знайте, милостивый государь, что нашего брата ничѣмъ нельзя болѣе обидѣть и разсердить, какъ вопросами о нашихъ женахъ. Мы, сударь, женимся для себя, а не для другихъ, и потому никому въ мірѣ нѣтъ дѣла до моей жены. Я на васъ не сержусь; я знаю, что вы не считали своего вопроса для меня обиднымъ; я помню, какъ въ Парижѣ Французы другъ у друга освѣдомляются о здоровьѣ женъ и съ улыбкой отвѣчаютъ и благодарятъ; а по-нашему отвѣтъ на такой неприличный вопросъ — лезвее кинжала.

$\frac{9}{21}$ числа, въ полдень, мы были на высотѣ Кармельскаго Монастыря (Mont Carmel). Расположенный на высокой горѣ, Монастырь св. Іліи выстроенъ въ память пророка, обитавшаго на ней долгое время; по сіе время еще осталась невредима та пещера, гдѣ пророкъ Ілія скрывался отъ преслѣдованій. Преданія

говорятъ, что по молитвѣ Богъ низпослалъ ей благотворительный дождь, воскресившій природу во всѣхъ окрестностяхъ, погибавшихъ отъ трехлѣтней засухи.

Неподалеку отъ пещеры св. Іліи — часовня Пресвятой Богородицы, которую считаютъ самою первою церковью, посвященною Богоматери.

Въ окрестности этой часовни находится такъ-называемый Дынный Садъ. Это обширное поле, усыянное множествомъ камней, имѣющихъ необыкновенное сходство съ дыннымъ плодомъ до такой степени, что многіе принимаютъ эти камни за окаменѣлыя дыни.

Аббатъ Жерамбъ въ своихъ путевыхъ запискахъ рассказываетъ слѣдующую мѣстную повѣсть объ этихъ странныхъ камняхъ, будтобы пророкъ Ілія, проходя однажды по этому полю, засѣянному дынями, почувствовалъ сильную жажду. Обратясь къ садовнику, который за ними ухаживалъ, пророкъ просилъ дать ему одну дыню для утоленія жажды. Садовникъ, не смотря на изобиліе плодовъ, по скупости не хотѣлъ удовлетворить ближняго, давъ пророку

въ отвѣтъ, что онъ принимаетъ за дыни камни страннаго вида. Пророкъ проклялъ засѣянное поле, и дыни дѣйствительно превратились въ камни.

Въ половинѣ XIII вѣка, французскій король Лудовикъ IX, прозванный Святымъ (Saint Louis) пріѣзжалъ сюда на поклоненіе.

По словамъ Решида-Паши, необыкновенное множество хищныхъ звѣрей наполняютъ окрестности этого мѣста.

Мы также проходили мимо Акры. Это укрѣпленный городъ, въ старину извѣстный подъ названіемъ Птоломаиды (Ptolemais); къ берегамъ его стремились крестоносцы среднихъ вѣковъ, плывшіе изъ Европы на освобожденіе гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Будучи главнымъ городомъ отдѣльнаго пашалыка и вмѣщая въ себѣ до 20 тысячъ жителей, Акра составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ приморскихъ торговыхъ городовъ Сиріи. Гавань его, засоренная наноснымъ пескомъ, тѣмъ не менѣе считается лучшею на всемъ протяженіи сирійскихъ береговъ; поэтому крестоносцы большею частію и предпочитали

именно здѣсь выходить на берегъ изъ своихъ судовъ.

Французское наименованіе Saint-Jean d'Acre присвоено этому городу со времени пребыванія тамъ рыцарей знаменитаго ордена Іоанна Іерусалимскаго.

Въ 1799 году, Акра, защищаемая соединенными усиліями столь же храбраго, сколько жестокаго, даже варварскаго Джебара-Паши и великобританскаго коммодора *Сидней — Смита* (Sidney Smith), выдержала шестидесяти-дневную осаду французско-египетской арміи подъ предводительствомъ Бонапарте, который наконецъ, понеся значительную потерю въ войскѣ, принужденъ былъ оставить Акру и возвратиться въ Египетъ.

VII.

Бейрутъ. — Приготовленія экипажа Бехейры. — Пушечный салютъ. — Карантинъ. — Старанія Решида-Паши. — Народонаселеніе. — Ливанская Гора. — Анти-Ливанъ. — Разнополосная почва земли. — Кедръ ливанскій. — Генеральный консулъ. — Г. Мострасть. — Докторъ Песталоцци. — Обѣды въ карантинъ. — Видъ на взморье. — Турецкій пароходъ. — Новыя усилія. — Арабская лодка. — Впечатлѣнія бейрутскаго карантина. — Безвѣтріе. — Неудобства путешествія на лодкѣ. — Предвѣстники бури. — Штормъ. — Отчаяніе моряковъ. — Убѣжденія. — Быстрое плаваніе вдоль береговъ. — Спасительное провидѣніе. — Тиръ. — Консулъ. — Восточный кейфъ. — Завтракъ на восточный ладъ. — Слѣды древняго города. — Дочь консула. — Оригинальное предложеніе. — Богатство деревьевъ. — Убийственные разговоры. — Адъютантъ Мехмеда-Али. — Боязливость моряковъ. — Отплытіе. — Темная ночь и сильная качка на морѣ.

23-го апрѣля, въ полдень, мы бросили якорь передъ Бейрутомъ. Гавань его довольно-живописна: свѣжая, прекрасная зелень разнообразныхъ растеній ярко отдѣляется отъ широкой, песчаной плоскости. Городъ укрѣпленъ весьма слабо. Уже подходя къ Бейруту, экипажъ «Бехейры» замѣнилъ свои холщевыя куртки мундирами изъ синяго сукна; толстый капитанъ Халиль также принарядился, и самъ

паша надѣлъ суконную синюю венгерку, обшитую черными снурками, затянулъ руки въ парижскія лайковыя перчатки и въ первый разъ съ отъѣзда изъ Александріи вышелъ на палубу. «Бехейра» отсалютовала порту изъ всѣхъ своихъ орудій, и Бейрутъ отвѣчалъ на этотъ салютъ громомъ своихъ пушекъ. Вслѣдъ за тѣмъ были исполнены правила установленнаго карантиннаго порядка. Досмотрщики госпиталя приплыли къ нашему судну, потребовали паспортовъ, освидѣтельствовали ихъ, потомъ на лодкахъ переправили насъ на берегъ къ сѣверной оконечности города, гдѣ находилось карантинное помѣщеніе, состоявшее изъ одной двухэтажной мазанки на берегу моря. Паша расположился возлѣ этого дома подъ огромнымъ шатромъ, присланнымъ ему, какъ начальнику штаба, изъ лагеря ближайшаго расположенія войскъ сирійской арміи. Обѣщавъ намъ употребить всѣ усилія, чтобъ исходатайствовать отъ карантинныхъ властей позволеніе выдержать морской карантинъ на пути слѣдованія въ Яффу, на томъ основаніи, что въ Египтѣ не было чумы и что мы уже

восемь сутокъ, какъ оставили Александрію — Решидъ-Паша тщетно обращался съ просьбами не только къ докторамъ карантина, но даже къ зятю султана, Халилю-Пашѣ, бывшему въ то время проездомъ въ Бейрутѣ. Халиль, нѣкогда пріѣзжавшій въ С. Петербургъ посланникомъ султана, а впоследствии женившійся на его родной сестрѣ и черезъ то сдѣлавшійся приближеннымъ сановникомъ властелина Оттоманской Порты, имѣетъ нынѣ титулъ капитана-паши или генералъ-адмирала всего турецкаго флота. Онъ также старался сократить нашъ бесполезный карантинный арестъ, но, не успѣвъ въ этомъ намѣреніи, увѣдомилъ меня весьма вѣжливымъ письмомъ на французскомъ языкѣ.

Бейрутъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Сиріи; народонаселеніе его считаютъ до 10 тысячъ душъ. Гора Ливанская (*le mont Liban*), у подошвы которой онъ выстроенъ, отдѣляетъ Сирію отъ Палестины. Собственно, подъ словомъ Ливанъ должно разумѣть часть горы, обращенную на западъ и простирающуюся береговою отраслью

отъ Триполи къ окрестностямъ Дамаска. Восточная же вѣтвь, называемая Анти-Ливаномъ, простирается по направленію къ Аравіи. Глубокая долина, орошаемая множествомъ ручьевъ, раздѣляетъ эти двѣ отрасли.

Къ сѣверу отъ Ливанской Горы простирается Арменія, къ западу — Сирійское Море, къ востоку — Месопотамія и часть Пустынной Аравіи, а къ югу — Палестина.

Покатость горы представляетъ четыре совершенно — различныя почвы; первая полоса изобилуетъ зерновыми произведеніями и помѣстамъ роскошными фруктовыми деревьями; вторая, представляя непрерывную связь голыхъ скалъ, совершенно лишена растеній; третья полоса, хотя весьма возвышенная, покрыта превосходною зеленью густыхъ деревъ: изобиліе садовъ, роскошные плоды, прохладительные потоки и безподобный, здоровый, умѣренный воздухъ, пріобрѣли ей во многихъ описаніяхъ названіе земнаго рая; четвертая, возвышеннѣйшая полоса земли, теряясь въ облакахъ, совершенно необитаема; покрытая вѣчными снѣгами вершины ея въ нѣкоторыя

времена года дѣлаются недоступными. На одной изъ нихъ находятся упоминаемые въ священномъ писаніи кедръ ливанскіе. Народонаселеніе въ этихъ городахъ довольно значительное; оно составлено частью изъ мухаммеданъ, частью же изъ христіанъ (маронитовъ), имѣющихъ нѣсколько монастырей.

Генеральный консулъ нашъ въ Сиріи и Палестинѣ, К. И. Базили, котораго я надѣялся застать въ Бейрутѣ, гдѣ онъ имѣетъ постоянное свое пребываніе, за два дня предъ тѣмъ уѣхалъ въ Іерусалимъ, чтобы пробить тамъ Страстную и Свѣтлую недѣли. Я очень сожалѣлъ объ отсутствіи г. Базили, ибо совѣты его во многомъ были мнѣ нужны. Гостепріимная супруга его безпрестанно оказывала намъ благосклонное свое вниманіе, снабжала насъ, съ свойственною ей любезностью, нѣкоторыми прихотливыми удобствами жизни, которыхъ мы были лишены въ голыхъ карантинныхъ стѣнахъ. Въ отсутствіе г. Базили, его мѣсто заступалъ г. Мострасъ, сынъ несчастнаго вице-консула, погибшаго въ Яффѣ отъ чумы со

всѣми остальными членами многочисленнаго своего семейства.

Главный докторъ бейрутскаго карантина, г. Песталоцци, навѣщалъ насъ ежедневно и тщетно сожалѣлъ о нашей участи, не имѣя возможности помочь нашему горю.

Обѣдъ намъ приносили за нѣсколько верстъ изъ городской гостинницы, совершенно холодный и предурной, и брали за него по шести франковъ съ cadaго. Настала наша очередь угощать пашу, который всегда приходилъ съ нами обѣдать.

Видъ изъ нашихъ оконъ выходилъ ко взморью. Погода была неизмѣнно-прелестная; солнце горѣло и позлащало море. Вдали виднѣлись нѣжные оттѣнки горъ; но какъ ни былъ очарователенъ этотъ видъ, онъ не могъ вознаградить насъ за скуку и досаду... Вдругъ извѣстили насъ о прибытіи турецкаго парохода, который на другой день отходилъ въ Яффу. Мы употребили новыя усилія, чтобъ воспользоваться этимъ послѣднимъ возможнымъ случаемъ для достиженія Іерусалима передъ за-

утреннею Свѣтлаго Воскресенія. Но опять попытка была безуспѣшна.

Наконецъ $\frac{1}{2}\frac{4}{6}$, получили мы позволеніе, нанявъ отдѣльную арабскую лодку, отправиться въ Яффу, съ условіемъ — додержать въ морѣ остальные три дня карантина, начатаго со дня выѣзда нашего изъ Александріи. Переплывать море на маленькой лодкѣ хоть и несовсѣмъ пріятно, но намъ нѣ изъ чего было выбирать, а потому, отыскавъ какой-то двухмачтовый ботикъ, въ видѣ баркаса, при трехъ морякахъ, мы съ восторгомъ оставили карантинъ, горя нетерпѣніемъ отплыть отъ береговъ Бейрута, со внутренностію котораго мы даже не успѣли ознакомиться. Впрочемъ, онъ и не представляетъ ничего особенно-замѣчательнаго. Наружность же его со стороны моря, несмотря на карантинную неволю и сопряженные съ нею лишенія, оставила во мнѣ пріятное впечатлѣніе. Растительность господствуетъ тамъ во всей своей красотѣ и силѣ; аромат цвѣтовъ — благовонный и пронзительный. Вѣтеръ, казалось, дулъ попутный, и мы надѣялись на другой день прибыть въ Яффу; не-

опытная команда нашего судна еще долго провозилась надъ укрѣпленіемъ мачтъ и поднятіемъ парусовъ, такъ—что лучшее время было упущено. Скоро послѣ отплытія, вѣтеръ сталъ спадать, и около полуночи насталъ совершенный штиль, возобновившій въ насъ тѣ мученія, которыя испытали мы на фрегатѣ «Бехейра», съ тою разницею, что тамъ мы были на большомъ кораблѣ, въ тѣни каютъ, имѣя мѣсто гдѣ бы прилечь; лодка же не представляла даже и этихъ удобствъ. Посреди палубы укрѣпленъ былъ яликъ, загрозоздившій ее такъ, что на всемъ баркасѣ не было возможности помѣститься иначе, какъ другъ подлѣ друга, лёжмя вдоль ялика. Днемъ огненное солнце пылало надъ нами; ночь была прохладная и сырая; вся наша пища состояла изъ трехъ жареныхъ холодныхъ рыбокъ, взятыхъ нами изъ Бейрута. Подъ—утро подулъ вѣтеръ; послѣ полудня мы были на высотѣ Сайды; около шестаго часа грозная туча начала облегать небосклонъ со стороны запада; желтые, прозрачные оттѣнки ея предвѣщали сильную грозу. Съ невыразимою быстротою громонос-

ная масса растянулась надъ нашими головами; солнце скрылось за облаками, и послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной, невыносимой духоты, хлынулъ крупный дождь; разорительный вихрь завизжалъ въ парусахъ; бурный шквалъ, какъ дикое чудовище, пробѣжалъ по поверхности моря, и въ одно мгновеніе грозная буря, полный штормъ со всѣми ужасами и прелестями этой величественной картины, разразились вокругъ насъ. Мы летѣли съ быстротою стрѣлы; свирѣпый вѣтеръ накренилъ баркасъ совершенно на сторону и съ пронзительнымъ визгомъ рвалъ паруса. Моряки наши, въ страхѣ, бросивъ руль, потерявъ совершенно присутствіе духа и упуская изъ виду необходимость убавить парусовъ, бросились на колѣни, съ крикомъ: Аллахъ, Аллахъ! призывая на себя помощь Божію. Черезъ переводчика нашего я далъ имъ уразумѣть смыслъ русской поговорки: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай».

— Убавьте парусовъ! кричалъ я: иначе вѣтеръ перевернетъ нашу лодку; возьмитесь за

руль, положите его налѣво на бортъ, нето мы разобьемся о берегъ.

Послѣ нѣсколькихъ секундъ дикаго молчанія, наши арабы, предводимые нами, бросились къ работѣ; мы поспѣшно взяли рифы, но тщетно усиливались отвести руль влѣво: буйныя волны давали упрямый отпоръ; къ-счастью, однакожь, намъ удалось отвести баркасъ нѣсколько-вправо отъ берега и поплыть вдоль него. Всѣ предметы на немъ мгновенно исчезали одинъ за другимъ, едва успѣвая мелькнуть въ глазахъ. Такимъ-образомъ, гонимые волною, мы плыли подъ свирѣпыми угрозами бури, когда спасительная судьба вогнала насъ сама собою, неожиданно, въ гавань древняго города Тира. Войдя въ портъ, мы бросили якорь. Во время сильнаго шторма, при угрожавшей опасности, мы бодрствовали и сами работали съ матросами; но когда, пришедши въ бездѣйствіе и ставъ на якорь, лодка колыхалась на взволнованной поверхности, качка мнѣ показалась нестерпимою; спустивъ яликъ на воду, мы поспѣшили выдти на берегъ, потому — что трехсуточнымъ пребываніемъ въ

морѣ, мы, по заключенному въ Бейрутѣ условію, сдѣлались свободными отъ карантина.

Но и здѣсь ожидали насъ новыя препятствія: какъ-только мы вступили на берегъ, карантинные сторожа выбѣжали къ намъ на встрѣчу съ крикомъ, не дозволяя идти далѣе; Хасанъ силился убѣдить ихъ въ законности нашихъ правъ на свободу, показывая выданное намъ въ Бейрутѣ докторомъ Песталоцци свидѣтельство, въ которомъ было ясно сказано, что спустя три дня послѣ отбытія нашего изъ бейрутскаго карантина, мы должны имѣть право свободного со всѣми мѣстами сообщенія; но упрямые и необразованные сторожа, не понимая смысла этого свидѣтельства, не обращали никакого вниманія на наши увѣренія.

— Мы пошлемъ спросить консула, сказали они наконецъ. Это предложеніе насъ успокоило, и мы съ нетерпѣніемъ ожидали отвѣта. Вскорѣ одинъ изъ сторожей извѣстилъ насъ, что консулъ, желая насъ видѣть, самъ идетъ къ намъ на встрѣчу. Между-тѣмъ узнали мы, что за неимѣніемъ въ Тирѣ русскаго консула,

по незначительности торговли этого города съ Россіею, консулъ англійскій занимается въ одно и то же время дѣлами русскаго купечества, входящаго въ торговыя сношенія съ жителями Тира.

Но каково было мое удивленіе, когда, вмѣсто ожидаемаго оригинальнаго Англичанина, явился сѣдобородый старецъ въ чалмѣ и турецкомъ халатѣ! Онъ также мало, какъ и карантинные служители, понималъ написанное на французскомъ языкѣ свидѣтельство, и потому долго не рѣшался взять на себя отвѣтственность заразить весь Тиръ нашимъ присутствіемъ. Къ-счастію, онъ нѣсколько понималъ по-итальянски, и мнѣ, наконецъ, удалось убѣдить его въ справедливости и искренности нашихъ словъ. Старикъ былъ сговорчивъ и, кромѣ того, услужливъ и гостепріименъ. Онъ пригласилъ насъ въ свой домъ, гдѣ, по обыкновению, угостилъ неизбѣжнымъ кофе, трубками и вареньемъ. Домикъ его, хотя и небольшой, но весьма-милъ по комфортабельному своему устройству внутри и снаружи; двѣ широкія терассы его, живописно обнесенныя виноград-

ными листьями, придаютъ всему строенію какой-то веселый, лѣтній видъ и служатъ пріятнымъ мѣстомъ для наслажденія лѣтнюю, которое восточные народы выражаютъ словомъ *кейфъ*. Это наслажденіе есть какъ-бы физическое и моральное отдохновеніе (безъ сна) всѣхъ чувствъ и членовъ въ сладкой нѣгѣ, нѣчто въ родѣ итальянскаго *dolce fare niente*, но болѣе поэтическое, нежели матеріальное. Внутренняя отдѣлка комнатъ носила на себѣ отпечатокъ общій всѣмъ восточнымъ обиталищамъ при одинакихъ условіяхъ состоянія. Послѣ перваго угощенія завтракомъ, дѣти этого мнимаго консула, завѣдывающаго мнимыми же англійскими и россійскими дѣлами, принесли намъ на большомъ кругломъ жестяномъ подносѣ завтракъ, окруженный свѣжими благоухающими цвѣтами. Цвѣты, скажу мимихомомъ, были, конечно, лучшимъ изъ предметовъ, составлявшихъ завтракъ. Но, какъ говорится, голодъ не свой братъ, а потому, не разбирая слишкомъ-прихотливо, мы съ благодарностью воспользовались поднесеннымъ намъ угощеніемъ. Хозяйка дома пожилая женщина,

которой пріятныя черты еще свидѣтельство-
вали о прежней красотѣ; она была одѣта по
восточному, довольно-роскошно и со вкусомъ.
Выходя изъ дому, она, по общему на востокъ
обычаю, также завѣшивала лицо покрываломъ,
въ домѣ же не скрывалась отъ нескромныхъ
взоровъ. Я узналъ позже, что все семейство
состоитъ изъ христіанъ, маронитовъ — какой-то
отличительной секты, которой характери-
стическіе оттѣнки мнѣ не было возможности вы-
вѣдать подробно, чтобы нескромными вопро-
сами не оскорбить гостепріимныхъ хозяевъ.
Они всѣ носятъ на груди большіе образа Спа-
сителя. Я посѣтилъ ихъ церковь, въ устрой-
ствѣ и украшеніяхъ которой не нашелъ почти
никакого видимаго различія отъ нашихъ пра-
вославныхъ церквей.

Слѣды древняго Тира, или Сура, столицы Фи-
никійскаго Государства, нынѣ едва сохранились
въ немногихъ развалинахъ, весьма худо сбе-
реженныхъ, что впрочемъ неудивительно, ибо
старинный городъ былъ разоренъ еще за 500
лѣтъ до Р. Х. Теперешній Тиръ совершенно
незначителенъ, ничтожнаго объема, нечистъ и

некрасивъ. Гавань его открыта, слѣдовательно, неудобна, хотя, впрочемъ, не такъ опасна, какъ подступъ къ берегу Яффы. Дома снаружи весьма просты и безъ архитектурной правильности и роскошныхъ затѣй; внутри же многіе весьма удобно, или, лучше сказать, уютно отдѣланы и красиво убраны. Весьма мило живетъ старшая дочь нашего хозяина — хорошенькая, веселая женщина, въ цвѣтѣ свѣжей молодости и красоты, наслаждающаяся супружескимъ счастьемъ. Хозяинъ самъ повелъ меня къ ней; мы застали ее дома, когда она предавалась послѣобѣденному кейфу. Предупрежденная о посѣщеніи иностранцевъ, она, изъ свойственнаго не однѣмъ восточнымъ женщинамъ самолюбія и естественнаго желанія нравиться, облеклась въ лучшіе свои наряды, убрала пріемную комнату роскошными коврами и множествомъ цвѣтовъ и дополнила роскошь этого пріема милою наружностью хорошенькой и рѣзвой кокетки. Гостиная эта была безъ столовъ и стульевъ; на полу разосланы пестрые ковры съ мягкими подушками; посреди комнаты стояли вездѣ вазы и корзины съ благо-

вонными и яркими цвѣтами и большія блюда съ спѣлыми, сочными плодами. Между этими богатствами природы возвышались хрустальные кальяны въ блестящихъ серебряныхъ оправкахъ, съ гибкими шелковыми чубуками; золотыя и эмалевыя чашечки окружали золотой кофейникъ, изъ котораго струился легкій паръ любимаго напитка, приготовленнаго для гостей, какъ первое необходимое привѣтствіе. Мужъ молодой хозяйки, будучи народнымъ врачомъ, былъ въ разъѣздахъ по своимъ больнымъ; молодая жена его одна насъ принимала; темно-каштановый шелкъ ея обильныхъ волосъ, заплетенныхъ въ широкія косы, скользнувъ вдоль нѣжнаго румянца лица, упалъ расплетенными кольцами на раскрытыя груди; ярко-пунцовыя шальвары служили ей исподнимъ платьемъ, и парчевый гладкій камзолъ, съ полукороткими рукавами, обхватывалъ верхнюю часть стана; широкій шалевый поясъ, обнимая сзади талью, спускался по бедрамъ на передъ, а пышный, свѣжій розанъ украшалъ узелъ соединенныхъ концовъ пояса. Ожерелья изъ бусъ и золотыхъ монетъ горѣли

*

на бѣлоснѣжныхъ персяхъ красавицы. Два большіе о́браза висѣли у нея на шеѣ. Голова была убрана шитою шапочкой, на подобіе греческой фески. Красавица ожидала насъ лежа на коврѣ и освѣжаясь гибкимъ пальмовымъ опахаломъ. Между ярко-алыхъ губъ ея полу-распустившаяся лилея колыхалась на своемъ свѣтло-зеленомъ, гибкомъ стебелькѣ, которымъ играли два ряда жемчужинъ. Пестрые туфли, шитые золотомъ, съ яркими шелковыми кисточками, лежали возлѣ безъ употребленія. Голыя ножки играли разбросанными на коврѣ цвѣтами, какъ-бы вызывая ихъ на состязаніе въ свѣжести и красотѣ. Когда мы вошли, молодая женщина, нѣсколько приподнявшись, привѣтствовала насъ рукою и наклономъ головы. Разговоръ нашъ не могъ быть очень оживленъ: она говорила лишь поарабски, и переводчикомъ служилъ ея отецъ, который едва насъ понималъ, а еще менѣе давалъ возможность понимать себя. Я запомнилъ только изъ нашей пустой болтовни совѣтъ, данный мнѣ молодой женщиной — избрать себѣ невѣсту въ Тиръ!

— Вѣрниѣ и любезнѣ жены вы нигдѣ не сыщете, говорила она: — вспомните мое слово.

Старикъ съ гордостью и самодовольнымъ видомъ восхищался своею дочерью, но, переходя отъ этого восхищенія къ другимъ мыслямъ, онъ счелъ приличнымъ сократить свиданіе ея съ иностранцами. Выходя изъ дому, мы встрѣтили возвращавшагося домой врача, хозяина дома и мужа этой женщины. Подскакавъ къ намъ на сѣромъ, богато-убранномъ конѣ, онъ ловко соскочилъ съ лошади и пробормоталъ свое арабское привѣтствіе; бѣлая какъ снѣгъ чалма окружала смуглое лицо его; черные усы и брови давали его чертамъ суровое и воинственное выраженіе; онъ просилъ насъ не осудить за беззатѣйный пріемъ и съ глубокимъ уваженіемъ поклонился своему почтенному тестю.

Возвращаясь домой, мы ѣхали по другой дорогѣ, гдѣ поразила меня красота деревьевъ въ нѣкоторыхъ садахъ, особенно же пышныя гранатовыя и финиковыя деревья, кусты перечнаго дерева, алоэ, сахарные тростники и густыя виноградныя вѣтви; послѣднія служатъ

большею частью убранствомъ для дворовъ и террасъ. Мы посѣтили также развалины старинной церкви, остатокъ первыхъ временъ христіанства.

Въ Тирѣ пробыли мы два дня, ожидая благоприятной погоды, для продолженія нашего морскаго путешествія въ Яффу. Передъ закатомъ солнца, я дѣлалъ продолжительныя прогулки въ окрестностяхъ города. Пейзажъ, въ которомъ вездѣ вы находите богатую зелень и сосѣдство моря, очарователенъ. Воздухъ былъ прекрасный, и на наше несчастье, послѣ разразившейся грозы, которая загнала насъ въ Тиръ, наступило опять томительное безвѣтріе, не позволявшее намъ отплыть отъ береговъ.

Мы жили въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ нашими гостепріимными хозяевами, которые, однако, при всей своей добротѣ и услужливости, нерѣдко намъ надоѣдали — хозяйка своимъ безпрестаннымъ угощеніемъ, а хозяинъ жаждою безтолковой болтовни. Не умѣя выражать своихъ мыслей и понимая такъ же мало наши слова, онъ тѣмъ не менѣе си-

лился вступать въ безконечно—глупые разговоры, которые не было возможности прекращать иначе, какъ только сномъ и притворнымъ храпѣніемъ въ отвѣтъ на его безалаберныя слова; тогда, теряя надежду завлечь наше вниманіе, старикъ удалялся. Нельзя себѣ вообразить, до какой степени онъ былъ чуждъ самыхъ необходимыхъ познаній; въ цѣломъ свѣтѣ допускалъ онъ существованіе только лишь Тира, хотя и называлъ себя консульскимъ агентомъ Великобританіи и Россіи, считая этотъ титулъ пустымъ словомъ, безъ всякаго значенія; любимый его разговоръ былъ объ управленіи Сиріею Ибрагима—Паши, о справедливой строгости его дѣйствій, и при этомъ упоминалъ онъ о страхѣ и трепетѣ, которые паши умѣлъ вселять въ умы разбойниковъ, наказываемыхъ имъ за грабежъ и убійство мучительными истязаніями. Губернаторы и паши, начальники городовъ и селеній, говорилъ онъ, своими противозаконными требованіями и обременительными налогами не менѣе грабившіе и притѣснявшіе народъ, какъ и самые разбойники, дрожали предъ Ибрагимомъ, который за

малѣйшее противозаконіе или своевольное отступленіе отъ правилъ, имъ предписанныхъ, подвергалъ блюстителей порядка жестокой смертной казни безъ разбора и пощады.

— Между прочими разговорами, болтливый хозяинъ спросилъ у меня однажды: доволенъ ли я своею службою и умѣетъ ли Мехмедъ—Али цѣнить мои труды и награждать заслуги. Я вытаращилъ глаза, не понявъ его вопроса. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ отъ переводчика, что старикъ принималъ меня за адъютанта египетскаго паши — за Франка, или Европейца, вступившаго въ его службу! Эта оригинальная мысль очень меня позабавила, и я потребовалъ отъ сметливаго россійско—великобританскаго агента, незнавшаго даже, гдѣ и что такое эти два государства, нѣкотораго поясненія, почему онъ записалъ меня въ своемъ умѣ въ службу Мехмеда—Али. Вотъ какъ это разъяснилось: когда мы пріѣхали въ Тиръ, драгоманъ мой, переводя ему смыслъ карантиннаго свидѣтельства, назвалъ меня «выѣхавшимъ изъ Египта адъютантомъ россійскаго властелина»; слово «россійскаго»

скользнуло мимо ушей старика, который никогда не воображалъ, что, кромѣ турецкаго султана и египетскаго паши, есть еще на свѣтѣ другія власти....

На третій день нашего пребыванія въ Тирѣ, подулъ вѣтеръ, хотя несовсѣмъ попутный, но и непротивный. Мы хотѣли немедленно имъ воспользоваться и лавируя плыть въ Яффу; однако неопытный капитанъ нашего несчастнаго судна, напуганный послѣднимъ штормомъ, всѣми силами уговаривалъ насъ пробить еще нѣкоторое время на сухомъ пути, до тѣхъ поръ, пока не подуетъ вѣтеръ совершенно-попутный, обѣщаясь съ помощію его въ 8 или 10 часовъ времени доставить насъ въ Яффу. Не было возможности принять это предложеніе, ибо кто могъ ручаться, чтобъ природа, изъ угожденія къ намъ, измѣнила свои намѣренія, быть-можетъ совершенно-противоположныя? Тогда мы прожили бы понапрасну, можетъ-быть, нѣсколько недѣль въ Тирѣ.

Совѣтами, убѣжденіями и доказательствами не было возможности уговорить упрямаго и трусливаго капитана. Оставалось одно сред-

ство — объявить, что если онъ не захочетъ намъ повиноваться, то мы, нанявъ лошадей, нустимся въ дорогу сухимъ путемъ, а его оставимъ бесплатно въ Тирѣ. Эта угроза имѣла успѣхъ, и въ четыре часа пополудни мы подняли якорь; вѣтеръ наполнилъ паруса нашего баркаса, и мы удалились отъ сурскихъ береговъ. Ночью вѣтеръ совершенно стихъ, и восходящее солнце застало насъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ мы видѣли его скрывающимся за влажный горизонтъ.

Около десяти часовъ, свѣжій вѣтеръ ободрилъ насъ новыми надеждами; измѣнивъ свое направленіе, онъ дулъ намъ въ корму, и мы полнымъ бакштакомъ, разложивъ паруса на оба галса, быстро полетѣли впередъ. Около полудня, мы были уже на высотѣ Акры, а въ два часа плыли мимо Кармельскаго Монастыря (Mont Carmel). Вѣтеръ усиливалъ порывы, и море расходилось грозными волнами. Весь вечеръ и во все продолженіе ночи, мы плыли успешно съ тѣмъ же вѣтромъ; ночь была густая и черная; капитанъ опасался занестись въ тем-

нотѣ далѣе береговъ Яффы, а потому мы рѣ-
шились убавить парусовъ и шли медленнѣе;
качка была нестерпимая, и сырая холодная
ночь придавала мало прелести этому отчаян-
ному плаванію.

VIII.

Пріѣздъ въ Яффу. — Историческія воспоминанія. — Подводные камни. — Два слова о турецкихъ пароходахъ. — Карантинныя затрудненія. — Г. Жаба. — Вице-консулъ Марабутти. — Отъѣздъ. — Дорога изъ Яффы въ Іерусалимъ. — Кактусы. — Стада дикихъ птицъ. — Рамле. — Греческій монастырь. — Толпа поклонниковъ на ночлегъ. — Старикъ игуменъ. — Разговоръ съ русскимъ монахомъ. — Нестерпимая ночь. — Выѣздъ изъ Рамле. — Прелестное утро. — Измѣнившійся характеръ мѣстоположенія. — Встрѣча путешественниковъ.

12 (1 мая), на разсвѣтѣ, за пѣнистыми волнами, въ отдаленной синевѣ морской, показались колыхающіеся мачты судовъ, а за ними темная полоса земли — берегъ Яффы. Утомленные морскою качкою и продолжительною безсонницею, нравственно разстроенные всѣми неудачами, которымъ были обязаны запоздалымъ достиженіемъ цѣли нашего путешествія, мы съ возрастающимъ часъ-отъ-часу нетерпѣніемъ пожирали глазами берега Яффы. Между-тѣмъ противный вѣтеръ, переваливая несчастную арабскую лодку съ боку на бокъ,

съ волны на волну, казалось, удалялъ насъ отъ берега; потерявъ терпѣніе, мы рѣшились сбросить на воду яликъ, служившій намъ, за немѣніемъ на суднѣ каютъ, во время пятидневнаго на немъ пребыванія, гостиною, столовою и спальнею подъ бурнымъ небомъ. Оставивъ багажъ на баркасѣ, мы съ двумя гребцами пустились на перерѣзъ волнамъ по направленію къ берегу, раздѣляя съ нашими несчастными гребцами трудъ борьбы съ упрямою стихіею; волны заливали яликъ и настойчиво тѣснились намъ на встрѣчу. Однакожь терпѣніе и трудъ превозмогли, и мы наконецъ пристали къ берегу. Городъ невеликъ, слѣдовательно, помѣщеніе въ немъ тѣсно и нечисто — недостатокъ, впрочемъ, довольно обыкновенный на востокѣ.

Древній городъ Яффа замѣчателенъ тѣмъ, что, по преданіямъ, на этомъ мѣстѣ выстроенъ былъ Ноевъ ковчегъ; городъ же былъ основанъ третьимъ сыномъ Ноя, Іафетомъ. Въ новѣйшее время, при нашествіи французской арміи въ 1799 году, старый греческій монастырь въ Яффѣ былъ, по повелѣнію генерала Бона-

парте, обращенъ въ чумный госпиталь, въ которомъ погибло до 6,000 жертвъ, отравленныхъ ядомъ. Получивъ отъ Директоріи повелѣніе оставить Палестину и не имѣя возможности принять никакихъ мѣръ для спасенія больныхъ, Бонапарте собралъ военный совѣтъ, предложивъ на обсужденіе его отважную мысль объ отравленіи, чтобы сократить отчаянныя страданія одержимыхъ чумою солдатъ, которые, по единогласному приговору врачей, были признаны неизлѣчимыми, и тѣмъ самымъ спасти ихъ отъ варварскихъ истязаній и жестокостей мухаммеданъ. Мысль была единогласно одобрена: шестьтысячъ несчастныхъ сдѣлались жертвою яда и потомъ, брошенные въ одну груду, достались въ добычу пламени. Нынѣче этотъ госпиталь, бывшій свидѣтелемъ страшнаго событія, опять вмѣщаетъ въ стѣнахъ своихъ смиренныхъ богомольцевъ — братьевъ православной вѣры.

По географическому своему положенію, Яффа замѣчательна затруднительнымъ и опаснымъ приступомъ для мореходцевъ, которые вообще подходятъ къ этому городу весьма не-

охотно, а въ бурную погоду никогда не подходятъ къ нему. Открытая со всѣхъ сторонъ гавань подвержена сильнымъ порывамъ морскихъ вѣтровъ, такъ-что суда могутъ легко разбиться о скалистые прибрежные утесы и подводные камни. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что поклонники европейскіе, отправляющіеся въ Іерусалимъ, выигрывали бы много времени, избѣгали бы многихъ затрудненій и издержекъ, если бы суда, отправляющіяся изъ Европы къ берегамъ Палестины, могли всегда приставать къ Яффѣ. Одинъ разъ въ годъ, около апрѣля и мая мѣсяцовъ, при непремѣнномъ условіи благопріятной, тихой погоды, турецкое правительство разрѣшаетъ компаніи нароходства везти пассажировъ прямо въ Яффу и при такомъ же условіи посылаются туда пароходы ко времени возвращенія путешественниковъ-христіанъ изъ Іерусалима и поклонниковъ Мухаммеда, прибывающихъ около того же времени изъ Мекки. Обыкновенно же всѣ пароходы, корабли и баркасы доходятъ лишь до Бейрута, гдѣ выгружаютъ своихъ пассажировъ, предоставляя имъ собственными

средствами продолжать путешествіе сухимъ путемъ.

Турецкіе пароходы вообще находятся въ весьма жалкомъ положеніи, неопрятны, неудобомѣстительны и, при безпокойномъ и медленномъ ходѣ, сравнительно дороги.

Наружный видъ Яффы со стороны моря живописенъ и весьма оригиналенъ. Отъ перваго яруса домовъ, нанизанныхъ по всему протяженію морскаго рубежа, строенія, постепенно возвышаясь, выглядываютъ одно надъ другимъ и какъ-бы вытѣсняють передними рядами послѣдующіе и образуютъ на довольно-крутомъ утесѣ общій скатъ домовъ съ плоскими крышами.

По обычаю, присвоенному на востокѣ консуламъ европейскихъ державъ, надъ домомъ cadaго изъ нихъ развѣвается яркій флагъ, служащій какъ-бы официальною вывѣскою для консульскаго дома.

Итакъ, достигнувъ берега, мы какъ осеннія мухи на слабыхъ крылышкахъ, махая веслами, доплывали до чумнаго карантина — мѣста общей пристани морскихъ путешественниковъ:

здѣсь каждый прїѣзжающій изъ одержимыхъ чумою странъ немедленно засаживается въ карантинъ и на извѣстное время лишается всякаго сообщенія съ жителями города.

Оставивъ Бейрутъ прежде окончанія полнаго карантиннаго срока, мы, какъ я уже замѣтилъ, оканчивали его въ морѣ, и потому не имѣли при себѣ чистаго карантиннаго свидѣтельства (*patente nette*); при насъ было только условное свидѣтельство, и насъ такъ же, какъ и въ Тирѣ, не хотѣли пустить въ городъ. Къ счастью, случился тутъ директоръ карантина, г. Жабà, къ которому мы имѣли рекомендательное письмо отъ г. Мостроса. Онъ оказалъ намъ покровительство и, давъ проводника къ дому вице-консула, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія для выгрузки и доставленія нашего багажа изъ баркаса, который въ свою очередь также достигъ берега. Мы рассчитались съ нашими искусными моряками и поспѣшили въ домъ вице-консула. Человѣкъ г. Марабутти, предупрежденный уже о нашемъ прїѣздѣ, прибѣжалъ къ намъ на встрѣчу и повелъ насъ вверхъ по тѣснымъ, неопрятнымъ закоулкамъ

на самую возвышенную часть города, къ жилищу своего барина. День былъ жаркій, и мы съ трудомъ взбирались по крутымъ подъемамъ улицъ. Небольшой, но оригинальный домъ г. Марабутти мнѣ понравился по беззатѣйной, но тѣмъ не менѣе опрятной своей наружности. Главная комната, какъ во всѣхъ восточныхъ домахъ, обнесена большимъ турецкимъ диваномъ и множествомъ оконъ, назначенныхъ какъ для освѣщенія, такъ въ-особенности для освѣженія комнатъ перекрестнымъ сквознымъ вѣтромъ, что, при нестерпимомъ зноѣ на востокѣ, считается первымъ условіемъ удобной квартиры. Г. Марабутти не было дома: по случаю праздновавшагося въ тотъ день тезоименитства бывшаго короля Французовъ, Людовика Филиппа (1-го мая нов. стиля), онъ изъ вѣжливости пошелъ навѣстить и поздравить французскаго консула, но скоро воротился и мы нашли въ немъ добраго, услужливаго, гостепріимнаго хозяина.

Съ отплытіемъ отъ береговъ Италіи, мы были отрѣзаны отъ всѣхъ сообщеній съ родиною, изъ которой я уже давно не получалъ

никакихъ извѣстій. Надежды мои найти письма въ Яффѣ оказались тщетными. Г. Базили, проведя первые два дня Пасхи въ Іерусалимѣ, наканунѣ моего пріѣзда оставилъ Яффу и поѣхалъ обратно въ Бейрутъ; однакожь, съ свойственнымъ ему радушіемъ и услужливостью, онъ позаботился о доставленіи намъ по возможности всѣхъ средствъ къ скорѣйшему достиженію Іерусалима и для прожитія въ св. городѣ.

Изломанные пяти-дневною качкою въ морѣ, мы хотя и жаждали отдыха, но когда, послѣ столькихъ препятствій, уже почти достигли главной цѣли путешествія, нетерпѣніе увидѣть Іерусалимъ было такъ велико, что мы предпочли, не отдыхая, въ тотъ же день ѣхать далѣе. Отобѣдавъ наскоро, уложили мы опять свои чемоданы, занялись необходимыми для отъѣзда распоряженіями, купили себѣ сѣдла, навьючили лошадей, написали письма для отправления на другой день въ Европу, и сами, не смотря на настоятельныя убѣжденія г. Марбутти переночевать въ Яффѣ, въ четыре часа пополудни собрались въ дорогу. . . Бы-

*

стро проѣхали мы на добрыхъ арабскихъ коняхъ по извилистымъ улицамъ, черезъ многолюдные, шумные базары, къ іерусалимскому выѣзду.

Дневной жаръ только-что начиналъ спадать; дорога шла сперва плодовыми садами, славящимися на всемъ востокѣ роскошью и разнообразіемъ своихъ произведеній. Безчисленное множество масличныхъ, лимонныхъ, гранатовыхъ и апельсинныхъ деревьевъ, унизанныхъ плодами, подъ яркою игрою закатывавшагося солнца, роскошно разнообразило живописную картину. Воздухъ былъ чрезвычайно чистъ и благовоненъ; сады и самая дорога обнесены, вмѣсто забора, непроницаемою оградой густыхъ дикихъ кактусовъ, переплетающихъ между собою сочные и колючіе свои корни и игловатые листья. Этотъ натуральный зеленый заборъ былъ осыпанъ мильонами плодовъ въ полномъ цвѣту. Ихъ называютъ дикими фигами; это то же, что въ Алжирѣ Французы называютъ: *Figues de Barbarie*; въ Италіи же они носятъ названіе: *Figues des Indes*.

Безчисленное множество большихъ, бѣлыхъ,

длинноносыхъ птицъ, похожихъ на журавлей съ безконечными лапами, тянулось по лугамъ въ близкомъ отъ насъ разстояніи, покрывая луга какъ-бы огромною бѣлою пеленою. Туземцы называютъ эту птицу абусааръ. Несмотря на величину свою, она такъ легка, что, сидя на гибкой вѣткѣ дерева, не клонитъ ея къ землѣ. Такая же порода птицъ, но несравненно-меньшаго размѣра, довольно обыкновенна на югѣ Россіи.

Восхищаясь прекраснымъ вечеромъ, изобиліемъ окружавшихъ насъ растеній, мы, несмотря на усталость, наслаждались этимъ путешествіемъ и почти незамѣтнымъ образомъ достигли до Рамле, или Рамы. Это та самая деревня, о которой упоминается въ Евангеліи, именно въ повѣствованіи объ избіеніи младенцевъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, по повелѣнію царя Ирода: «Гласъ въ Рамѣ слышанъ бысть, Рахиль, плачущая чадъ своихъ «и не можаше утѣшиться». Это мѣсто служитъ всѣмъ какъ-бы станціею на пути между Яффою и Іерусалимомъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ Рамы находится такъ-называемая

Башня Сорока Мучениковъ. Съ вершины ея представляется прекрасный видъ на окрестности. День уже подходилъ къ концу и начинало смеркаться, когда небольшой караванъ нашъ, состоявшій изъ пяти человѣкъ, молча, гуськомъ пробирался сквозь мрачныя улицы селенія къ греческому монастырю. Дворъ этой обители и самая сосѣдняя улица были усеяны народомъ. Настала ночь. Христіане, возвращавшіеся послѣ Пасхи изъ Іерусалима, многолудною толпою пришли сюда искать ночлега, располагаясь на другой день продолжать путь въ Яффу.

Трудно описать дикое разнообразіе, шумъ и беспорядокъ этого необыкновеннаго скопища. Выюки задѣвались за выюки, лошади спотыкались и ржали; неуклюжіе верблюды съ воємъ пробирались сквозь толпу и давили лежавшихъ на землѣ усталыхъ путешественниковъ; дѣти кричали, взрослые бранились и съ крикомъ рассуждали между собою. Прибавьте, что все это происходило въ глубокой темнотѣ ночи, при свѣтѣ мерцающихъ кое-гдѣ бумажныхъ турецкихъ фонарей.

Оставивъ Хассана внизу съ лошадьми и выюками, мы пошли къ настоятелю монастыря. Этотъ почтенный, шестидесятилѣтній старецъ безвыѣздно живетъ въ своей кельѣ. Такъ-какъ онъ не знаетъ другаго языка, кромѣ греческаго, то разговоръ его съ нами не могъ быть живъ. Черезъ посредство консула мы сказали ему нѣсколько привѣтливыхъ словъ, на которыя онъ отвѣчалъ съ радушіемъ, не подымая головы и медленно перебирая бусы своихъ четокъ. Изъ немногихъ словъ игумена запомнилъ я только рассказъ его о нашествіи Французовъ и о томъ, какъ онъ чудесно спасся отъ насильственной смерти: его хотѣли сжечь по повелѣнію Наполеона.

Старикъ, по восточному обыкновенію, угостилъ насъ ужиномъ.

Между возвращавшимися изъ Іерусалима поклонниками, которыхъ мы встрѣтили въ Рамѣ, былъ русскій монахъ Московскаго Троицкаго Монастыря. Мнѣ было особенно пріятно найти въ немъ кроткаго, набожнаго и благочестиваго служителя Божія. Онъ истинно понималъ цѣль своего путешествія, ибо исполнилъ

его съ христіанскою любовію къ Богу, слѣдовательно, съ существенною пользою какъ для самого себя, такъ и для всѣхъ тѣхъ, кому будетъ отъ чистаго сердца передавать благочестивыя и глубокія свои впечатлѣнія.

Послѣ ужина, мы пошли отдохнуть въ отведенную для насъ келью, гдѣ неисчислимое множество комаровъ и мошекъ, впившись съ жадностію въ новую для нихъ кровь, не дали намъ ни минуты покоя. Итакъ, измучившись, вмѣсто того, чтобы оправиться, мы въ два часа пополуночи уже опять сидѣли на коняхъ. Кругомъ все еще дремало, природа утопала въ ночномъ мракѣ; едва-едва мы могли разбирать направленіе дороги; но мало-по-малу блѣдный свѣтъ, предвѣстникъ первыхъ солнечныхъ лучей, разливаясь отъ востока къ западу, началъ раскрывать передъ нами окружающую насъ панораму. Вся природа, какъ-бы выходя изъ глубокаго сна, улыбнулась намъ прелестнымъ утромъ. Ярко-голубое небо, прозрачность воздуха, блестящіе, свѣтлые лучи солнца, обливающие всѣ предметы золотымъ отливомъ, ароматъ дышащихъ подъ влажною росою рас-

теній, веселое лепетаніе птичекъ — все это вмѣстѣ составляло какую-то невыразимо-сладкую гармонію для глазъ и для души. Лошади, отдохнувъ въ Рамѣ, бодрымъ шагомъ подавались впередъ... Словомъ, эта поѣздка была такъ хороша, такъ пришлась мнѣ по-сердцу, что, казалось, при такихъ условіяхъ, можно бы всю жизнь провести въ дорогѣ на конѣ безъ отдыха. Мы проходили извѣстную по священному писанію Саронскую Долину. Издали виднѣлись кое-гдѣ дряхлыя избы, по сторонамъ ихъ паслось множество овецъ и рогатаго скота, въ особенности черныхъ козъ. Дѣйствительно, при видѣ этого изобилія, воображеніе невольно переносится ко временамъ Авраама, Лота и Іакова. Въ этой же самой долинѣ Саронской, Самсонъ сжегъ запасы хлѣба Филистимлянъ.... Однако, вдали небо мало-помалу становилось мрачно; густыя тучи предвѣщали сильную грозу. Надъ нами же день былъ знойный, свѣтлый, и небо безоблачное. Въ полдень усиленный жаръ умѣрилъ пыль коней, а природа съ каждымъ шагомъ измѣняла свой характеръ; зеленые, свѣжія равнины

смѣнились крутыми перевалами голыхъ ска-
листыхъ горъ. Роскошныя сады, обильно на-
полняющіе окрестности Яффы, исчезли, и толь-
ко изрѣдка встрѣчались намъ одинокія, мало-
привлекательныя для глазъ масличныя деревья.
Мы встрѣчали множество странниковъ, воз-
вращавшихся изъ Іерусалима; между ними бы-
ло много женщинъ въ живописныхъ восточ-
ныхъ одѣянiяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли
верхомъ, другія въ особо-устроенныхъ по обѣ
стороны сѣдла плетеныхъ корзинкахъ, по двѣ
на каждой лошади. Иногда, для предохраненiя
отъ зноя, корзины эти покрываются широ-
кимъ зонтикомъ, въ видѣ балдахина, изъ бѣ-
лаго холста на деревянныхъ подпоркахъ; но
этимъ средствомъ хотя и ослабляется дѣйствіе
солнечныхъ лучей, однакожь воздухъ спирает-
ся и дѣлается невыразимо-душенъ.

IX.

Наставленіе путешественникамъ. — Сѣдла. — Вода. — Черта народной гордости восточныхъ племенъ. — Мѣсто убійства яффскаго паши. — Разбойникъ Абугожъ. — Условія путешественниковъ съ разбойниками. — Первый взглядъ на Іерусалимъ. — Краткая молитва. — Негодование проходящихъ. — Неудобопроходимая дорога. — Доброта арабскихъ коней. — Іерусалимъ.

Дорога отъ Яффы къ Іерусалиму вообще небезопасна, въ-особенности за Рамою, и потому неизлишне обезпечивать себя хотя малымъ конвоемъ; на пути же стараться идти всѣмъ вмѣстѣ, не растягиваясь отъ каравана на большомъ протяженіи. Впрочемъ, частыя сообщенія по этой дорогѣ дѣлаютъ ее менѣе опасною для путешественниковъ въ сравненіи съ другими мѣстами Палестины, гдѣ конвой совершенно необходимъ. Вообще полезно принять за правило — останавливаться по пути сколько возможно рѣже, тѣмъ болѣе, что частые и продолжительные привалы ставятъ путеше-

ника въ совершенную невозможность вовремя поспѣть въ Іерусалимъ, ибо ворота св. города запираются до заката солнца, и такимъ-образомъ усталые странники подвергаютъ себя непріятности провести весь вечеръ и ночь на большой дорогѣ.

Ровнымъ шагомъ добраго коня потребно не менѣе десяти часовъ хода отъ Рамы до Іерусалима; сверхъ того опытомъ дознано, что при большой усталости, особенно въ знойное время, частыя остановки, какъ отдыхъ обманчивый, только утомляютъ какъ самихъ путешественниковъ, такъ и лошадей. Совѣтъ мой преимущественно относится къ женщинамъ, которымъ подобнаго рода походъ, подъ пылающимъ небомъ, покажется утомительнымъ, и онѣ, чувствуя усталость, захотятъ отдыхать дорогою. Мужчины могутъ безъ особой усталости легко перенести этотъ переѣздъ; при этомъ случаѣ предупреждаю неиспытавшихъ азіятскаго сѣдла, что оно сначала кажется очень-безпокойнымъ, а потому непривычныя къ продолжительной верховой ѣздѣ, должны предпочтительно запастись европейскимъ, ко-

торое иногда можно купить по случаю въ Яф-фѣ, но лучше привозить сѣдло съ собою, тѣмъ болѣе, что всѣ послѣдующіе разѣзды по святой землѣ производятся верхомъ. Для удовле-творенія непомѣрной жажды, по дорогѣ встрѣчаются колодцы и фонтаны съ свѣжею, легкою водою. Употребленіе воды въ жаркихъ клима-тахъ вообще должно быть умѣренно; особенно же вредно пить воду безъ примѣси вина или лимоннаго сока, рома или даже нѣсколькихъ капель водки; при этомъ смѣшеніи желудокъ легче переноситъ вредное вліяніе воды, при-чиняющей изнурительныя лихорадки. Когда много бываетъ поклонниковъ въ святой землѣ, тогда кромѣ многочисленныхъ родниковъ, представляемыхъ природою для освѣженія странниковъ, безпрестанно встрѣчаются ту-земцы, промышляющіе водою; большею частію женщины и дѣти съ кувшинами въ рукахъ, останавливая лошадей за поводья, съ громкими восклицаніями: «Хаджи! хаджи! сютъ!... (по-клонникъ, вотъ вода!), наперерывъ суютъ про-ѣзжающимъ въ руки и на колѣни кружки съ водою. При этомъ случаѣ не должно показы-

ваться излишне-щедрымъ, потому-что щедрость эта сейчасъ же обращается во зло, и не будетъ возможности оторваться отъ нахальныхъ требованій просителей.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что въ крови восточныхъ народовъ есть какая-то гордая самостоятельность, которая лишь отчаянно-бѣдныхъ, угнетенныхъ нищетою понуждаетъ просить милостыню. Справедливость этого замѣчанія поразить cadaго, кто, незадолго передъ путешествіемъ на востокъ, посѣтилъ Италію, гдѣ народъ на каждомъ шагу выпрашиваетъ деньги съ унижительнымъ нахальствомъ. Есть, безъ-сомнѣнія, и на востокѣ просители и много нищихъ, но ихъ меньше, нежели въ Италіи. Турки и Арабы вообще корыстолюбивы и не упускаютъ случая обмануть христіанина, стянувъ съ него сколь-возможно болѣе денегъ; но этимъ они промышляютъ, слѣдовательно очень часто требуютъ лишнее, но рѣдко что-нибудь выпрашиваютъ.

Идя ровнымъ конскимъ шагомъ шесть часовъ безостановочно, мы пріостановились на полчаса подъ тѣнью вѣтвистыхъ масличныхъ

деревьевъ, гдѣ, давъ вздохнуть лошадямъ и перекусивъ наскоро, что было съ собою, снова продолжали путь къ Іерусалиму. Дорога въ-особенности затруднительна при подъемѣ на Іудейскія Горы. Тутъ указали намъ мѣсто, гдѣ за нѣсколько дней предъ тѣмъ былъ убитъ губернаторъ Яффы, ѣхавшій съ братомъ своимъ изъ Іерусалима въ Яффу.

Главный предводитель разбойническихъ шаекъ, Ибрагимъ-Абугожъ, извѣстный во всей Палестинѣ своею хищническою ловкостію и отвагою, жилъ въ лежащей по этому пути Іереміевой деревнѣ и собиралъ со всѣхъ проезжающихъ подать. Паша, любимый народомъ за его добросовѣстность и правосудіе, хотѣлъ силою воспретить разбойнику налагать своевольную подать на путешественниковъ, но, вмѣсто того, самъ сдѣлался жертвою мести Абугожа, котораго имя громко и грозно въ Горахъ Іудейскихъ и прилегающихъ къ нимъ странахъ. Этотъ хитрый и отважный хищникъ, распространивъ повсюду своею необыкновенною смѣлостью, ловкостью соображеній и успѣхами дерзкихъ подвиговъ, страхъ и трепеть,

въ то же время пользуется нѣкоторымъ уваженіемъ и довѣріемъ народа. Для него священна вѣрность даннаго имъ обѣщанія, а потому весьма нерѣдко мирные путешественники входятъ съ нимъ въ дружелюбныя сношенія, дѣлають уговоръ совершить переѣздъ подъ прикрытіемъ его слова, и такимъ-образомъ, уплачивая Абугожу выгодную для него дань, отправляются въ дорогу и невредимо достигаютъ цѣли своего странствія. Разбойникъ, при совершеніи подобнаго контракта, тайно предупреждаетъ всѣхъ остальныхъ частныхъ грабителей и, удѣливъ каждому часть полученной имъ страховой платы, снабжаетъ путешественника вѣрными провожатыми, которые безотлучно сопровождаютъ его до условленнаго мѣста.

Абугожъ, несмотря на свой разбойничій промыселъ, имѣетъ между туземцами странное названіе «добраго малаго», на томъ основаніи, что въ производимыхъ имъ нападеніяхъ, не ищетъ смерти своихъ жертвъ, но предпочтительно лишь грабитъ странниковъ, щадя ихъ

жизнь, если они не обороняются, и только за кровь мститъ кровью.

Послѣ довольно-крутаго подъема на гору, уже въ двадцати минутахъ ходу отъ св. города, нетерпѣливому взгляду нашему предсталъ наконецъ, съ его святыми окрестностями, Іерусалимъ — древній свидѣтель страшныхъ и великихъ для человѣчества тайнъ милосердія Божія. Далѣе виднѣется Виѡлеемъ — колыбель христіанства; вправо за Іерусалимомъ таинственный Сіонъ, залогъ спасенія христіанъ, гдѣ на послѣдней вечери Богочеловѣкъ, преломивъ хлѣбъ и пріявъ чашу съ виномъ, даде святымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, рекъ: «Пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, яже за вы ломимое, и пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многіе изливаемая во оставленіе грѣховъ». Тамъ на вершинѣ горы, Спаситель, произнося эти святыя слова чистѣйшей любви къ людямъ, передалъ этотъ залогъ спасенія души и жизни вѣчной послѣ временной жизни нашей на землѣ.

Тутъ же, въ общемъ планѣ вокругъ Іеруса-

лима, съ одной стороны изсякнувшій Кедронскій потокъ, въ жолобѣ Іосафатовой Долины, Галилея, Гора Елеонская, гдѣ Богочеловѣкъ вознесся отъ земли на небо.

Пространство, отдѣлявшее меня отъ Іерусалима, было неровное; его пересѣкали подъемы, горные спуски, рвы, лощины. Пыль знойнаго солнца налагалъ сквозъ нѣжную пелену воздуха на всю окрестность какой-то невыразимый оттѣнокъ, и эта единственная для души панорама представилась мнѣ какъ-бы въ солнечномъ, радужномъ туманѣ.

— Вотъ Іерусалимъ, сказалъ ѣхавшій возлѣ меня переводчикъ: — вотъ Сіонъ, вотъ Виѳлеемъ, Геѳсиманія. . . Я слушалъ, пожирая глазами все мнѣ указываемое, но не вѣрилъ ни собственному слуху, ни собственному взору. Я не могъ свыкнуться съ мыслію, что это точно тѣ мѣста, гдѣ родился, жилъ и страдалъ Искупитель міра! Я не постигалъ, чтобъ я своими глазами могъ видѣть тѣ святыя мѣста, именами которыхъ наполнено Евангеліе, тѣ страны, которыя мы съ младенчества привыкли воображать себѣ чѣмъ-то недосягаемымъ, тѣ мѣс-

та, наконецъ, гдѣ совершились тайны искупленія міра Сыномъ Божіимъ. Когда я могъ распознать вершину Храма Воскресенія Господня, скрывающаго подъ обширными сводами своими святой гробъ и страшную Голгоѳу, я, повинувшись безотчетному побужденію души, соскочилъ съ лошади и съ вѣрою и страхомъ приникъ головою къ землѣ передъ безцѣннымъ памятникомъ святыни. Въ это время проходило мимо насъ нѣсколько женщинъ изъ просто-народья; увидѣвъ меня съ обнаженною головою, на колѣняхъ, молитвенно обращеннаго къ Іерусалиму, онѣ начали ругаться надъ моимъ поклоненіемъ и какъ-бы хотѣли отмстить мнѣ за то, что я благоговѣлъ передъ непризнаваемой ими святыней. Вице-консулъ, говорящій поарабски, предупредилъ эту неумѣстную дерзость угрозами и, замахнувшись на одну изъ женщинъ палкою, положилъ конецъ ихъ богохульнымъ рѣчамъ.

Начиная отъ спуска главной горы, дорога дѣлается еще затруднительнѣе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, заваленная камнями, изрытая конскими копытами, запущенная, она, можно-

сказать, почти не существуетъ вовсе, и я полагаю, что на обыкновенныхъ лошадяхъ, непривычныхъ къ подобнымъ переходамъ, эта дорога была бы непроходима; но арабскіе добрые кони, отдаваемые туземными подрядчиками въ наемъ исключительно для этого переѣзда, выдерживаютъ его по привычкѣ какъ-нельзя-лучше, и даже по самымъ труднымъ мѣстамъ рѣдко скользятъ и спотыкаются.

Мало-по-малу Іерусалимъ опять исчезалъ у насъ изъ виду, и лишь въ самомъ близкомъ разстояніи отъ ограды города, мы увидѣли его вновь. Итакъ, 20-го апрѣля 1845 года въ 11 часовъ и 22 минуты, я остановился подъ стѣнами Іерусалима.

Описывать ли то, что происходило въ душѣ моей и какого рода мысли въ то время занимали умъ мой? Лучше вообразите себя на моемъ мѣстѣ, и если вы христіанинъ, то безъсомнѣнія въ глубинѣ сердца вашего пробудятся глубокія, благоговѣйныя чувства при одномъ имени святаго града!

Х.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ. — ТУРЕЦКІЙ ОБЫЧАЙ. — РАЗСУЖДЕНІЕ. — УНИЖЕНІЕ ВѢРЫ ХРИСТИАНСКОЙ. — ВХОДЪ ВО ХРАМЪ ВОСКРЕСЕНІЯ. — ДВА СЛОВА О БОГООБЯЗНИ И ПРАВОСЛАВІИ ВЪ РУССКОМЪ СЕРДЦѢ. — ПРЕНЕБРЕЖЕНІЕ КРЕСТНАГО ПУТИ: МЫСЛИ О СПОСОБѢ УСТРАНИТЬ ОСКВЕРНЕНІЕ ЕГО. — ВОРОТА ВОЗЛЮБЛЕННАГО. — СОЛНЕЧНЫЙ ЗНОЙ. — ТОЛПА НАРОДА. — ПРЕДАНИЕ МУХАММЕДАНА. — ВСТРѢЧА ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ. — ЛЕГКОМЫСЛІЕ МОЛОДАГО АМЕРИКАНЦА. — УКРѢПЛЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА. — НЕЧИСТОТА ЗА ОГРАДОЙ ГОРОДА. — ОТПИРАНІЕ ВОРОТЪ. — БЕЗПОРЯДОКЪ И ДРАКА. — ГРУСТНОЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ. — КАВАСЪ. — МИТРОПОЛИТЪ МЕЛЕТІЙ. — КВАРТИРА КОНСУЛА. — ПРЕПЯТСТВИЕ, ВСТРѢЧЕННОЕ ПРИ ПОКЛОНЕНІИ ГРОБУ ГОСПОДНЮ.

Лишь только достигли мы Іерусалима, какъ нетерпѣніе поклониться заключеннымъ въ его стѣнахъ святынямъ возростало въ насъ съ каждымъ мгновеніемъ. Между-тѣмъ непреодолимое препятствіе представилось намъ у самыхъ воротъ св. города неожиданно, какъ-бы для того, чтобъ подвергнуть наше терпѣніе еще послѣднему искушенію.

Кто, умственно слѣдя за движеніемъ моего слабаго пера, достигъ со мною цѣли моего

странствованія, преодолѣлъ всѣ препятствія, представлявшіяся карантинами и трудностями морскаго путешествія, и раздѣляя всѣ мои ощущенія, теперь остановился со мною подъ стѣнами Іерусалима; кто не читалъ, можетъ-быть, другихъ описаній святыхъ мѣстъ болѣе удачныхъ и краснорѣчивыхъ, и съ нетерпѣніемъ стремится увидѣть, хотя моими глазами, ту землю, гдѣ исполнилось предопредѣленіе Божіе о спасеніи міра — тотъ легко пойметъ, до какой степени мы были огорчены невозможностью проникнуть въ городъ, котораго ворота, за нѣсколько минутъ до нашего прибытія, были заперты, ради пятницы — дня, въ который мухаммедане іерусалимскіе, около полудня, толпами стекаются для общей молитвы въ бывшій храмъ Соломона, преобразованный въ ихъ главную мечеть; на это время всѣ городскіе выѣзды запираются, и даже привратники отходятъ отъ своихъ мѣстъ. Такимъ-образомъ не было никакой возможности, даже посредствомъ просьбъ и денегъ, войти въ городъ. Мы стучались въ ворота, вызывали сторожей, но голосъ нашъ терялся въ воздухѣ,

салимъ, ни о ихъ будущихъ предположеніяхъ; Американецъ же, веселаго и довольно-опрометчиваго нрава, находилъ принужденную нашу остановку у воротъ болѣе смѣшною и не-пріятною въ физическомъ отношеніи, нежели унизительною въ умственномъ и религіозномъ смыслѣ. Онъ самъ началъ намъ рассказывать свои оригинальныя впечатлѣнія и описывалъ планы предстоящаго ему путешествія.

— Теперь я изъ Америки, говорилъ онъ: — взгляну на Іерусалимъ, пробуду здѣсь часовъ двѣнадцать, а потомъ потороплюсь черезъ пустыню пробраться въ Египетъ, полюбоваться пирамидами; проживу нѣсколько времени въ знаменитомъ Каирѣ, и оттуда черезъ Суэзъ отправлюсь въ Индію.

Іерусалимъ обнесенъ довольно-плохими зубчатыми каменными стѣнами, за которыми въ главныхъ пунктахъ, на углахъ и городскихъ выѣздахъ, поставлены чугунныя орудія разныхъ калибровъ. Вдоль стѣнъ пролегаютъ рвы, нѣкогда глубокіе, нынѣ же полусасыпавшіеся, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ природныя

гія нечистоты — окружають городскія стѣны и наполняютъ облегающіе ихъ рвы.

Очищая внутренность города отъ подобныхъ нечистотъ, жители выбрасываютъ ихъ за ограду, ни мало не заботясь о чистотѣ наружной или о послѣдствіяхъ столь отвратительнаго сосѣдства. Между-тѣмъ, гнія подъ вліяніемъ знойнаго солнца, этотъ отвратительный соръ распространяетъ зловредный запахъ и міазмы, которыя, безъ сомнѣнія, служатъ нерѣдко зарожденію къ прилипчивыхъ болѣзней въ народѣ.

Полтора часа — полтора вѣка простояли мы въ этомъ нетерпѣніи. Наконецъ сторожа, подойдя извнутри къ воротамъ, стали медленно отпирать нѣсколько затворовъ; при отстраненіи послѣдняго затвора, стоявшая снаружи толпа съ крикомъ хлынула въ ворота. Между-тѣмъ другая толпа, выходившая изъ города, съ одинаковымъ стремленіемъ бросилась ей на встрѣчу; тутъ произошли такое столкновеніе, такая тѣснота, такой крикъ и безпорядокъ отъ нетерпѣнія и упрямства уступить другъ другу мѣсто, что нѣсколько минутъ ни одна сторона

не могла преодолѣть другую. Наконецъ, хотя и не безъ труда, мало-по-малу все уладилось. Натурально, не обошлось безъ ссоръ и драки между мусульманами. Мы сѣли на коней и быстрымъ шагомъ потянулись по извилистымъ и тѣснымъ улицамъ въ средину города.

Невыразимо-грустное, тяжелое чувство производитъ первое впечатлѣніе Іерусалима. Въ опустошенныхъ улицахъ, отдаленныхъ отъ главнаго, обитаемаго центра, кромѣ наружнаго безпорядка и нечистоты, преобладаетъ какая-то мертвая, скорбная тишина и уныніе. Главный проводникъ нашъ, такъ-называемый «ка-вась» *), привыкшій къ тѣснотѣ и дракѣ туземцевъ, скорѣе, нежели мы, преодолѣвъ напоръ толпы, одинъ изъ первыхъ ворвался въ ворота и ускакалъ впередъ по направленію къ греческому монастырю, чтобъ приготовить намъ

*) На востокѣ, консулы всѣхъ державъ имѣютъ при себѣ officialнаго проводника, изъ мѣстныхъ жителей, обыкновенно въ красивомъ малиновомъ одѣяніи, съ большою булавою въ рукѣ; онъ предшествуетъ имъ и служитъ не только проводникомъ, но какъ-бы тѣлохранителемъ и officialнымъ защитникомъ ихъ officialнаго сана.

Монахи въ черныхъ, длинныхъ рясахъ сопровождали насъ съ зажженными факелами; они шли молча, съ поникшими головами; легкій вѣтерокъ развѣвалъ длинные концы покрывалъ съ ихъ черныхъ клобуковъ. Нетерпѣніе наше росло съ каждымъ шагомъ; казалось, мы проходили безконечное пространство. Наконецъ, выходя изъ узкаго переулка, мы остановились на небольшой площадкѣ, обрамленной высокими строеніями разнообразной древней наружности.

— Вотъ храмъ, гдѣ заключены гробъ Господень и Голгоѳа! сказалъ, указывая вправо на возвышающіяся строенія, шедшій возлѣ меня монахъ Діонисій, который, по приказанію митрополита, состоялъ безотлучно при насъ въ качествѣ проводника, или чичероне...

«Голгоѳа!... Гробъ Господень!» повторялъ я за нимъ машинально. Какъ громовымъ ударомъ поразили меня эти слова. Скажите, не то ли же самое почувствовали бы вы? Вообразите, что вы стоите въ темнотѣ ночи, посреди Іерусалима, окруженные факелами и монахами; вдругъ незнакомый

*

Какое-то безотчетное, сверхъестественное чувство глубокой вѣры и страха Божія мгновенно овладѣло мною, и невыразимый трепетъ пробѣжалъ по моимъ членамъ, когда я приблизился къ этому первому памятнику, свидѣтельствовавшему мнѣ о Господѣ.

Подъ вліяніемъ этого необыкновеннаго чувства глубокаго благоговѣнія и живаго, откровеннаго сознанія собственной ничтожности, я подошелъ къ святынѣ. . . . Языкъ мой онѣмѣлъ; я не спрашивалъ у сопровождавшаго насъ монаха, что́ значитъ этотъ камень, эти горящія надъ нимъ лампы; безотчетный, душевный трепетъ говорилъ мнѣ ясно, что здѣсь одинъ изъ памятниковъ Богочеловѣка. Не требуя дальнѣйшихъ поясненій, я стоялъ въ нѣмомъ восторгѣ, какъ-бы чувствуя невидимое присутствіе Духа Божія; колѣни мои сами собою подогнулись, и въ этомъ непонятномъ мнѣ дотолѣ молитвенномъ чувствѣ я приникъ устами къ поверхности священной плиты. . . Это былъ такъ-называемый камень муропомазанія: на немъ пострадавшій Искупитель, снятый со креста, покоилъ пречистое свое тѣло,

окровавленное крестнымъ истязаніемъ, пока благочестивый Іосифъ и другіе ученики, снявшіе Іисуса съ древа, омывъ слѣды крови и обложивъ его ароматами, смирною и ливаномъ, обвивали въ плащеницу для положенія во гробъ.

Камень этотъ имѣетъ около 8 футовъ длины и 2 фута ширины. Въ прежніе годы многіе изъ поклонниковъ, желая увозить съ собою на память частицу камня, мало-по-малу сокрушали его, а потому нынѣ самый камень, на которомъ покоилось тѣло Христово, скрытъ отъ взоровъ посѣтителей мраморною полированной плитою. По сторонамъ стоятъ огромные свѣтильники, которые составляютъ общую собственность Грековъ, Армянъ и латинскаго духовенства, ибо всѣ три вѣроисповѣданія, владѣя вмѣстѣ этою частью св. храма, попеременно воскуряютъ тамъ свои кадила.

Въ 12 шагахъ оттуда, вправо, лѣстница двумя всходами, каждый въ 21 ступень, ведетъ на вершину Голгофы. Не воображайте себѣ Голгофы высокою горою: она всего лишь на 19 футовъ выше горизонта земли! Правильнѣе

постоянное богослуженіе свидѣтельствуютъ о сверхъестественномъ значеніи этой бѣдной, по земнымъ понятіямъ, могилы. Нельзя описать всѣхъ чувствъ, такъ обильно наполняющихъ душу блаженными ощущеніями при посѣщеніи святаго гроба. Молитву у гроба Господня и на Голгоѣѣ почти нельзя назвать молитвою, ибо подъ словомъ «молиться» мы обыкновенно разумѣемъ: словами выражать какое-либо прошеніе къ Богу; но тамъ нельзя произносить словъ: тамъ можно только благоговѣть. Подъ вліяніемъ неизъяснимыхъ, благоговѣйныхъ чувствъ, я переносился въ какой-то неизвѣстный мнѣ дотолѣ міръ душевнаго блаженства, невыразимаго словами. Я назвалъ бы это восторгомъ молитвеннымъ.

Была уже глубокая ночь, когда я въ первый разъ вошелъ въ Пещеру Гроба. Этотъ блестящій уголь, наполненный благоуханіемъ ладона и чистой воды восточныхъ розъ, которою безпрестанно окропляютъ престолъ, свѣтлѣлъ какъ яркое солнце; казалось, никакія земныя сокровища — ни золото, ни каменья, не могутъ изобразить величія этой могилы такъ ясно,

крышу надъ отверстіемъ, доселѣ еще виднымъ, гдѣ было утверждено животворящее древо. Отверстіе это обнесено серебряною оправою наподобіе блюда, къ которому, припадая съ колѣнопреклоненіемъ, вѣрующіе въ теп-лой, искренней молитвѣ славословятъ Все-вышняго.

По преданіямъ христіанъ извѣстно, что распятый Спаситель былъ обращенъ взорами на западъ, такъ—что Іерусалимъ оставался позади его. По обѣимъ сторонамъ этого отверстія, каменные возвышенія означаютъ мѣста, гдѣ были распяты два разбойника — единый одесную и единый ошую. Они не были распяты на одной линіи съ крестомъ Спасителя, но такимъ образомъ, что Іисусу Христу въ одно время были видны страданія обоихъ разбойниковъ. Неподалеку отъ мѣста водруженія животворящаго древа, виднѣется, сквозь серебряную рѣшетку, необычайной величины разсѣлина, образовавшаяся въ скалѣ въ то страшное мгновеніе, когда Спаситель міра «возопивъ гласомъ велиимъ, предаде духъ».

Вспомните слова Евангелія: «каменіе распа-

деся»... Дѣйствительно, нерукотворная скала, разорванная сверху до низу непостижимою силою, распалась на двое. Въ этомъ мѣстѣ, какъ гласятъ преданія, полилась священная струя божественной крови, омывшей грѣхи чело-вѣчества, и проникнувъ скалистую громаду, оросила погребенный въ этомъ мѣстѣ, по пре-данію, черепъ перваго человѣка... И почему не допустить возможности такого стеченія отда-ленныхъ обстоятельствъ, что голова Адама, погрузившаго родъ человѣческій въ бездну па-денія, волею промысла Божія находилась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Богочеловѣкъ, при-неся себя въ жертву за людей, омылъ своею кровью первородный грѣхъ Адама и его по-томковъ?...

Тамъ, гдѣ, по преданіямъ, въ небольшой сумрачной пещерѣ былъ найденъ этотъ че-репъ, также устроенъ особый престолъ.

Кстати упомяну мимоходомъ, что въ нѣ-сколькихъ шагахъ отъ этой часовни, двѣ мраморныя плиты покрываютъ могилы Готфрида Буильйонскаго и Балдуина, двухъ благочести-

Иудеями на поруганіе. Столбъ этотъ изъ сѣраго тусклаго камня съ черными пятнами; на немъ устроенъ особый престолъ.

Неподалеку оттуда, влѣво, лѣстница пересѣкаетъ стѣну храма и ведетъ какъ-бы въ обширное подземелье, высѣченное въ самой скалѣ: это Пещера св. Елены. Внутренность ея обширна и покрыта куполомъ, лежащимъ на четырехъ разнообразныхъ столбахъ. Нѣсколько лѣвѣе отъ входа показываютъ то мѣсто, гдѣ боголюбивая царица слезно молилась, пока производились, по ея приказанію, поиски животворящаго древа; оттуда вправо и одиннадцатую ступенями ниже, указываютъ мѣсто обрѣтенія честнаго и спасительнаго знаменія нашего искупленія.

Благочестивая царица, обрѣтя вѣрою и любовью къ Богу вѣчный покой и блаженство святой душѣ своей, оставила на землѣ высокое и громкое по себѣ имя; пятнадцать столѣтій благоговѣйно свидѣтельствуютъ о дѣяніяхъ праведницы и христолюбиваго ея сына, который, послѣ трехвѣковаго угнетенія христіан—

торое изъ древъ было страшное орудіе смерти Христовой.

Царица Елена удѣлила своему сыну значительную часть этой святыни. Константинъ, принявъ съ вѣрою и восторгомъ священный даръ, воспретилъ впредь казнить преступниковъ распятиемъ, и обычай этотъ съ тѣхъ поръ прекратился.

обще внутренность, изукрашенная рѣзнымъ деревомъ и образами, представляетъ величественный видъ.

Насъ водили отъ одного мѣста къ другому, объясняя значеніе cadaго памятника; мы молитвенно прикладывались къ каждому изъ нихъ, и съ душою, полною благоговѣнія, развѣдывали всѣ подробности святыхъ преданій.

Въ ризницѣ греческаго храма, въ числѣ многихъ образовъ, мощей св. угодниковъ и прочихъ рѣдкостей церковныхъ, архимандритъ показалъ намъ частицу честнаго и животворящаго древа Господня, въ золотой крестообразной оправѣ. Чувство истинной, глубокой вѣры, которымъ исполнилось мое сердце при приближеніи къ этому кресту, удвоило мое убѣжденіе, что это была дѣйствительно частица того креста, на которомъ распятъ былъ Христосъ.

Яркое солнце уже вошло надъ Іерусалимомъ, когда мы вышли изъ храма. Усталость отъ дороги и отъ безсонной, дѣятельной ночи, проведенной отчасти въ молитвѣ на колѣняхъ, отчасти же въ движеніи для обзора храма, изъ

нурила наши силы, но умъ и душа бодрствовали, сердце и воображеніе, полныя любовью къ Богу и силою благоговѣнія, не позволяли намъ искать отдыха. Возвратясь въ домъ, мы только успѣли умыться и вслѣдъ за тѣмъ пошли искать по городу другихъ воспоминаній о Томъ, Кѣмъ полонъ Іерусалимъ, вся Палестина, весь свѣтъ, вся наша жизнь и небо... Мы посѣтили Крестный Путь (*La voie douloureuse*), простирающійся отъ развалинъ дома Пилата до Голгофы. Развалина эта состоитъ изъ одной отдѣльной стѣны, гдѣ еще видно отверстіе окна, сквозь которое Пилатъ, обращаясь къ собранному передъ домомъ народу, показывалъ ему Христа, облеченнаго въ багряную ризу, покрытаго терновымъ вѣнцомъ, и произнесъ слова: «Се человѣкъ!»....

Шатобріанъ, говоря о терновомъ вѣнцѣ Спасителя, замѣчаетъ, что нельзя утвердительно, сказать изъ какого онъ дерева былъ сплетенъ. Одни называютъ это растеніе латинскимъ наименованіемъ: «*Lycium spinosum*», другіе же, и между-прочимъ знаменитый ботаникъ Гасельквистъ, полагаютъ, что вѣнецъ былъ

сенія настоящей своей жизни погубить будущую отреченіемъ отъ Христа и принятіемъ мухаммеданскаго закона. Пройдя такъ скоро мимо полурастворенныхъ дверей въ каменной стѣнѣ, скрывающей за собою великолѣпную мечеть, я едва успѣлъ обнять ее торопливымъ взглядомъ, и послѣ уже разсмотрѣлъ общій ея очеркъ съ возвышенія внѣ города, откуда она представляется величественною, превышая своею громадностью всѣ строенія Іерусалима. Но подробный, вѣрный отчетъ объ архитектурныхъ ея достоинствахъ дать трудно на такомъ значительномъ разстояніи.

Мы вышли за городъ, къ Іосафатовой Долинѣ. Сотни тысячъ могилъ еврейскихъ тѣсняются въ этой долинѣ, гдѣ каждый Израильтянинъ считаетъ высшимъ для себя счастіемъ похоронить свои и своего семейства кости. Долина эта не представляетъ собою ничего очаровательнаго для взгляда: тощій ручеекъ, слабый преемникъ нѣкогда бурнаго потока Кедронскаго, протекаетъ по блѣдному каменистому руслу. По дорогѣ указали намъ мѣсто муче-

земли, на которой совершилось ужасное событіе, и когда вы глядите на нихъ, васъ невольно волнуютъ глубокія впечатлѣнія. Свѣжій вѣтерокъ колыхалъ вѣтви и только въ этомъ мѣстѣ, посреди мертвой тишины, шелестилъ странными звуками, которые доходили до моего слуха то гуломъ невнятныхъ словъ, то отдаленнымъ, едва слышнымъ напѣвомъ; словомъ, мнѣ казалось, что по временамъ слышится то тихая молитва, то стонъ и вздохи, то пѣснь ангеловъ, то приговоръ проклятія; но все это происходило невнятно и переменчиво; я старался прислушиваться и почти боялся, чтобъ не нарушить этой непостижимой гармоніи.

Довольно замѣчательно, что въ этотъ знойный день, когда въ окрестностяхъ все пылало отъ жара, промежду осиротѣлыхъ восьми деревьевъ вѣялъ холодный вѣтеръ, освѣжавшій воздухъ до такой степени, что насъ прохватилъ ознобъ. Я приписалъ—было это лихорадочному вліянію нравственныхъ ощущеній на нервы, но спутникъ нашъ, о. Діонисій, увѣрялъ, что въ этомъ мѣстѣ всегда бываетъ свѣжо, и что,

несмотря на спокойствіе атмосферы, окружающей это малое пространство, здѣсь всегда бываетъ вѣтерокъ, запрещающій даже самому воздуху быть въ спокойствіи.

При стеченіи большаго числа поклонниковъ въ Іерусалимѣ, къ этимъ деревьямъ приставляютъ сторожей, чтобъ не допускать ревностныхъ христіанъ разрушать послѣдніе остатки сада обрываніемъ вѣтвей на память.

Любимое мѣсто молитвы Спасителя обозначено большимъ камнемъ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, тотъ самый, возлѣ котораго Сынъ Божій проводилъ часы въ послѣдней молитвѣ, пока три ученика его, лежа вблизи на скатѣ горы, были объаты неодолимымъ сномъ. Здѣсь небесный Сынъ молилъ небеснаго Отца... таинственная бесѣда двухъ лицъ нераздѣльнаго Божества, святое, чистое откровеніе божественной души Бога—Сына передъ божественнымъ престоломъ Бога—Отца, и со Отцемъ и Сыномъ — Духъ Святый!

Я палъ на колѣни и съ вѣрою приложилъ уста къ поверхности этой земли, припоминая, какъ Безгрѣшный, обрекшій Себя на смерть,

онской. Тутъ даже показываютъ въ камнѣ слѣды ея святыхъ дѣвственныхъ рукъ.

Неподалеку оттуда находится другой камень, обозначающій мѣсто, гдѣ Богоматерь явилась апостолу Ѳомѣ, оставивъ ему поясъ, которымъ была препоясана.

Намъ указали такъ — называемыя Грязныя Ворота, чрезъ которыя вели Спасителя на судъ, и вдали — гробницы Іосафата и Авессалома.

При входѣ въ Іерусалимъ, привратники подчивали насъ кофе и трубками, и вслѣдъ затѣмъ, разумѣется, выпрашивали денегъ.

Монахъ Діонисій добрый и хорошій человекъ, но хладнокровный къ изученію окружающихъ его святынь; а потому, еслибы, положившись только на его ограниченныя свѣдѣнія, я не принялъ предосторожности взять съ собою разныхъ описаній, то рѣшительно ничего не видѣлъ бы и ничего не узналъ бы. Каковы же должны быть познанія другихъ братій, спрашивалъ я самъ себя, если Діонисій считается у нихъ однимъ изъ ученѣйшихъ? Это значительный недостатокъ, влекущій за собою важныя послѣдствія! Слава Богу, бла-

годаря мощному вліянню Россіи на дѣла востока, православіе тамъ держится твердо и неизмѣнно. Но во сколько разъ собственная моральная сила греческаго духовенства могла бы увеличиться и противоборствовать вліянню латинскаго духовенства, если бы наши православные были болѣе образованы и болѣе принимали къ сердцу изученіе того, что ихъ окружаетъ. Къ-сожалѣнію, я долженъ сознаться, что неразъ былъ поставленъ въ необходимость обращаться съ вопросами къ римско-католическимъ священникамъ, не получая никакихъ объясненій отъ добраго отца Діонисія.

Вечеромъ мы пошли опять на всю ночь въ храмъ ко гробу Господню.

XV.

Ночи, проведенныя въ храмъ. — Ризница. — Мощи св. Василия Великаго. — Архирейское служеніе въ греческомъ храмъ. — Сравненіе. — Молитва у гроба Господня. — Чтеніе Евангелія на Голгоѣѣ. — Исповѣдь тамъ же. — Принятіе св. тайнъ въ Пещеръ св. Гроба. — Глубокія, необыкновенныя впечатлѣнія. — Отдыхъ; посѣщеніе патриарха. — Условіе съ разбойниками; ихъ наружность. — Приготовленія къ дорогѣ.

Впродолженіе этой второй молитвенной ночи, проведенной между Голгоѣю, гробомъ Господнимъ и другими драгоцѣнными памятниками христіанства, мы еще болѣе съ ними ознакомились, и, казалось, благоговѣйныя впечатлѣнія еще глубже проникли въ душу.

Къ разсвѣту монахи стали колотить въ доску, призывая православныхъ братій къ слушанію часовъ и литургіи. Въ этотъ промежутокъ времени хранитель, или ключарь святогробной ризницы, пригласилъ насъ осмотрѣть ввѣренныя его попеченію священные предметы. Ме-

жду прочимъ мы приложились къ мощамъ св. Василя Великаго, котораго рука, въ цѣломъ ея составѣ, свидѣтельствуесть о нетлѣнности праведнаго тѣла. Литургію, какъ и наканунѣ этого дня, мы отслушали въ самой Пещерѣ Гроба Господня.

Точно такъ же провели мы и третью ночь, послѣ которой, по случаю воскреснаго дня, въ обширномъ отдѣлѣ греческой церкви, расположенной входомъ прямо противъ гроба Господня, одинъ изъ архіереевъ служилъ съ многочисленнымъ причетомъ, въ восьмомъ часу утра, поздною, по тамошнимъ обычаямъ, обѣдню.

— Первыми строками моими я обязался передавать читателямъ впечатлѣнія свои откровенно, а потому не могу скрыть, что послѣ глубокихъ, ни съ чѣмъ несравненныхъ чувствъ во время тихой молитвы и смиреннаго богослуженія предшествовавшихъ ночей, впечатлѣніе великолѣпнаго служенія архіерейскаго было уже не такъ сильно и глубоко. Великолѣпіе это, которое само по себѣ умѣстно въ внѣшнемъ порядкѣ священнослуженія, и ко-

торое придаетъ торжественную величественность нашимъ церковнымъ обрядамъ — въ настоящемъ случаѣ поразило меня противоположнымъ этому чувствомъ. Воспоминанія ли безмолвныхъ молитвенныхъ ощущеній, которыми я былъ такъ преисполненъ при первомъ посѣщеніи іерусалимской святыни; близкое ли сосѣдство этого великолѣпія съ скромною гробницею Царя Царей; видъ ли пышнаго облаченія архіерея, въ блестящей митрѣ, съ богатымъ посохомъ, на великолѣпномъ сѣдалищѣ подъ балдахиномъ, при преклоняющихся ему до земли священнослужителяхъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ Спаситель міра, облеченный въ багряную ризу, съ тростью въ рукѣ, съ сплетеннымъ изъ терній на главѣ вѣнцомъ былъ привязанъ къ столбу и тамъ битъ, поруганъ и оплеванъ; сосѣдство ли самой Голгофы, гдѣ Онъ, подверженный истязаніямъ пропятія, распростеръ длани свои на крестѣ; громкіе ли греческіе напѣвы, вмѣсто прекрасныхъ звуковъ, отрадныхъ русскому сердцу славянскаго языка; шумная ли толпа народа, наполнявшая

время были весьма опасны: междоусобная борьба туземцовъ поставляла путешественниковъ въ необходимость избирать одно изъ двухъ средствъ для обезпеченія себя отъ нападений и грабежа: либо нанимать многочисленный конвой, требующій значительныхъ издержекъ, либо довѣрить судьбу свою по контракту нѣсколькимъ разбойникамъ, которые, выговоривъ себѣ за эту услугу извѣстную плату, даютъ знать всѣмъ окрестнымъ товарищамъ буйнаго своего ремесла, чтобы путешественники взяты были подъ ихъ личную отвѣтственность. Этотъ послѣдній способъ самый вѣрный и безопасный, а потому и мы его избрали. Давъ заранѣе порученіе войти за насъ въ сношеніе съ благонадежными грабителями и такимъ образомъ заключивъ съ ними заочно условіе, мы въ назначенный часъ нашли ихъ у себя на дворѣ, въ полномъ вооруженіи и готовности намъ служить. Лица этихъ бродягъ, впрочемъ, въ своей сферѣ весьма благонадежныхъ, изображали немало кровожадныхъ наклонностей и крутыхъ выходокъ. При видѣ этихъ злодѣевъ, мысль, что мы избираемъ ихъ себѣ въ тѣло-

XVI.

СОВѢТЪ МИТРОПОЛИТА МЕЛЕТІЯ. — ПЕТРА АРАВІЙСКАЯ. — СЕЛЕНІЕ КЕРАКЪ. — ОТЧЕТЪ ПО СБОРУ ДОБРОХОТНЫХЪ ПРИНОШЕНІЙ НА ПОСТРОЕНІЕ ХРАМА. — ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ. — ПУТЕШЕСТВІЕ МИТРОПОЛИТА ВЪ КЕРАКЪ; ЕГО СОДѢЙСТВІЕ КЪ УСПѢШНОМУ ХОДУ ПРЕДПРІЯТІЯ. — УПОТРЕБЛЕНІЕ СОБРАННЫХЪ ДЕНЕГЪ. — УПРОЧЕНІЕ СУЩЕСТВОВАНІЯ ХРАМА НА БУДУЩІЯ ВРЕМЕНА. — СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ УЧАСТНИКАМЪ ЭТОГО ПРЕДПРІЯТІЯ.

Не довольствуясь тѣми священными воспоминаніями Іерусалима, которыя начертаны въ глубинѣ души моеѣ, и желая ознаменовать чѣмъ-нибудь полезнымъ для христіанства пребываніе мое въ святой землѣ — такъ-сказать, упрочить выраженіе благодарности моеѣ къ Богу, сподобившему меня посѣтить святыя мѣста земной жизни и смерти Спасителя, я просилъ духовнаго отца, преосвященнаго Мелетія, указать мнѣ, какимъ истинно-полезнымъ христіанскимъ дѣломъ могъ бы я достигнуть своей цѣли. Достойный митрополитъ, обращая вниманіе мое на бѣдственное положеніе своей паствы, указалъ на селеніе Керакъ, за Іорда-

Здѣсь же считаю долгомъ засвидѣтельствовать примѣрное христіанское усердіе извѣстной мнѣ лишь по неустомимымъ стараніямъ въ пользу этого дѣла дѣвицы Надежды Бекетовой; руководимая искреннимъ христіанскимъ усердіемъ, она съ своей стороны въ то же время собрала въ С. Петербургской, Московской, Новгородской, Тверской, Нижегородской, Пензенской, Тамбовской и Симбирской Губерніяхъ 3,943 руб. 13 $\frac{3}{4}$ коп. серебромъ, а духовенство Пензенской Епархіи, соревнуя усердію своей соотечественницы, представило въ Святѣйшій Синодъ 2,519 рублей. Всего же общими стараніями было собрано слишкомъ 31,081 руб. серебромъ.

Несмотря на всѣ трудности и препятствія при сооруженіи христіанскаго храма въ отдаленной пустынѣ, стараніями іерусалимскаго патріарха Кирилла, и въ-особенности попеченіями достойнаго намѣстника его, высокопреосвященнаго митрополита Мелетія, при означенныхъ выше денежныхъ пожертвованіяхъ, дѣло началось благополучно: окрестные жители не препятствовали благому начинанію, а

губили ласковость въ сношеніяхъ своихъ съ христіанами Керака.

Между-тѣмъ учреждена уже арабская школа при керакской церкви; временно опредѣлены въ нее два пустыннослужителя отъ Монастыря св. Саввы, знакомые съ нравами и жизнію Арабовъ того края. Обязанность ихъ — воспитывать юношество и руководить мѣстное духовенство.

— На все это, равно какъ и на подобающее украшеніе церкви, уже сдѣланы пожертвованія изъ казны святогробной, по усердію патріарха и достойнаго его намѣстника къ благому начинанію, которымъ одна изъ древнѣйшихъ енархій православнаго міра, среди тысячилѣтнихъ тревоженій востока осиротѣвшая и отрѣшившаяся отъ іерусалимскаго духовнаго попечительства, по причинѣ безначалія, господствовавшего во всей окрестной странѣ, но чудесно сберегавшая въ себѣ животворящій свѣтъ откровенія, ознаменована теперь заботами столькихъ боголюбивыхъ сердець православнаго сѣвера.

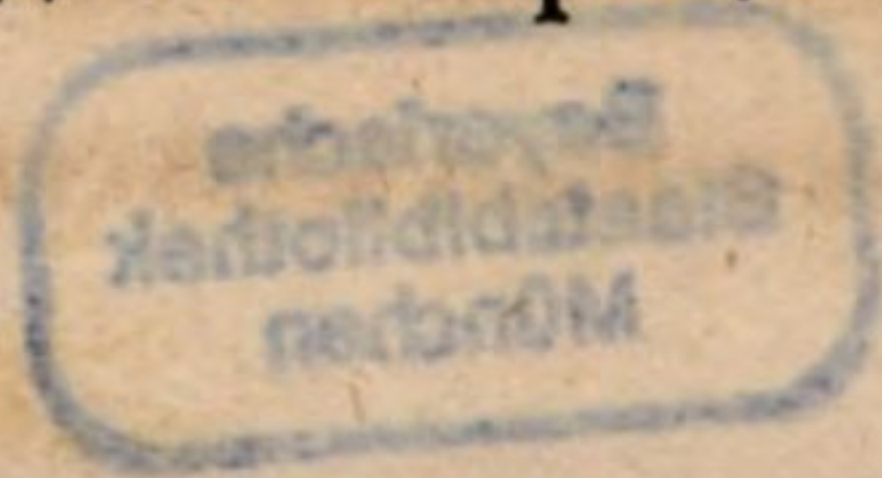
— Кромѣ сооруженія храма и основанія учи-

лища для дѣтей Арабовъ, согласно первоначальному плану устроено и убѣжище для богомольцевъ и даны средства все это содержать приличнымъ образомъ. Желая на всегда упрочить это предпріятіе, за отдѣленіемъ 7,943 р. 13 $\frac{3}{4}$ к. сер., употребленныхъ на сооруженіе зданій, я, съ утвержденія Св. Синода, внесъ изъ собранныхъ приношеній 20,619 р. 71 к. сер. въ кредитныя учрежденія, на безсрочное время, съ тѣмъ, чтобы одною частью непрерывнаго дохода могла поддерживаться церковь съ училищемъ въ Керакѣ, а другая часть составляла запасный капиталъ на могущіе встрѣтиться впослѣдствіи непредвидимые и экстренные расходы. Билеты въ 20,619 р. 71 к. сер. хранятся въ Св. Синодѣ, удостоившемъ взять на себя попеченіе отпускать на нужды керакской церкви часть процентовъ съ неприкосновеннаго вѣчнаго капитала, обращающагося въ россійскихъ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ.

Вотъ отчетъ въ лептахъ, такъ благодушно принесенныхъ русскимъ народомъ на поддер-

жаніе свѣта православія въ его восточныхъ единовѣрцахъ.

Мнѣ отрадно заключить послѣднія строки этой части дневника своего выраженіемъ душевной признательности всѣмъ, кто содѣйствовалъ мнѣ въ этомъ христіанскомъ подвигѣ. Полагаю, никому изъ нихъ не непріятно будетъ удостовѣриться въ полезномъ и Богу пріятномъ развитіи плода, ими посѣяннаго — узнать, что въ дальней странѣ, въ одинокой, скромной церкви, ежедневно, при прославленіи Бога истиннаго, молятся за нихъ и въ продолженіи будущихъ столѣтій не престанутъ возсылать за нихъ молитвы. А молитва собратій открываетъ двери милосердія Божія, и наконецъ, когда ударитъ часъ разставанія съ землею жизнію, каждый изъ васъ, основателей храма Божія въ пустынѣ, вспомнивъ, что онъ не безъ пользы совершилъ свое земное поприще, утѣшитъ совѣсть свою отрадною мыслію, что эта строка въ жизни его прочтется въ вѣчности и, можетъ-быть, опредѣлитъ возмездіе тамъ, гдѣ всякое доброе дѣло сторицею вознаграждается.

Adlerberg, Nikolaj V.,

Iz Rima v Ierusalim

Sanktpeterburg 1853

It.sing. 1511 i

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10470169-2